

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

РЕЗНИКОВА ЕВГЕНИЯ ДМИТРИЕВНА

**Московский Университет в контексте правительственной политики в
области просвещения (1884-1905 гг.)**

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Левандовский Андрей Анатольевич

Москва — 2017

Оглавление

Введение	3
Обзор источников	7
Историография	25
Глава I.	
Университетский вопрос в 1870-80-е гг. и принятие нового устава	41
Глава II.	
Наращение кризиса в университете	98
Глава III.	
Политизация студенческого движения в начале XX века	144
Заключение	205
Библиография	209

Введение

Актуальность исследования. Проблема университетского образования актуальна в России во все времена. Университет занимает особое место в системе образования и в общественной, культурной жизни России XIX века. Дело просвещения молодежи, воспитания будущего страны постоянно находилось в центре особенно пристального внимания правительства. Поэтому важен и интересен вопрос об организации университетской жизни, которая в значительной степени всегда определялась университетским уставом. На протяжении своего существования Императорские университеты переживали разные эпохи, порядки в их стенах регламентировались различными по своей направленности уставами.

Перемены в общественно-политической жизни России XIX — начала XX вв., в направлении политического курса самодержавия неизбежно отражались на университетской жизни, что выражалось в очередных изменениях, вносимых в устав университетов. Однако необходимо подчеркнуть, что и университет в свою очередь оказывал весьма значительное влияние на общественно-политическое движение. Студенты, будучи традиционно наиболее передовой и активной частью общества, всегда чутко и живо реагировали на любые изменения в окружающей их действительности.

Таким образом, взаимное влияние развития общественно-политической атмосферы в государстве и направления течения университетской жизни становится очевидным. Для нас эта взаимосвязь представляет огромный интерес, ведь, исследуя университет, его жизнь и порядки, можно выйти на ряд важнейших общественно-политических проблем.

Объектом исследования является Московский Университет в последней четверти XIX — начале XX вв., его внутренняя жизнь. Поскольку события в Московском университете нельзя рассматривать в отрыве от студенческого движения в целом, в ходе исследования принимались во внимание также события в Санкт-Петербургском, Киевском и др. университетах - постольку,

поскольку они оказывали заметное влияние на университетскую жизнь в Москве.

Предмет исследования — влияние университетского устава 1884 г. на жизнь Московского университета и дальнейшая политика властей в отношении Университета.

Хронологические рамки работы определяются 1884-1905 гг. Отправной точкой исследования является 1884 год — год принятия нового университетского устава. Тем не менее, в работе присутствуют ссылки на более раннее время, поскольку окончательному решению по данному уставу предшествовала долгая и оживленная дискуссия, без хотя бы краткого взгляда на ход которой нельзя получить полное представление о сущности и значимости итоговой университетской реформы. Конечная дата — 1905 год — гибель первого избранного ректора Московского Университета С.Н. Трубецкого, увенчавшая крах последних созидательных попыток остановить надвигающуюся лавину студенческого революционного движения и возвращения учащейся молодежи в мирную академическую жизнь. Конечно, внутри указанных общих хронологических рамок выделяются некие промежуточные рубежи в развитии взаимоотношений власти и университета.

Цель исследования состоит в комплексном изучении положений устава 1884 г. и характера его воздействия на университетскую жизнь во всех ее проявлениях.

Университетский устав 1884 года имел принципиальное значение в политике самодержавия последней четверти XIX века. Университетская политика 80-х гг. отражала общую направленность действий правительства. Можно сказать, что сам этот устав характеризует эпоху, в которой создавался. Неудивительно, что его претворение в жизнь вызвало широкий отклик в обществе, и реакция эта была далеко не однозначной. Устав вызвал множество оживленных, ожесточенных споров. Борьба мнений по университетскому вопросу была тесно связана с общественно-политической борьбой пореформенной эпохи.

Вопрос просвещения молодежи в это время начал вызывать особенное беспокойство в правительстве. Основой самодержавного курса в 1880-е годы было укрепление своей власти и борьба с оппозиционными течениями в обществе. Университет, получивший широкую автономию по уставу 1863 года, являлся наиболее благоприятной средой для их распространения и активизации. В связи с этим важно разобраться и в том, каково было понимание обществом предназначения университета и его роли в жизни страны.

В соответствии с целью ставятся следующие **задачи исследования**:

1. Проанализировать положения университетского устава 1884 г. в сравнении с уставом 1863 г.;
2. Выявить основные причины недовольства студентов сложившимся порядком в университете;
3. Проследить динамику развития студенческого движения в Московском университете в контексте правительственной политики и позицию московской профессуры по отношению к этому движению;
4. Проанализировать основные черты и эффективность методов, применяемых правительством для нормализации обстановки в университете.

Методологической основой работы являются основные принципы исторического исследования — историзм, системный подход, стремление к научной объективности. Данные методы необходимо использовать при работе с различными типами исторических источников, многие из которых относятся к источникам личного происхождения (дневники, воспоминания, переписка). Принцип историзма позволил исследовать события университетской жизни в общем контексте данной эпохи, общественно-политической ситуации в России в последней четверти XIX — начале XX вв. в целом. Принцип системности применялся при изучении отдельных элементов правительственной политики, университетской жизни, студенческого движения и движения революционного, позволив раскрыть причинно-следственные связи явлений и взаимное влияние политики властей и поведения студентов; структурировать общественно-политические настроения в университете в целом (как среди студенчества, так

и среди профессуры) и раскрыть взаимное влияние его составляющих; а также соотнести движение студенческое и революционное, сделав акцент на пересечении их составляющих и на основании этого оценить степень включенности учащейся молодежи в революционное движение. Принцип объективности, как уже говорилось, применялся при изучении большого комплекса разнообразных источников.

Следует отметить, что в работе над диссертацией использовались проблемно-хронологический и сравнительно-исторический подходы, благодаря которым перемены в университетской жизни, связанные с введением устава 1884 года, и ход последующих событий изучались не только в хронологической последовательности, но и в тесной взаимосвязи с различными фактами общественно-политической жизни России в данный период. При этом рассматривались факторы, оказывавшие как прямое влияние на динамику дальнейших событий (политические меры правительства, сношения студентов с революционерами, позиция и поступки преподавателей), так и опосредованное (политика властей в отношении земств и т. д.). Сравнительно-исторический метод применялся при сравнении позиций и характерных черт различных направлений студенческого движения, изучении взглядов профессуры (в этой среде также не было единства мнений по университетскому вопросу и общественно-политической обстановке в стране), сравнении взглядов и политических мероприятий в правительстве во времена правления Александра III и Николая II и в министерстве народного просвещения при разных министрах.

В работе применялся также метод индукции, позволивший, двигаясь от частного к общему, восстановить ход развития студенческого движения, в том числе динамику взаимодействия учащейся молодежи и профессуры с правительством, а также процесс складывания политического курса самодержавия, приведшего к формированию определенной общественно-политической обстановки в целом к началу XX века.

Научная новизна исследования. В диссертационной работе впервые прямо ставится вопрос о степени влияния университетского устава не только на внутреннюю жизнь университета, но и на общественно-политическую ситуацию в целом. Взаимодействие студентов, преподавателей, университетского начальства, полицейского ведомства, наконец правительства анализируется в комплексе, а полученные выводы выстраиваются в последовательную цепочку, ведущую от принятия университетского устава (касавшегося, казалось бы, чисто академических сфер) к общественно-политическому взрыву начала XX века.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

Обзор источников

Комплекс источников, на основе которых была написана данная работа, характеризуется многочисленностью и высоким разнообразием. Использовались как опубликованные источники, так и архивные материалы (автор работал в Государственном Архиве РФ и в Центральном Государственном Архиве Москвы).

Итак, в разной степени, в работе использовались источники законодательные, делопроизводственные, публицистические и личного характера.

К первой группе документов — законодательных — отнесем прежде всего университетские уставы 1863¹ (автор работал с отдельной брошюрой) и 1884² гг. (опубликован в сборнике «Россия. Законы и постановления»), играющими стержневую роль в нашем исследовании. Подробная характеристика каждого из уставов представлена в основной части работы. Следует отметить, что анализ основных положений устава 1863 года важен для нас, поскольку позволяет сформировать общее понимание университетской

¹ Университетский устав 1863 года./ Россия. Законы и постановления.- СПб. 1863.

² Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884.

политики правительства этого периода и обстановки, сложившейся в университете в 1860-1870-е гг., накануне коренных реформ в области просвещения, проследить динамику развития ситуации, понять, каким образом пересмотр устава стал возможен. Устав 1884 года является предметом исследования, поскольку в центре внимания автора — обстановка, сложившаяся в университете в результате воплощения в жизнь его положений. Кроме того, этот устав интересен во многом как олицетворение выбранного правительством в начале 1880-х гг. политического курса контрреформ.

В другую подгруппу законодательных источников можно включить ряд специальных распоряжений министерства народного просвещения в отношении высших учебных заведений. Распоряжения эти были вызваны студенческим движением и представляли собой попытки снизить накал напряженности среди учащейся молодежи. Разумеется, данные меры имели чрезвычайный, временный характер. Речь идет о следующих документах: «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков» (от 29 июля 1899 г.)³, «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения» (от 22 декабря 1901 г.)⁴, «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» (от 27 августа 1905 г.)⁵. Положения каждого из этих документов анализируются в основной части работы. Введение каждого из этих распоряжений обозначает новый этап во взаимоотношениях правительства и недовольного студенчества и попытки властей погасить нараставший конфликт принципиально различными способами — от самых жестких мер в 1899 г. (Временные правила об отдаче студентов в солдаты) до предоставления университетам долгожданной

³ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 19. Ч. 1. № 17484. 29 июля. 1899. Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков.

⁴ Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения. СПб., 1901.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 25. Ч. 1. № 26692. 27 августа 1905. О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства Народного Просвещения.

автономии в 1905 г. В работе характеризуются условия, при которых принимались указанные Временные правила, а также прослеживаются последствия их введения.

Среди делопроизводственных документов следует выделить прежде всего доклады должностных лиц и комиссий по итогам проведенной работы. Так, в работе исследуются основные положения доклада П.С. Ванновского о причинах студенческих беспорядков в феврале 1899 года⁶ и тесно связанного с этим событием доклада комиссии⁷, проводящее специальное расследование причин студенческих волнений. К этой же группе отнесем и рескрипт Николая II на имя Ванновского по случаю назначения последнего на должность министра народного просвещения⁸. Рескрипт этот важен для нашей работы, поскольку отражает реакцию правительства на убийство прежнего министра Н.П. Боголепова и декларацию некоторых перемен в политике в области просвещения.

Кроме того, в работе были использованы обзоры деятельности министерства народного просвещения за интересующий нас период⁹. Информация, извлеченная из данных источников, носит скорее справочный характер.

Автором данной работы был изучен большой комплекс неопубликованных делопроизводственных документов. Прежде всего, это целый ряд документов фонда 3 отделения Департамента полиции в ГА РФ, посвященных надзору, арестам, высылке провинившихся студентов¹⁰. Многие архивные дела представляют собой целые дела конкретных студентов со всем комплексом сопроводительных документов: сообщений министерства народного просвещения, департамента полиции, университетской администрации, московского генерал-губернатора и сибирских губернаторств,

⁶ Доклад П. С. Ванновского о студенческих беспорядках 1899 г. СПб., 1906.

⁷ ЦГА Москвы. Ф. 418.

⁸ Высочайший рескрипт, данный на имя члена государственного совета, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Ванновского // Право. -1905. - [№ 1 - 26]. - С. 1661.

⁹ Обзор деятельности Ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III. - СПб. 1901.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 102.

куда высылали бывших студентов. Там же содержатся различные справки и листы гласного и негласного надзора за студентом, протоколы их допросов, объяснительные записки, решения министерства о назначении наказания, прошения о смягчении наказания (от самих студентов или их родителей) на имя министра или даже самого императора, ответы на эти прошения, запросы о поведении студентов на месте высылки и ответы на них. Все эти документы позволяют на конкретных примерах проследить судьбы некоторых студентов, не ограничиваясь лишь общими сведениями о численности исключенных и высланных за те или иные проступки молодых людей.

Документы вышеперечисленных типов хранятся и в Центральном Государственном Архиве Москвы в фонде Императорского Московского Университета¹¹. Это многочисленные объявления, сообщения, обращения и распоряжения, касающиеся сходок и прочих университетских событий, от имени ректора Московского Университета, попечителя учебного округа, московского обер-полицеймейстера, министра народного просвещения, сделанные ими, а также инспекторами подробные описания сходок и обструкций, решения о наказаниях для провинившихся студентов, списки учащихся, участвовавших в сходках и подвергшихся различным наказаниям, прошения исключенных и высланных бывших студентов о пересмотре дела и обратном приеме в Университет. В фонде находятся извлечения из протоколов заседания Правления Университета по различным вопросам. Отдельно стоит упомянуть обращение профессоров Московского Университета к студентам с призывом отказаться от чуждой им и университету забастовки как метода борьбы. Трагизм ситуации заключался в том, что к этому времени студенчество практически уверилось в том, что мирными, чисто академическими средствами они уже не смогут донести свои голоса до властей, и их разочарование поступком своих наставников отразилось в ряде ответных обращений.

Крупное архивное дело посвящено событиям 1884 года на Страстном бульваре, когда студенты устроили демонстрацию у типографии Каткова.

¹¹ ЦГА Москвы. Ф. 418.

Особенный интерес для нашей работы представляют многочисленные объяснительные записки, показания задержанных тогда студентов. Содержание этих документов проанализировано в соответствующей главе.

Отдельного внимания заслуживает доклад Комиссии, созданной в 1901 году для выяснения причин студенческих волнений. В докладе представлен полный отчет о проделанной работе, ее результаты и предложения членов Комиссии по улучшению ситуации в университете. Для нашего исследования данный документ представляет большой интерес, поскольку отражает попытку правительства наладить университетскую жизнь и результаты этой попытки.

Делопроизводственная документация, касающаяся университетского вопроса, содержится также в фонде П.Д. Святополк-Мирского в ГА РФ¹², занимавшего должность министра внутренних дел в 1904-1905 гг. Это прежде всего различные сообщения и записки о положении дел в университете (в том числе сообщения директора департамента полиции), направленные к нему для сведения.

Немалый пласт документов делопроизводственного характера касаются положения и деятельности земских учреждений. В фонде С.Н. Трубецкого в ГА РФ¹³ хранятся адреса земств к императору, в которых выражается их надежда на скорые либеральные реформы и дарование земским представителям возможности доносить свои голоса до верховной власти. Адреса эти имеют верноподданнический характер и ярко характеризуют настроения либерального общества в момент восшествия на престол молодого государя Николая II. В уже упомянутом фонде Святополк-Мирского хранятся протоколы заседаний земских деятелей, прошедших спустя десятилетие после полных надежд обращений к императору. Поддержка Святополк-Мирского укрепляла земских деятелей в их стремлении бороться за право быть услышанными властью, но их надеждам все же не суждено было сбыться. На основании указанных групп документов можно сделать выводы о том, как менялось настроение земств в данный период. Для нас это важно как иллюстрация атмосферы в обществе в

¹² ГАРФ. Ф. 1729.

¹³ ГА РФ. Ф. 1093.

целом и как отражение позиции либералов, точку зрения которых студенты не упускали из виду в пору исканий.

Весьма многочисленную группу источников составляет публицистика. Прежде всего это периодическая печать, на страницах которой и велась основная полемика накануне принятия нового устава, обсуждались его последствия для российского высшего образования. В работе использовались как публикации в печати, так и современные сборники статей.

Эту подгруппу источников можно разделить на две ветви. Первая ветвь включает статьи консерваторов, сторонников пересмотра устава 1863 года. Это работы М.Н. Каткова и Н.А. Любимова, главных представителей этого направления, выходившие на страницах газеты «Московские ведомости»¹⁴ и журнала «Русский вестник»¹⁵. В этих периодических изданиях публиковались и другие статьи, обычно без подписей авторов. К другой ветви относятся статьи либералов, противников коренного изменения существовавшего положения дел в университете. Здесь наиболее активными участниками были В.И. Герье и С.А. Усов. Либерального направления придерживались журналы «Вестник Европы»¹⁶ и «Отечественные записки»¹⁷, газеты «Голос»¹⁸, «Порядок»¹⁹, «Русские ведомости». Многие статьи в этих изданиях также выходили без подписей. Обратимся сначала к первой ветви. Газета «Московские ведомости» издавалась в Москве в 1756—1917 гг. (до 1842 г. — 2 раза в неделю, затем 3 раза, а с 1859 г. выходила ежедневно). До 1909 г. принадлежала Московскому университету. С 1863 г., когда редакторами газеты стали М.Н. Катков (до 1887 г.) и П. М. Леонтьев (до 1875 г.), она приняла реакционный характер и пользовалась большим влиянием в бюрократических верхах. Правительство поддерживало газету Каткова казёнными объявлениями. «Русский вестник» издавался в Москве (в 1856-1887 гг.) и Санкт-Петербурге (в 1887-1906 гг.). Редактировал журнал М.Н. Катков. Это был журнал литературный и

¹⁴ Московские ведомости. - М., 1878-1885.

¹⁵ Русский вестник. - М., 1876-1886.

¹⁶ Вестник Европы. - Спб., 1873-1905.

¹⁷ Отечественные записки. - Спб., 1873-1884.

¹⁸ Голос. - Спб., 1882.

¹⁹ Порядок. - Спб., 1881.

политический. В нем публиковались статьи и заметки, посвященные проблемам отечественной и зарубежной истории, филологии, экономики, торговли и т. д. С журналом сотрудничали многие писатели и поэты: Л. Толстой, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Тютчев, Фет, Достоевский, Лесков. И, конечно, поскольку одной из важнейших тем, находившихся в центре внимания общества в интересующий нас период времени, был университетский вопрос, журнал активно участвовал в полемике.

При написании данной работы также использовались сборники статей. Прежде всего, следует упомянуть «Собрание передовых статей «Московских ведомостей»²⁰ за 1874-1887 годы. Этот сборник издавала его жена, С.П. Каткова.

Кроме того, в работе были использованы сборники статей Каткова в современных изданиях: «Идеология охранительства»²¹, «Имперское слово»²², «Избранные труды»²³. Кроме того, привлекалось и вышедшее в 2012 году Собрание сочинений М.Н. Каткова в 6 томах²⁴. В этих сборниках не было обнаружено каких-либо несовпадений с материалом, представленным в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике», поэтому основная работа проводилась именно с публикациями XIX века. Инициатором оживленной дискуссии в печати выступил профессор Н.А. Любимов, опубликовавший в 1873 году в «Русском вестнике» статью «Мнение по поводу предстоящего пересмотра университетского устава». Мы начинаем отсчет с нее, так как именно в этой статье были сформулированы основные причины недовольства порядком в университете, созданным уставом 1863 года, и предложена программа желательных изменений. Затем эту линию подхватил Катков, который сразу же стал самым активным участником дискуссии. Его статьи имели программный характер, в них он методично, подробно, тщательно излагал свое понимание правильной организации академической жизни. Как

²⁰ Собрание передовых статей Московских ведомостей. – М., 1897-1898 гг.

²¹ Идеология охранительства: [сборник] - М., 2009.

²² Имперское слово: [Публицистика] / Катков Михаил Никифорович. - М., 2002.

²³ Избранные труды / Катков Михаил Никифорович. - М., 2010.

²⁴ Собрание сочинений: В 6-ти т. / Катков М.Н. - М, 2012.

уже было сказано, многие статьи в консервативных изданиях были опубликованы без подписи автора. Однако по стилю видно, что абсолютное большинство их принадлежат перу Каткова, который тогда был редактором и «Русского вестника», и «Московских ведомостей».

Теперь обратимся к характеристике работ противников нового устава - к либералам.

Как уже было отмечено, многие статьи либерального характера, выходившие на страницах периодических изданий, не имели подписи. Перейдем к краткой характеристике этих изданий.

Журнал «Вестник Европы» издавался в Санкт-Петербурге в 1866-1918 гг. Он был преемником журнала, основанного в 1802 г. Н.М. Карамзиным. С 1869 года журнал выходил раз в месяц. Редактором его был М.М. Стасюлевич. Тематика журнала включала историю и политику. «Вестник Европы» с уважением относился к либеральным реформам Александра II, с умеренной критикой – к самодержавию. Редакция «Вестника Европы» находилась в состоянии полемики с Катковым и его консервативными изданиями. Что касается университетского вопроса, журнал признавал необходимость некоторых изменений в жизни университета, но высказывался против коренных преобразований в том направлении, за которое выступали консерваторы. После принятия устава 1884 года «Вестник Европы» занял выжидательную позицию. Прекратив спор, он предложил дожидаться результатов реформы.

Журнал «Отечественные записки» выходил в Санкт-Петербурге в 1818-1884 гг. С 1839 года редактором его был А.А. Краевский. При нем «Отечественные записки» представляли собой ежемесячный учено-литературный и политический журнал. В 1868 году Краевский передал журнал Н.А. Некрасову, который, в свою очередь, привлек к работе М.Е. Салтыкова-Щедрина. После смерти Некрасова в 1877 году соредактором Салтыкова-Щедрина стал Н.К. Михайловский, литературный критик и теоретик народничества. В это время тираж журнала заметно вырос (с 2 до 6-8 тысяч экземпляров). После 1881 г. положение журнала стало очень тяжелым. К.П.

Победоносцев активно выступал за закрытие демократических изданий. В 1883 г. журнал получил последнее предупреждение. В апреле 1884 года «Отечественные записки» были закрыты по распоряжению Е.Феоктистова, начальника Главного управления по делам печати.

Общественно-политическая газета «Голос», основанная и издаваемая Краевским, выходила в Санкт-Петербурге в 1863-1883 гг. Она принадлежала к умеренно оппозиционному направлению и в 1883 году была закрыта вместе с другими либеральными органами печати.

Либеральная газета «Русские ведомости» была основана литератором Н.Ф. Павловым в 1863 году и стала печатным органом либеральной московской профессуры, противостоявшим «Московским ведомостям» Каткова. В 1880-1890-е гг. газету редактировали В.М. Соболевский и А.С. Посников, профессор политической экономии Новороссийского университета. «Русские ведомости» отстаивали либеральные, оппозиционные правительству позиции.

Политическая и литературная газета «Порядок» под редакцией М.М. Стасюлевича просуществовала совсем недолго. Она была основана 1 января 1881 года, а 8 января 1882 года приостановлена и более не возобновлялась.

Пожалуй, одной из основных фигур в дискуссии на стороне либералов был профессор В.И. Герье. Он одним из первых сформулировал ответ на выпады консерваторов. В частности, его статьи «Университетский вопрос»²⁵ и «Свет и тени университетского быта»²⁶ были реакцией на упомянутую (и последующие) статью Любимова. В них автор часто ссылался на предложения, высказанные Любимовым, и приводил контраргументы на каждый пункт любимовской программы.

Непосредственной реакцией на статью Любимова «Мнение по поводу пересмотра университетского устава» стала также статья профессора С.А. Усова «Рачители университетского устава»²⁷, опубликованная в журнале «Отечественные записки» в 1873 году.

²⁵ Герье В.И. Университетский вопрос //Вестник Европы. 1873 г. № 4.

²⁶ Герье В.И. Свет и тени университетского быта //Вестник Европы. 1876 г. № 2.

²⁷ Усов С.А. Рачители университетского устава. Отечественные записки. 1873. № 3.

Вышеупомянутые статьи, как и названные работы консерваторов, имеют программный характер. Их авторы последовательно отстаивали либеральные ценности.

Наконец, хотелось бы сказать несколько слов о современном сборнике статей, посвященных университетскому вопросу (как либеральных, так и консервативных). Это «Университетская идея в Российской империи XVIII - начала XX веков: Антология»²⁸. Эта книга содержит статьи по университетскому вопросу, посвященные разным периодам существования европейского и российского университета, университетской идее в целом, проблеме роли и предназначения университета. Статьи классифицированы по хронологическому принципу в соответствии с выделяемыми редактором периодами в разворачивании общественно-политической дискуссии по университетскому вопросу. Каждый раздел книги начинается с характеристики того или иного этапа в развитии дискуссии, дается краткий обзор основных ее участников и их идей. Кроме того, каждой статье предпослан развернутый комментарий, дающий представление об авторе статьи, истории ее публикации, ее структуре и ключевых положениях. Благодаря всем этим качествам данного сборника, с ним очень удобно работать, поскольку он системно отражает историю университетского вопроса в России.

Подводя промежуточный итог анализу первой подгруппы публицистических источников нашего исследования, необходимо отметить неравномерный характер распределения материала. Программа консерваторов представлена в значительно большем объеме и намного более эмоциональной, энергичной форме. Здесь, несомненно, сказался присущий Каткову стиль, его личная заинтересованность и политическое влияние. Он часто пишет несколько заметок на одну и ту же тему, по одному и тому же вопросу, в то время как либералы не склонны к такому подходу. Отсюда и происходит разница в объеме и энергетике статей.

Отдельно следует сказать несколько слов о газете «Правительственный

²⁸ Университетская идея в Российской империи XVIII-начала XX веков: Антология: учеб. пособие для вузов. – М., 2011.

вестник»²⁹. Этот государственный печатный орган был основан в 1869 году и просуществовал до 1918. Основной задачей этой ежедневной газеты, издаваемой при Главном управлении по делам печати, была публикация правительственных сообщений, объявлений, разъяснений и распоряжений. Следовательно, для нас этот источник важен как отражение официальной, правительственной точки зрения на происходящие события.

Следует отметить, что газетные подборки (как российских, так и иностранных изданий) также хранятся в ГА РФ в фонде С.Н. Трубецкого.

Особое место в нашем исследовании занимает деятельность профессора историко-филологического факультета, первого избранного ректора Московского Университета С.Н. Трубецкого и его взгляды на университетский вопрос. Свои воззрения он активно высказывал на страницах периодических изданий. Его статьи по общественно-политической тематике собраны в единый комплекс, где классифицированы по тематическому и хронологическому принципам³⁰. Работы Трубецкого представляют немалый интерес в контексте данного исследования, поскольку выражают позицию человека, имевшего непосредственное отношение к событиям в университете и предпринимавшего все возможное для погашения конфликта. В статьях, как и в конкретных действиях Трубецкого, видны его попытки воздействовать как на правительство (указания на необходимость реформ), так и на студенчество (указания на главную цель университета). С рукописями статей, записями речей С.Н. И его коллег автор данной работы имел возможность ознакомиться при изучении фонда С.Н. Трубецкого в ГА РФ.

В работе использовались также статьи друзей и коллег Трубецкого — Анисимова, Розанова, Новгородцева, Поливанова и др., - посвященных ему как личности и университетскому деятелю³¹. В этих статьях отражена оценка деятельности Трубецкого его коллегами и отношение к нему студентов. Кроме

²⁹ Правительственный вестник. - Спб., 1881-1905.

³⁰ Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. Публицистические статьи, напечатанные с 1896 по 1905 г. включительно. - М.: 1907.

³¹ Вопросы философии и психологии. кн. 1. М., 1906. См. Анисимов А. Кн. С.Н. Трубецкой и московское студенчество; Новгородцев П.И. Памяти кн. С.Н. Трубецкого; Поливанов М.П. Памяти князя С.Н. Трубецкого.

того, в статье Анисимова приводится описание похорон князя, превращенных революционными студентами в очередную громкую демонстрацию. Этот сюжет, безусловно, важен, являясь ярчайшей иллюстрацией сложившейся общественно-политической обстановки и с фактической, и с нравственной точки зрения.

Стоит отметить также такой источник, как сборник статей на тему студенческого движения 1899 года, написанных его участниками или близкими к нему людьми³². Для нашей работы наибольший интерес представляет подробное описание событий февраля 1899 года в Санкт-Петербурге, ведь именно эта демонстрация послужила толчком для масштабных студенческих волнений, вызвала решительные действия правительства: назначение специального расследования причин беспорядков и сбора данных для возможного проведения реформ в сфере высшего образования.

С конкретными событиями студенческой жизни связан и такой источник, как речь В.О. Ключевского памяти императора Александра III³³, ведь именно она стала поводом для обструкции, устроенной студентами уважаемому профессору. В ЦГА Москвы хранится письмо бывших студентов к обществу, представляющее собой их реакцию на обструкцию Ключевскому. В контексте общественно-политической обстановки в целом и в университете в частности их отклик заслуживает внимания.

Отдельную группу публицистических источников составляют сочинения В.И. Ленина³⁴, многочисленные статьи, посвященные налаживанию тесной связи рабочего и студенческого движения. Именно контакты рабочих и студентов, объединение их действий по борьбе с режимом, возможность проследить процесс политизации и радикализации учащейся молодежи, выход студенческого движения за рамки академического и его включение в движение революционное представляют для нас большой интерес.

В 1900 году В.И. Ленин стал основателем революционного печатного

³² Чертков В.Г. Студенческое движение 1899. England: 1900.

³³ Речь, произнесенная в заседании Императорского общества Истории и древностей российских при Московском университете 28 октября 1894 г. Председателем Общества В. О. Ключевским. М., 1894.

³⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 7. 1902-1903. - М., 1967.

органа, сыгравшем немалую роль в сопровождении и пропаганде революционных идей среди различных групп населения страны. Речь идет о газете «Искра»³⁵. Целью газеты было сплочение революционных сил на основе марксистских идей. Редакция «Искры» работала в Мюнхене. Среди ее членов были В.И. Ленин, Ю.О. Мартов, В.И. Засулич, Г.В. Плеханов и др. В 1902 году издание газеты на территории Германии было запрещено, и редакция переместилась в Лондон, а потом в Женеву. В 1903 году Ленин вышел из редакции «Искры», и она по сути стала меньшевистской. В 1905 году издание прекратилось, но было возобновлено меньшевиками в 1917 году, правда, ненадолго. Яркие, эмоциональные, хлесткие статьи «Искры» выполняли свое предназначение. Немало материалов было посвящено студенческому движению, неоднократно подчеркивалась необходимость объединения студенческих и рабочих сил в подъеме революционной волны. Реакция университетской молодежи не заставляла себя ждать. Таким образом, статьи в «Искре» 1900-1903 гг. являются ценнейшим источником для нашего исследования.

Перу деятелей РСДРП принадлежит воззвание «К учащейся молодежи» - очередное яркое свидетельство укрепления связей студенчества и революционных организаций, призыв к объединению с рабочими в борьбе с самодержавием.

Отдельно следует упомянуть такую многочисленную подгруппу источников, как студенческие листовки и прокламации. В Государственном Архиве РФ есть целый фонд, содержащий нелегальные листовки, попавшие в руки полиции³⁶. Некоторые прокламации хранятся в фонде С.Н. Трубецкого. Это прежде всего листовки, имеющие отношение к его деятельности и работе созданного им Историко-филологического общества. Там же собраны речи и стихи, написанные студентами к похоронам князя. На основании этих документов можно сделать выводы об отношении радикально настроенных студентов как лично к Трубецкому и отстаиваемой им позиции в

³⁵ Искра. - 1900-1905.

³⁶ ГА РФ. Ф. 1741.

университетском вопросе, так и к учащимся, поддерживавшим его устремления, членам Историко-филологического общества. Собранные документы дают наглядное представление о расколе университетского студенчества, о политизации и радикализации большей его части и о том невероятно трудном положении, в котором оказывались все те, кто все еще был убежден в том, что главная задача студента университета — учеба и подготовка к научной работе.

Большая коллекция различных прокламаций, листовок, сообщений и воззваний студенческих групп и организаций (в том числе Союзного совета), а также докладов общестуденческих съездов хранится в фонде Московского Университета в ЦГА Москвы. На основании этих документов можно сделать вывод о наличии разных течений в студенческом движении. Так, например, громким воззваниям политизированных студентов противопоставлялись обращения студентов - «сторонников университетской свободы», в которых подчеркивались исключительно академические цели учащихся.

В ЦГА Москвы автор данной работы ознакомился также с обращениями студентов лично к Н.П. Боголепову (в соответствующем деле подшито несколько таких обращений — как от отдельных студентов, так и от групп), на основании которых можно сделать вывод об отношении учащихся с его деятельности.

Следующая большая группа источников — документы личного характера. В первую подгруппу можно выделить воспоминания и мемуары. Прежде всего, это воспоминания об университетской жизни во время действия устава 1863 года. Они дают нам представление о той эпохе, дают возможность посмотреть на ситуацию, сложившуюся в университете в 1860-е, 1870-е и 1880-е годы, глазами ее непосредственных участников. Взгляд изнутри очень важен для понимания положения дел в университете. Это воспоминания инспектора Московского университета П.Д. Шестакова «Студенческие волнения в Москве в 1861 г.»³⁷, студента 1860-х годов Н.Г. Высотского «Из

³⁷ Шестаков П.Д. Студенческие волнения в Москве в 1861 г./ Русская старина. 1888 г. т. 60, № 10, 11.

далекого прошлого»³⁸, историка и юриста, преподавателя Московского, а затем профессора Петербургского университета М.М. Ковалевского «Московский университет в конце 70-х и начале 80-х гг. прошлого века (Личные воспоминания)»³⁹. Интересные воспоминания содержит и сборник «Московский университет в воспоминаниях современников». В нем, в частности, можно найти те же воспоминания Ковалевского и некоторые другие. Однако большинство представленных там мемуаров относятся все же к предшествующей эпохе.

Немалый интерес представляют мемуары Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое»⁴⁰. В этой книге много ярких характеристик различных политических и университетских деятелей, например, И.Д. Делянова. Там же профессор Кареев выказывал свое отношение к так называемым «студенческим историям» и студенческому движению в целом. У него был довольно скептический взгляд на студенческие выступления. Профессор не склонен был одобрять все эти волнения и беспорядки. Учебная и научная деятельность была для него наиболее важной и ценной.

О «студенческих историях» писали также А.А. Кизеветтер («На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881-1914»⁴¹) и В.А. Гиляровский («Москва газетная»⁴²). Кизеветтер не переоценивал масштабы студенческих волнений, так как, по его мнению, за ними не было реальной силы. Гиляровский не давал оценок студенческому движению в целом, он лишь описал довольно подробно «студенческую историю», произошедшую непосредственно после принятия устава 1884 года на Страстном бульваре у типографии Каткова. Поскольку одной из задач нашего исследования является попытка выявить ближайшую реакцию на принятие нового устава, это описание представляет для нас большую ценность.

³⁸ Высотский Н.Г. Из далекого прошлого (Воспоминания о студенческих годах в Московском университете)/ Вестник воспитания. 1910 г. № 7.

³⁹ Ковалевский М.М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х гг. прошлого века (Личные воспоминания)/ Вестник Европы. 1910 г. кн. 5.

⁴⁰ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. – Л., 1990.

⁴¹ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881-1914. – М., 1996.

⁴² Гиляровский В.А. Москва газетная. В кн.: Сочинения в трех томах. Т. 2. – М., 1994.

Итак, все эти воспоминания стали для нас важным источником для формирования представления о жизни университета в 1860-1880-е годы.

Следующая подгруппа воспоминаний посвящена периоду действия устава 1884 года и затрагивает различные стороны жизни страны в данное время. Такое разнообразие вполне закономерно: обстановка становилась все более напряженной, конфликты возникали в различных областях, в том числе и вне стен университета. В воспоминаниях современников нараставший кризис нашел свое отражение, что позволяет нам проследить динамику его развития и постепенного углубления, усложнения, слияния разных сил в борьбе с самодержавием. Речь идет, в частности, о воспоминаниях Андрея Белого⁴³, П.Н. Милюкова⁴⁴, супруги министра народного просвещения Боголепова Екатерины Александровны⁴⁵, П.А. Некрасова⁴⁶, Е.М. Феокистова⁴⁷, дневнике В.Г. Короленко⁴⁸, воспоминаниях земских деятелей Белоконского⁴⁹, Гурко⁵⁰ и Шипова⁵¹.

Отдельно следует сказать о группе воспоминаний, непосредственно касающихся студенческого и революционного движения и написанного самими их участниками. Это воспоминания Г. Ростовцева о студенческих волнениях 1887 года⁵², сборник с символичным названием «Памяти русского студенчества конца XIX — начала XX вв.»⁵³, воспоминания Веры Фигнер⁵⁴ и Бориса Савинкова⁵⁵. Последние два не изучались подробно автором данной работы, поскольку их основное содержание охватывает тематику, выходящую за рамки нашего исследования. Однако в них содержатся яркие оценки студенческого

⁴³ Андрей Белый. На рубеже двух столетий. - М., 1989.

⁴⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. т. 1. - М., 1990.

⁴⁵ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. - М.: Б. и., 1912.

⁴⁶ Некрасов П.А. Николай Павлович Боголепов. - Москва: Б. и., 1901.

⁴⁷ Воспоминания Е.М. Феокистова. За кулисами политики и литературы. - Л.: 1929.

⁴⁸ Короленко В.Г. Дневник (1898-1903). // http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1893_dnevnik.shtml

⁴⁹ Белоконский И. П. Земское движение. - М., 1914.

⁵⁰ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. - М., 2000.

⁵¹ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.

⁵² См. Московский университет в воспоминаниях современников. Под ред. П.А.Зайончковского, А.Н. Соколова. М., 1956.

⁵³ Памяти русского студенчества конца XIX — начала XX вв. Сборник воспоминаний. - Париж. 1934.

⁵⁴ Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений в семи томах. т. 4. - М., 1932.

⁵⁵ Савинков Б.В. Воспоминания. - М., 1990.

движения и отдельных персоналий. Речь идет прежде всего о Петре Карповиче, совершившем убийство министра народного просвещения. Этот сюжет подробно рассматривается в работе, поэтому оценка поступка Карповича такими известными революционерами, террористами, безусловно, представляет интерес.

Кроме того, в отдельную подгруппу можно выделить воспоминания, написанные правительственными чиновниками. Это записки министра народного просвещения Н.П. Боголепова «Страница из жизни Московского университета»⁵⁶, «Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого, 31 октября 1905 — 24 апреля 1906 гг.»⁵⁷. В этих трудах отражены два разных периода жизни государства. 1890-е годы, фактически начальный этап студенческого движения, когда оно только начинало организовываться и чувствовать свою силу, отражены в записках Боголепова. События, по сути сопутствующие первой русской революции, отчаянные попытки отдельных лиц в правительстве сделать хотя бы что-то, чтобы не допустить катастрофы, описаны Толстым. Возникает вопрос: как за 10-15 лет ситуация не только в университете, но и в стране могла измениться настолько, что государство буквально потеряло рычаги управления положением дел? Изучение этой проблемы на основе данных источников и предпринимается автором.

Наращение государственного кризиса прослеживается и в воспоминаниях сестры С.Н. Трубецкого Ольги⁵⁸. Конечно, ее труд посвящен прежде всего брату, но, поскольку университет занимал в жизни Сергея Николаевича невероятно важное место, его переживания и работа нашли отражение на страницах воспоминаний близкого человека. Ольга Николаевна собрала и немало дополнительных материалов — писем, речей, записок, написанных или произнесенных самим Трубецким либо посвященных ему или университету, - и приложила их к своему тексту.

Письма также активно использовались автором данной работы. Эти

⁵⁶ Боголепов Н.П. Страница из жизни Московского университета. – Москва: Б. и., 1911.

⁵⁷ Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого, 31 октября 1905-24 апреля 1906. М., 1997.

⁵⁸ Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. - Нью-Йорк.: Издательство им. Чехова. 1953.

источники можно выделить в отдельную подгруппу среди документов личного характера. Немало информации о положении самодержавия в начале правления Александра III, ближайшем и влиятельном окружении императора, а также о выборе политического курса содержится в письмах К.П. Победоносцева к Александру III⁵⁹. Как один из ближайших советников императора, Победоносцев, известный своими реакционными воззрениями, стремился повлиять на политику Александра. В письмах он давал царю многочисленные советы относительно будущей политической программы, личной безопасности императора, безопасности самого самодержавия в России. Эти письма помогают составить впечатление об общественно-политических настроениях в России интересующего нас периода, отражают процесс выбора дальнейшего направления политики самодержавия.

Другой комплекс писем имеет совершенно иной характер. Речь идет о переписке М.М. Стасюлевича⁶⁰. Для нас представляет интерес та часть переписки, которая посвящена уставу 1884 года. В частности, письмо Н.Ф. фон Крузе затрагивает события октября 1884 года, а именно демонстрацию, которую устроили студенты у типографии Каткова.

События 1901 года, оказавшегося своего рода переломным в истории студенческого движения, обозначившим его переход на новый уровень, отражены в письмах студента П. Флоренского⁶¹, которые также были использованы в качестве источника для этой работы.

Фонд С.Н. Трубецкого в ГА РФ содержит переписку князя с женой, братом, коллегами и друзьями по различным поводам. Часть писем имеют личный, дружеский характер, некоторые посвящены вопросам университета и Историко-филологического общества, существует целый ряд писем о поездке членов Общества в Грецию. Некоторые письма, как уже было сказано, опубликованы в качестве приложений к воспоминаниям сестры С.Н. Ольги.

Таким образом, многочисленность и разнообразность комплекса

⁵⁹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925.

⁶⁰ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. - СПб., 1911-1913 гг.

⁶¹ Переписка студента первого курса Московского Императорского университета Павла Флоренского с родными и близкими в 1901 году // <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7313.php>

источников позволяют рассмотреть проблему диссертации с разных сторон и провести тщательное и подробное исследование университетской жизни в Москве в последней четверти XIX — начале XX вв.

Историография

Историографию нашего исследования можно условно разделить на пять больших групп: работы общего характера, посвященные университету и университетскому образованию в России данного периода в целом; работы, посвященные университетским уставам 1863 и 1884 гг.; исследования различных аспектов жизни студенчества и студенческого движения; труды, посвященные профессуре; работы общего характера, дающие представление в целом об интересующей нас эпохе.

К первой группе прежде всего относится книга Ф.А. Петрова «Формирование системы университетского образования в России»⁶². Конечно, эта работа посвящена более раннему периоду — 1840-м годам, но для нас представляет интерес идея преемственности 1840-х, 1860-х и 1880-х гг. Ведь те, кто был студентами в 1840-е годы, оказались востребованы и нужны своей стране в 1860-е. Некоторые из них даже принимали непосредственное участие в разработке и осуществлении Великих реформ Александра II.

Ф.А. Петров анализирует время, в которое формировались взгляды, убеждения, мировоззрения и личные качества будущих государственных и общественных деятелей либеральной эпохи, отдельно изучает студенчество и профессорские корпорации. Автор считает середину XIX века временем расцвета университетского образования в России, «духовного подъема русского общества, напряженных интеллектуальных исканий»⁶³.

Последний раздел книги - «Российские университеты 1840-х и реформаторы 1860-х годов» как раз и выражает ту самую идею преемственности этих эпох в жизни университетов. Автор прослеживает

⁶² Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4: Российские университеты и люди 1840-х годов. В 4 т. Т. 4. - М., 2003.

⁶³ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4: Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1, 2003. С. 5-6.

судьбы людей, установивших своей деятельностью эту связь времен.

Университетский устав 1863 года был рожден в эту эпоху. В нем воплотились идеи поколения 1840-х годов. Поэтому интересно посмотреть, как формировались эти идеи. Если вернуться к началу, истоку этих взглядов о роли и предназначении университета, представление о том, что изменилось в 1870-е годы и привело к принятию совершенно противоположного по своей сути устава, будет полнее и ярче.

Непосредственно университетской жизни в ее различных проявлениях посвящена книга А.Е. Иванова «Высшая школа России в конце XIX — начале XX века»⁶⁴. Автор сформулировал цель своего исследования следующим образом — «показать, какое место она занимала в системе царского самодержавия, как обслуживала его потребности, в какой мере укрепляла, а в какой способствовала созреванию условий, подрывавших его»⁶⁵. Автор стремился сформировать «целостное представление об академическом направлении «культурной политики» царизма», обращая внимание на существовавшие в исследуемый период «неразрешимые противоречия между капиталистической экономикой и охранительным режимом самодержавия, разительное несоответствие количества и качества специалистов, выпускавшихся российской высшей школой, потребностям страны»⁶⁶.

Для формирования общего представления об университетской жизни в указанный период большую ценность представляют разделы книги А.Е. Иванова, посвященные профессорско-преподавательскому корпусу и студенчеству: их численности, правовому и материальному положению, общественно-политическому облику.

К этой же группе отнесем ряд работ А.Ю. Андреева: «"Национальные модели" университетского образования в России и Западной Европе XVIII — начала XX вв.»⁶⁷, «Российские университеты XVIII — первой половины XIX

⁶⁴ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. - М., 1991.

⁶⁵ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. - М., 1991. С.5.

⁶⁶ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. - М., 1991. С. 5.

⁶⁷ Андреев А.Ю. «Национальные модели» университетского образования в России и Западной Европе 18 — начала 20 вв.» // Высшее образование в России. 2005. № 1–2.

века в контексте университетской истории Европы»⁶⁸ и «"Быть русским по духу и европейцем по образованию". Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX вв.»⁶⁹ Названные труды посвящены в основном университетской истории до середины XIX вв. Для нас это особенно важно, так как позволяет охарактеризовать предыдущий этап развития университетов в России. Кроме того, история российских университетов здесь включена в общую канву западноевропейской университетской истории (прежде всего немецкой).

Особняком стоит диссертация В.Л. Маркина «Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века»⁷⁰. Предметом исследования является участие преподавателей и студентов в общественно-политической жизни России начала XX века. Причины, формы и характер их участия в общественно-политическом движении на рубеже XIX-XX вв. в центре научного интереса автора.

Ко второй группе можно отнести работы, посвященные непосредственно университетскому уставу 1884 года.

В монографии В.А. Твардовской «Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания)»⁷¹ центральным персонажем является главный вдохновитель университетской реформы 1884 года публицист, издатель М.Н. Катков. Процесс разработки и принятия нового устава рассматривается автором прежде всего через призму деятельности Каткова. Автор подробно изучает общественно-политическую деятельность Каткова как одного из главных идеологов доктрины самодержавия, инициаторов перехода к охранительному, реакционному курсу, наконец авторов университетской реформы 1884 года. Много внимания уделяет В.А.

⁶⁸ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. 2009.

⁶⁹ «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX вв. Отв. Сост. А.Ю. Андреев. М., 2009.

⁷⁰ Маркин В.Л. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно - политической жизни России начала XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02) - Москва: Б/и, 2009.

⁷¹ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). - М., 1978.

Твардовская и редакторской деятельности Каткова, с помощью которой он осуществлял свою политику, указывает на огромную влияние его «Московских ведомостей». В работе содержится подробный анализ взглядов Каткова, а также процесс их формирования и воплощения в конкретных мероприятиях, вершиной которых и стал новый устав университетов.

Университетской реформе посвящена и книга Г.И. Щетининой «Университеты в России и устав 1884 года»⁷². Автор анализирует политику самодержавия в отношении университетов в 1870-1890-х гг., не оставляя без внимания внутреннюю жизнь университетов, профессорские корпорации и студенчество. Особое место занимает студенческое движение, которое автор соотносит с движением революционным. Сосредоточившись на внутренней политике самодержавия, Щетинина тщательно исследует борьбу правительственных группировок по поводу принятия нового университетского устава, анализирует различные появлявшиеся проекты этого устава.

Так или иначе, в центре исследовательского интереса Щетининой в данной работе находится устав 1884 года. Автор не упускает из виду и полемику в обществе, в том числе и на страницах периодических изданий. Однако здесь для нее важнее то, как вопрос об университетской реформе решался в правительстве.

Университетской реформе 1884 года посвящена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук Г.И. Щетининой «Университетский вопрос 1870-1880-х гг. и устав 1884 г.»⁷³, написанная под научным руководством П.А. Зайончковского. По-видимому, вышеупомянутая книга Щетининой написана во многом на основе этой диссертации. Здесь автор рассматривает университетскую политику правительства как одно из характерных проявлений реакционного курса самодержавия, связанного с ощущением кризиса власти. Однако, по мнению Щетининой, «причины университетской контрреформы объясняются не только политической обстановкой начала 80-х гг., но и ростом оппозиции в университетах,

⁷² Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. - М., 1976.

⁷³ Щетинина Г.И. Университетский вопрос 1870-1880-х гг. и устав 1884 г. - М., 1965.

студенческим движением и изменениями в социальном составе университетских слушателей»⁷⁴.

Третью большую группу работ, посвященных студенчеству, можно разделить на две подгруппы: студенческая жизнь и быт; студенческое движение. Центральной монографией первой подгруппы можно считать книгу А.Е. Иванова «Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба»⁷⁵. Автор изучает студенчество во всех аспектах его жизни. Обращая внимание на разнородность студенческой среды, А.Е. Иванов пишет: «Студенчество... рекрутировалось буквально из всех сословий, составлявших структуру российского общества. Такая его полисословная природа имела единый социально-генетический код с интеллигенцией, с которой учащаяся молодежь соотносилась как часть с целым по своим профессиональным жизненным перспективам»⁷⁶. Отсюда и комплексный характер исследования студенчества «как особой, постоянно менявшейся по социальному и количественному составу группы российского общества со специфическим строем материально-бытовой и дисциплинарно-правовой повседневности, в значительной степени предопределявшей стилистику его духовно-культурной жизни, многонаправленность и нестабильность его общественно-политической устремленности»⁷⁷.

Студенчеству автор уделил основное внимание и в работе «Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации»⁷⁸. Несмотря на то, что период, который более всего интересует А.Е. Иванова, находится за пределами хронологических рамок нашей работы, интересно посмотреть на следующий этап развития студенческих корпораций и их роли в общественной жизни. Для нас

⁷⁴ Щетинина Г.И. Университетский вопрос 1870-1880-х гг. и устав 1884 г. - М., 1965. С. 9.

⁷⁵ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба. - М., 1999.

⁷⁶ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба. - М., 1999. С. 5.

⁷⁷ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба. - М., 1999. С. 9.

⁷⁸ Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. - М., 2004.

представляет интерес этот процесс возрастающей политизированности студенчества, ведь первые протесты против самодержавия были теснейшим образом связаны с введением университетского устава 1884 года. Общий же отсчет общественной активности студенчества автор ведет с 1860-х гг.

Подход А.Е. Иванова таков: «Социально-барометрическая чуткость студенческого социума предопределялась возраставшей год от года общественно-политической мобильностью учащейся молодежи. Она поддерживалась и нагнеталась неуклонной сословной и материально-бытовой демократизацией студенчества, его плотной концентрацией в городах — центрах высшего образования, качествами возрастной психологии молодой интеллигенции, склонной к повышенной социальной взрывчатости, резкости и заостренности внешних форм политического протеста и массовости антисамодержавных выступлений»⁷⁹.

Таким образом, следует подчеркнуть, что данные работы представляет собой фундаментальные исследования всех основных сфер жизни российского студенчества конца XIX — начала XX вв., основанные на значительном статистическом, архивном материале.

Вторая подгруппа работ посвящена студенческому движению.

Потребность в исследовании явления студенческого движения возникла еще до революции, и авторами появлявшихся трудов были прежде всего сами участники тех событий, что, безусловно, обосновывает их оценку происходившего, сочувствие движению. Здесь следует упомянуть следующие работы: Выдрин Р. «Основные моменты студенческого движения в России»⁸⁰, Мельгунов С. «Студенческие организации 80-90-х гг. в Московском университете»⁸¹, совместный труд Г. Энгеля и В. Горохова «Из истории студенческого движения 1899-1906»⁸², Фроммет Б. «Очерки по истории

⁷⁹ Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. - М., 2004. С. 287.

⁸⁰ Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения в России. - М., 1908.

⁸¹ Мельгунов С. Студенческие организации 80-90-х гг. в Московском университете. - М.: 1908.

⁸² Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения 1899-1906. - Спб, 1906.

студенчества в России»⁸³.

После революции 1917 года стали появляться очерки по истории студенчества, восстанавливающие ход событий в рамках студенческого и революционного движения. Ярким примером может служить работа С. Гессена «Студенческое движение в начале шестидесятых годов». Цель своей книги — не исследования, как подчеркивал сам автор в предисловии, — Гессен сформулировал так: сведение «воедино разрозненных свидетельств о студенческих событиях» и подведение «некоторых предварительных итогов»⁸⁴. Работа посвящена 1860-м гг., и для нас, конечно, важна характеристика предыдущего периода как отправной точки для дальнейшего исследования.

Подобный характер имеет работа В.И. Орлова «Студенческое движение Московского университета в XIX столетии»⁸⁵. Крайняя хронологическая рамка — 1900 год. В своей работе автор всячески подчеркивал политический характер студенческого движения, руководствуясь взглядами В.И. Ленина, о чем подробно написал в предисловии.

В послевоенный период студенческое движение в основном рассматривалось в контексте движения общественно-политического, прежде всего революционного. Такова монография П.С. Ткаченко «Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX в.»⁸⁶.

В 1970-е годы студенческое движение еще активнее вплетается историками в канву революционного движения. Основной акцент по-прежнему делается на политической составляющей. Прослеживается возникновение тесной связи университетской молодежи и революционеров, подчеркивается значимость объединения сил студентов и рабочих в борьбе с гнетом самодержавия. В таком ключе написана монография П.С. Гусятникова

⁸³ Фромметт Б.Р. Очерки по истории студенчества в России. - СПб.: 1912.

⁸⁴ Гессен С. Студенческое движение в начале шестидесятых годов. - М.: 1932. С. 5.

⁸⁵ Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. - М.: 1934.

⁸⁶ Ткаченко П.С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX в. - М.: 1958.

«Революционное студенческое движение в России 1899-1907 гг.»⁸⁷. В работе проводится линия преемственности между студенческими выступлениями, стачками рабочих и состоявшейся революции. Все эти события у Гусятникова — этапы одного большого процесса, этапы борьбы российского общества за свободу.

Студенческое движение и его позиция по отношению к движению революционному составляет предмет исследования Щетининой в книге «Студенчество и революционное движение в России (последняя четверть XIX века)»⁸⁸. 1870-1890-е годы Щетинина называет временем «огромных социально-экономических перемен, поступательного развития капитализма, всплеск крестьянского движения, проявлений классовой борьбы пролетариата... перехода от утопических идей народничества к восприятию научного социализма»⁸⁹. Своей главной задачей автор считает необходимость «исследовать общественную форму и человеческую практику развития студенчества России как социального слоя, обстоятельств, которые создали условия для перехода части студентов в ряды профессиональных революционеров, студенческое движение как часть общественного движения»⁹⁰. Подход Щетининой к исследованию студенческого движения состоял в том, что борьба учащихся за свои права не ограничивалась одними лишь рамками академической жизни. Это было еще и формой социальной борьбы с самодержавием. Щетинина считает, что, выступая против устава 1884 года, студенты также выказывали свое недовольство деспотичным самодержавным строем. Однако в то же время, по убеждению автора, политические элементы в требованиях студентов появились лишь в начале XX века.

Политическая составляющая студенческого движения интересовала

⁸⁷ Гусятников. Революционное студенческое движения в России 1899-1907. - М.: 1971.

⁸⁸ Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России (последняя четверть XIX века). - М., 1987.

⁸⁹ Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России (последняя четверть XIX века). - М., 1987. С. 3.

⁹⁰ Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России (последняя четверть XIX века). - М., 1987. С. 4.

исследователей и в конце XX века. Ярким примером является монография Н.Г. Завадского «Студенчество и политические партии России в 1901-1914 гг.»⁹¹ В данной работе изучается характер связей между студенческими организациями и существовавшими в начале XX века революционными кружками и политическими партиями. Анализируется степень влияния, которое партии оказывали на студентов, уровень популярности той или иной партии среди учащейся молодежи, уровень вовлеченности студентов в партийную деятельность.

Отдельно следует упомянуть работу, посвященную конкретному акту студенческого и революционного движения и конкретному человеку. Речь идет о книге А.Т. Зарубина «П.В. Карпович. Историческое исследование»⁹². В центре внимания автора — Петр Карпович, студент, убийца министра народного просвещения Н.П. Боголепова. Одним из главных вопросов, возникших во время расследования преступления, был вопрос о том, являлось ли оно частью плана эсеровской организации или актом мести убийцы-одиночки. На допросе Карпович утверждал, что не связан ни с какими организациями и все решил и осуществил один. Однако Зарубин доказывает, что убийство министра было частью тщательно продуманного эсерами плана борьбы.

Наконец, хотелось бы обратить внимание еще на одну статью, опубликованную в 2012 году — это работа Д.А. Андреева «Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой-весной 1899 года»⁹³. В данной статье автор делает акцент на борьбе в правительственных кругах различных точек зрения относительно стратегии борьбы с растущим студенческим движением. Борьба эта происходила на фоне усиливавшегося недовольства, новых беспорядков, столкновений с полицией, что, безусловно, усложняло ситуацию.

В четвертую большую группу отнесем работы, посвященные профессуре:

⁹¹ Завадский Н.Г. Студенчество и политические партии России в 1901-1914 гг. - Спб., 1998.

⁹² Зарубин. П.В. Карпович. Историческое исследование. - М.: 2003.

⁹³ Андреев Д.А. Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой-весной 1899 года // Российская история. 2012. № 1. С. 59-68.

как ее положению в университете в целом, так и отдельным преподавателям.

В первую подгруппу включаем прежде всего работу С.Г. Сватикова «Опальная профессура 80-х гг.»⁹⁴, посвященную преподавателям Московского и других университетов, уволенных в 1880-х гг. по подозрению в сочувствии, поддержке и даже поощрении студенческого движения, в транслировании на лекциях и практических занятиях идей, чуждых российской государственности (в представлении министерства народного просвещения).

К этой же подгруппе отнесем очерки жизни и деятельности либеральных профессоров и общественных деятелей, объединенные в сборник «Российские либералы»⁹⁵.

Общая характеристика положения профессуры во второй половине XIX — начале XX вв. представлена в монографии Н.Н. Никс «Московская профессура во 2-й половине XIX — начале XX вв. Социокультурный аспект»⁹⁶. В работе исследуются все основные сферы жизни преподавателей, их материальное положение, образ жизни, права и возможности и т. д. Исследование основано на большом комплексе архивных, статистических материалов.

Во вторую подгруппу включены работы, в центре которых отдельные преподаватели и их деятельность.

Выше уже дана характеристика главному вдохновителю университетской реформы 1884 года — М.Н. Каткову. Также было сказано, что его идеи нашли как единомышленников, так и противников в профессорской среде.

Одним из наиболее активных противников реформы, которую готовил Катков и его сторонники, был В.И. Герье. Профессору В.И. Герье посвящена книга Д.А. Цыганкова «В.И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX — начало XX вв.)»⁹⁷. В центре внимания автора фигура В.И. Герье как профессора Московского университета, научного и

⁹⁴ Сватиков С.Г. Опальная профессура 80 гг. — М.: Б. и., 1917.

⁹⁵ Российские либералы. Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. - М., 2001.

⁹⁶ Никс Н.Н. Московская профессура во 2 половине XIX — начале XX в. Социокультурный аспект. - М.: 2008.

⁹⁷ Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX — начало XX вв.). - М., 2008.

общественного деятеля, его методы преподавания, его отношения со студентами. Герье находился в стенах университета в различные важные вехи его существования и развития. В своей книге автор характеризует ход развития науки в университете в указанный период, выявляет «этапы становления системы преподавания различных исторических дисциплин», изучает преподавательские методы Герье, обращая особое внимание на формирование отношений учитель-ученик в системе преподавания профессора, исследует взаимоотношения Герье с учащимися в их полноте и динамике⁹⁸. В связи с этим, интерес представляет изучение этих отношений в условиях студенческих выступлений.

Данная работа была написана на основе диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук - «В.И. Герье и Московский университет во второй половине XIX — начале XX века»⁹⁹. В ней предметом изучения автора была научно-педагогическая школа Герье в Московском университете, ее истоки и основные характерные черты.

Продолжает данную тематику книга Д.А. Цыганкова «Профессор В.И. Герье и его ученики»¹⁰⁰, в которой автор исследует интеллектуальную биографию профессора, обращая внимание на его окружение — учителей, коллег, учеников. Автор прослеживает интеллектуальный путь В.И. Герье, с момента начала его учебы в университете и до создания своей научной школы.

Министру народного просвещения Н.П. Боголепову посвящен краткий биографический очерк В.А. Томсинова, явившийся своего рода предисловием к учебнику римского права авторства самого Боголепова¹⁰¹. В очерке отмечены основные вехи жизни и деятельности профессора и министра, дана краткая характеристика его взглядов и службы на различных должностях.

Ряд работ посвящен первому избранному ректору Московского

⁹⁸ Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX — начало XX вв.). - М., 2008. С. 11.

⁹⁹ Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский Университет во второй половине XIX — начале XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2002.

¹⁰⁰ Цыганков Д.А. «Профессор В.И. Герье и его ученики». - М., 2010.

¹⁰¹ Томсинов В.А. Николай Павлович Боголепов. Биографический очерк. // Боголепов Н.П. Учебник истории Римского права. - М.: 2004.

университета С.Н. Трубецкому. В диссертации И.А. Наместниковой «Сергей Николаевич Трубецкой и Московский университет»¹⁰² исследуется научный путь князя Трубецкого, его взгляды на университетский вопрос, его практическая работа со студенчеством. Отдельному явлению его жизни и жизни его студентов — Историко-филологическому обществу — посвящена статья «Историко-филологическое общество в Московском университете»¹⁰³. Значение работы Общества трудно переоценить. Оно было организовано на началах академической свободы, которую защищал князь Трубецкой. Находясь «меж двух огней», в условиях недоверия со стороны правительственных кругов и неприятия недовольными студентами, оно собрало под свое крыло немало молодых людей, стремившихся заниматься наукой, выступавших против политизации университета. Судьба Общества оказалась трагичной, оно распалось под натиском нападков со стороны революционного студенчества, преследовавшего цели, далекие от научных поисков.

Общественно-политические взгляды князя Трубецкого и его университетскую деятельность исследовала также Е.Э. Семерикова, автор диссертации «Князь С.Н. Трубецкой в общественно-политической жизни России конца XIX — начала XX веков»¹⁰⁴ и монографии «С.Н. Трубецкой и университетский вопрос»¹⁰⁵.

В центре очерка А.А. Левандовского «Умиритель студентов»¹⁰⁶ - личность князя Трубецкого, подлинного университетского профессора, посвятившего свою жизнь университету и студенчеству. Внимание автора заострено на работе, которая стала для Трубецкого жизнью и привела к ранней гибели. В очерке ярко передано то равнодушие, с которым князь относился к учащейся молодежи и стремился направить их в лоно академической жизни.

¹⁰² Наместникова И.А. Сергей Николаевич Трубецкой и Московский университет: Автореф. дис. на соис. учен. степ. канд. ист. наук (07. 00. 02) Москва: Б/и, 2000. - 24 с.

¹⁰³ Наместникова И.А. Историко-филологическое общество в Московском университете // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 1999. № 5. С. 75-89.

¹⁰⁴ Семерикова Е.Э. Князь С.Н. Трубецкой в общественно-политической жизни России конца XIX - начала XX веков: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02) - Саратов: Б/и, 2004. - 23 с.

¹⁰⁵ Семерикова Е.Э. С.Н. Трубецкой и университетский вопрос. - Саратов: 2004.

¹⁰⁶ Левандовский А.А. «Умиритель студентов» // Побег с вертикали. - Псков: 2005.

При этом становится видно, что к 1905 году, несмотря на все усилия Трубецкого (фактически стоившие ему в итоге жизни) большая часть студенчества уже окончательно перешла от академических требований к политическим претензиям и революционным методам борьбы.

К последней группе отнесем работы общего характера, посвященные основным чертам данной эпохи, характеризующим общественно-политические условия в России в последней четверти XIX — начале XX вв.

Для начала стоит упомянуть «Курс истории России XIX века» А.А. Корнилова¹⁰⁷. Первое издание этой книги вышло в 1912 году, которое завершалось описанием событий 1 марта 1881 года. Второе издание включало также лекции, посвященные правлению Александра III. Изучение этого периода только начиналось, и Корнилов не занимался им очень подробно. Поэтому «новая часть «Курса» носила заметный отпечаток незавершенности, более того – некоторой, обычно не свойственной Корнилову небрежности. Бросается в глаза внутренняя несоразмерность содержания лекций: подробнейшим образом освещая политическую историю первых двух-трех лет этого царствования, Корнилов дает лишь самый беглый очерк дальнейших событий»¹⁰⁸.

Для нашего исследования наибольший интерес представляет характеристика, которую Корнилов дает началу эпохи Александра III, а также общественно-политической ситуации, предшествующей его вступлению на престол. Мероприятиям в сфере высшего образования историк уделяет не слишком много влияния, сосредоточившись на других областях внутренней политики. Именно политический портрет эпохи, анализ положения самодержавия в начале 1880-х гг. представляет для нас большую ценность.

Следует также упомянуть книгу С.С. Ольденбурга «Царствование Николая II»¹⁰⁹, написанную историком в эмиграции в 1930-е гг. Описание эпохи Николая II было написано по поручению Высшего монархического совета — монархической организацией, созданной русскими эмигрантами в 1921 г.

¹⁰⁷ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. – М., 1993.

¹⁰⁸ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. – М., 1993. С.13.

¹⁰⁹ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т.1 : В 2-х ч. - Белград, 1939.

Данная работа носит в целом апологетический характер, что вполне закономерно с учетом указанных обстоятельств. В то же время это обстоятельное, тщательно выполненное на основе большого комплекса источников исследование.

Немаловажную роль в формировании представления об интересующей нас эпохе сыграла книга П.А. Зайончковского «Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов»¹¹⁰. Эта работа посвящена политической ситуации в России, сложившейся на рубеже двух царствований — Александра II и Александра III. Это время автор считает кризисным для российского самодержавия, незыблемость положения которого оказалась под угрозой. Зайончковский рассуждает о причинах этого явления и прослеживает ход развития кризиса власти с момента, когда самодержавие перестает быть способным жить согласно существовавшему законодательству (1878 год), до окончательного перехода к политике реакции, который проявился, в частности, в назначении Д.А. Толстого министром внутренних дел вместо Н.П. Игнатьева (1882 год)¹¹¹. Именно в указанный период активно шла полемика по университетскому вопросу. Рассуждая о роли университета в жизни страны, ее участники неизбежно высказывали свои политические взгляды. Таким образом, полемика во многом отражала процессы, происходившие в правительстве, которые не относились непосредственно к университету и всему, что с ним связано.

Следующий период развития политической ситуации в России является предметом исследования Зайончковского в книге «Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов)»¹¹². Здесь в центре внимания автора снова внутренняя политика самодержавия. Однако Зайончковский не ограничивается описанием и анализом положения дел в высших правительственных кругах. Довольно подробно он останавливается на характеристике Александра III, его политических предпочтений, не оставляя без внимания его ближайших советников, тех, кто

¹¹⁰ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. - М., 1964.

¹¹¹ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. - М., 1964. С. 5-6.

¹¹² Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). - М., 1970.

так или иначе оказывал или стремился оказывать влияние на решения императора. Также автор анализирует общее направление правительственной политики в этот период, получивший в историографии название периода реакции, эпохи Контрреформ.

Зайончковский исследует различные направления политики императора: судебные преобразования, мероприятия в области печати и цензуры, политику в сфере просвещения. Все это рассматривается с позиции оценки этой эпохи как реакционной. Немаловажное место среди прочих мер, по мнению Зайончковского, занимает политика в сфере высшего образования, а именно университетский устав 23 августа 1884 года. Университетская реформа рассматривается автором в контексте общей направленности реакционного политического курса самодержавия как одно из наиболее ярких его проявлений.

Довольно красочное описание ситуации начала царствования Александра III дает А.Н. Боханов¹¹³. Его книга «Александр III» помогает составить впечатление о личности императора, его ближайшем окружении, об условиях, в которых он начинал свое правление. Автор подробно характеризует этот непростой для российского самодержавия период в форме, если можно так выразиться, рассказа в лицах. Боханов не рассуждает о процессах, происходивших в высших правительственных кругах, без упоминания о конкретных действующих лицах, их мыслях и поступках. И все же основное внимание автора сосредоточено на личности императора. Для нас личные качества, мировоззрение и политические установки Александра III также необычайно важны, поскольку от всего этого зависел итоговый выбор направления дальнейшего политического курса. Университетский устав 1884 года был первым мероприятием в рамках сделанного выбора.

Отдельно следует сказать о статье Д.А. Андреева «Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: к истории речи императора Николая II

¹¹³ Боханов А.Н. Александр III. – М., 2007.

17 января 1895 года»¹¹⁴. В статье автор рассматривает историю речи молодого императора при восшествии на престол. Для нас эта тема представляет немалый интерес, поскольку именно эта речь стала отправной точкой для дальнейшего развития общественно-политической обстановки в стране. Общество ожидало этого обращения нового государя с большим волнением и большими надеждами на реформы, в которых так нуждалось. Но надежды оказались обмануты, и тем сильнее было недовольство и разочарование.

Таким образом, историография данного исследования характеризуется многочисленностью и разнообразием. Можно сделать вывод, что заявленная проблема вызывала немалый интерес историков (однако не все ее аспекты до сих пор были полностью изучены), и представленная работа, безусловно, опирается на широкую историографическую базу.

¹¹⁴ Андреев Д.А. Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: к истории речи императора Николая II 17 января 1895 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. 2011. № 2(20).

Глава I

Университетский вопрос в 1870-80-е гг. и принятие нового устава

Университетский устав, принятый в 1863 году в русле Великих реформ Александра II, довольно быстро начал вызывать недовольство правительства Александра III. Он противоречил политическим установкам императора и его окружения. Это был самый либеральный устав за всю историю университетов.

По этому уставу университеты обладали значительной самостоятельностью во внутреннем управлении. Так, в состав университетского управления (сверх факультетов) входили: Университетский Совет, Правление Университета, Университетский Суд, Проректор или Инспектор¹¹⁵.

В составе Университетского Совета находились все обычные и экстраординарные профессора Университета. Председательские функции на заседаниях Совета выполнял ректор. В уставе было отмечено, что ректор также «может приглашать в собрания Совета доцентов и прочих преподавателей; но они имеют совещательный голос только тогда, когда Совет признает нужным потребовать от них объяснений или мнений по каким-либо отдельным вопросам»¹¹⁶.

В ведении Совета находились все учебные дела, как то - составление учебных программ, распределение и порядок преподавания предметов на всех факультетах¹¹⁷. Также в Совете обсуждали и решали вопросы о присуждении медалей, премий и назначении стипендий студентам, премий за ученые труды на задачи, предлагаемые на решение ученых от имени Университета, распределении денежных средств на учебные пособия факультетам, утверждении финансовой сметы университета¹¹⁸.

Был введен принцип выборности должностей. Ректора избирали в Совете на 4 года, деканов – в Факультетских собраниях на 3 года. Утверждал кандидатуры министр народного просвещения. Профессора в университете

¹¹⁵ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года. - Спб., 1863. П. 5. С. 3.

¹¹⁶ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года. - Спб., 1863. П. 37. С. 14.

¹¹⁷ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года. - Спб., 1863. П. 42. С. 15.

¹¹⁸ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года. - Спб., 1863. П. 42. С. 15-16.

также избирались. Должности Проректора и Инспектора тоже были выборными: проректор избирался на 3 года из профессоров, а инспектор – бессрочно, «единственно из лиц, окончивших полный университетский курс»; обе должности подлежали утверждению Министра народного просвещения¹¹⁹. Круг обязанностей проректора и инспектора сформулирован в уставе следующим образом: «Ближайшее в Университете наблюдение за исполнением правил, установленных для студентов и других слушателей, возлагается на особое лицо, избираемое Советом из своих членов, или из сторонних чиновников. В первом случае оно называется Проректором, во втором – Инспектором»¹²⁰.

На собраниях Правления Университета, которое состояло из деканов всех факультетов и проректора, председательствовал ректор. По уставу, Правление имело «в главном своем заведывании Университетскую собственность, наблюдает за благочинием и порядком в зданиях Университета, за содержанием их в чистоте и исправности и за предохранением их от порчи и пожара»¹²¹. Правление составляло смету ежегодных доходов и расходов специальных средств Университета и представляло ее на утверждение Совета. Кроме того, Правление должно было ежемесячно сообщать Совету и представлять Попечителю «краткую ведомость о состоянии наличных сумм Университета»¹²².

Тщательно следя за порядком в Университете, Правление при необходимости передает в Университетский Суд дела, касающиеся студентов: «о нарушении ими в зданиях и учреждениях Университета порядка... о столкновениях между студентами с одной стороны, и Преподавателями и должностными лицами Университетскими с другой, хотя бы они произошли и вне зданий и учреждений Университета»¹²³. Университетский суд состоял из трех членов: ежегодно Совет избирал трех судей, которых затем утверждал

¹¹⁹ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года. - Спб., 1863. П. 64, 65. С. 22.

¹²⁰ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года. - Спб., 1863. П. 63. С. 22.

¹²¹ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года. - Спб., 1863. П. 53. С. 20.

¹²² Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года. - Спб., 1863. П. 54. С. 20.

¹²³ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года. - Спб., 1863. П. 58. С. 21.

Попечитель учебного округа. На случай болезни или отсутствия кого-либо из них, в том же порядке выбирались также три кандидата. В уставе специально отмечалось, что «по крайней мере один из судей и один из кандидатов должны принадлежать к юридическому факультету»¹²⁴.

Весьма важные функции выполняли Факультетские собрания. Их созывал декан факультета по мере необходимости. В состав Факультетских собраний входили все ординарные и экстраординарные профессора факультета, один из которых выполнял функции секретаря. Председательствовал на таком собрании декан. В то же время других членов факультета также могли приглашать на собрания, «но с присвоением в них голоса: доцентам – только по выслуге двух лет в этом звании, а остальным преподавателям единственно: а) при решении вопросов, касающихся преподаваемой ими науки, и б) при испытаниях из оной на ученую степень кандидата или на звание действительного студента»¹²⁵.

В сфере компетенции Факультетских собраний находилось составление программ на конкурсы для занятия вакантных кафедр, программ для преподавания, осуществление мер по усилению учебной деятельности студентов, одобрение сочинений, издаваемых Университетом¹²⁶. Принятые в собраниях решения по вопросу временного и постоянного замещения профессорских и других преподавательских вакансий утверждались в Совете университета¹²⁷. В Совете же происходил выбор «лиц для оставления при Университете в качестве стипендиатов» и «лиц, предназначаемых к посылке за границу для приготовления к профессорскому званию»¹²⁸.

Университеты имели собственную цензуру для издаваемых сочинений и сборников, могли «свободно и беспопытно» выписывать учебные пособия из-за границы (эти книги не были подвластны цензуре вне университета)¹²⁹. Так выглядела университетская реформа 1863 года.

Обосновывая необходимость ее осуществления, министр народного

¹²⁴ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года. - Спб., 1863. П. 56. С. 21.

¹²⁵ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года.- Спб., 1863. П. 10. С. 4-5.

¹²⁶ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года.- Спб., 1863. П. 23. С. 11.

¹²⁷ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года.- Спб., 1863. П. 23. С. 11.

¹²⁸ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года.- Спб., 1863. П. 23. С. 11.

¹²⁹ Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года.- Спб., 1863. П. 128-130. С. 39.

просвещения А.В. Головнин (период министерства 1861-1866 гг.) объяснял студенческие беспорядки 1850-х годов упадком научной деятельности в университетах, отсутствием нравственных связей профессоров и студентов. В беседе с Е.М. Феоктистовым министр отстаивал важность принципа самоуправления для развития России и объяснял значение устава 1863 года таким образом: «Нельзя сомневаться, что принцип самоуправления вообще принадлежит к числу тех, которыми должно дорожить всякое образованное общество; пора применять его и к России; мне кажется, министерство народного просвещения имеет возможность показать блистательный пример в этом отношении. И действительно, что нужно для успешного развития самоуправления? Не то ли, чтобы были привлечены к нему люди наиболее образованные... Вот почему я решился организовать наши университеты по возможности на основах широкого самоуправления...»¹³⁰.

Однако не все поддерживали либеральные воззрения министра. Сам Феоктистов скорее соглашался с консервативными силами в правительстве, увидевшими в новом порядке только сумбур и расшатывание основ образования, которое, по их мысли, должно было работать на благо государства.

По мнению этих сил, автономия университетов делала их обособленными от государства, что, в свою очередь, приводило к росту политизации студенчества. Университеты «становились центрами антиправительственной агитации, нелегальная литература распространялась здесь почти свободно, а студенческие ассоциации главное внимание уделяли обсуждению политических вопросов»¹³¹. В научных обществах, создаваемых при различных факультетах, правящие круги видели опасность для себя и общественного спокойствия. Формальное основание для тревоги было, ведь в 1860-1870-е годы студенческие выступления происходили довольно часто. Например, 4 октября 1861 года, в день кончины Т.Н. Грановского студенты организовали демонстрацию. Они вообще были сторонниками активных действий.

¹³⁰ Воспоминания Е.М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы 1848-1896. Л., 1929. С. 135.

¹³¹ Боханов А.Н. Александр III.- М., 2007. С. 341.

В эпоху Великих реформ студенчество находилось под влиянием идей Чернышевского, Герцена, Добролюбова, Писарева. Протестуя против «грабительских условий» крестьянской реформы, подавления восстания в Польше, учащаяся молодежь создавала правительству немало проблем. Конечно, строго говоря, волнениями 1861 года массовые студенческие беспорядки как таковые завершились, однако это вовсе не означало, что молодежь присмирела. Студенческое движение органично влилось в общественное движение 60-х годов со всеми его тайными кружками и организациями. Студенты активно занимались пропагандой, работая в сельских школах и распространяя запрещенную литературу, прокламации¹³².

В 1861 году была создана тайная организация «Земля и воля», члены которой тесно сотрудничали с «Колоколом» Герцена и Огарева, занимались пропагандой освободительных идей. В это общество входили и студенты, в том числе учащиеся Московского университета. «Земля и воля» имела на местах свои отделения, одним из которых было московское. Оно сформировалось из так называемой «Библиотеки казанских студентов», основанной группой студентов Московского университета еще в 1859 году. В 1862 году этот кружок присоединился к «Земле и воле»¹³³.

После выстрела Каракозова 4 апреля 1866 года напуганное правительство перешло к реакционным мерам. А.В. Головнин был отправлен в отставку, а вместо него пост министра народного просвещения занял Д.А. Толстой (период министерства 1866-1880 гг.), который придерживался совершенно иных – крайне правых – взглядов. Первые результаты этого показательного назначения не заставили себя ждать. В следующем 1867 году было издано дополнение к университетскому уставу («Правила о надзоре за студентами вне стен университета»), согласно которым студенты вне зданий университета должны были находиться под контролем полиции и университетской администрации. О так называемых «неблагонадежных» студентах Университетский совет должен

¹³² Студенческое движение в начале шестидесятых годов. М., 1932. С. 121.

¹³³ Ткаченко П.С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958. С. 47.

был немедленно сообщать полицию. Также ограничивалось количество вольнослушателей университета, которые, как считалось, несли в себе бóльшую опасность для спокойствия и порядка¹³⁴. Этот шаг правительства стал поводом для очередного всплеска студенческих волнений в Санкт-Петербурге (1868) и Москве (1869)¹³⁵. Сходки возникали стихийно и были посвящены вопросам академической жизни. Однако нередко речь заходила об организации касс взаимопомощи, необходимости разрешить студенческие собрания и сходки, отменить полицейский надзор.

Борьба с оппозиционными, революционными тенденциями в обществе занимала особое место в деятельности правительства. Конечно, университет считался благотворной средой для зарождения и развития подобных течений. В нем воспитывалась будущая разночинная интеллигенция, которая могла представлять опасность для общественного спокойствия и порядка в государстве. Студенчество проявляло себя как оппозиционная сила, и власть не могла оставить это без внимания.

В 1872 году Д.А. Толстой обратился к университетским советам с просьбой высказаться о существующих проблемах в университетах и внести предложения по изменению университетских порядков. В основном, полученные ответы касались материального положения университетов. Среди них выделялось обращение профессора Московского университета Н.А. Любимова, посвященное необходимости изменения существующего университетского устава. Его мысли отвечали общему настрою правительства, взявшего курс на реорганизацию университетской системы.

Университетский вопрос становится одним из основных в общественно-

¹³⁴ Ткаченко П.С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958. С. 121-122.

¹³⁵ Студенты 4 курса медицинского факультета Московского университета отказались слушать лекции профессора Полунина, который замещал уехавшего за границу профессора Захарьина. Захарьин пользовался большой популярностью, его лекции исправно посещались. 25 октября по постановлению Совета университета студентам сделали выговор, предупредив, что в случае неявки на лекцию 29 октября курс будет закрыт. Однако это не возымело должного эффекта, и 29 октября на лекцию Полунина пришли только 6 студентов. В итоге за открытый протест Совет университета исключил из университета 9 студентов без права поступления в другие учебные заведения и 11 – с правом поступления. (Ткаченко П.С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958. С.122).

политической дискуссии с начала 1870-х гг. В 1873 году в «Русском вестнике» была напечатана статья Н.А. Любимова «Мнение по поводу предстоящего пересмотра университетского устава». Автор статьи выступил как активный сторонник принятия нового устава и заявил об этом в Совете Московского Университета. С этого момента полемика на страницах периодических изданий отражала сложный процесс подготовки нового университетского устава, который должен был содействовать укреплению влияния правящей бюрократии в университете.

Университетская политика в направлении, предлагаемом Любимовым и Катковым, находилась в полном соответствии с курсом правительства начала 1870-х гг. Широкая университетская автономия и оппозиционные настроения, зарождавшиеся среди студентов, сильно тревожили правительство. Однако у идеи о подчинении университетов большему контролю государства, разумеется, нашлись противники, выступившие против подобных радикальных перемен в университете. Так завязалась полемика, в ходе которой выявилось два основных течения. Представители одного из них (наиболее активными участниками были Н.А. Любимов, М.Н. Катков) выступали за пересмотр устава, а их противники (либеральные профессора В.И. Герье, Б.Н. Чичерин, С.А. Усов и др.) доказывали необходимость сохранения основных существующих порядков.

Ключевым пунктом разногласий консерваторов и либералов был вопрос об университетской автономии и непосредственно связанный с ним принцип коллегиального управления университетом (речь шла об Университетском Совете). Именно понятие университетской автономии лежало во главе угла всех рассуждений и споров оппонентов, от него отталкивались и к нему апеллировали.

Катков и Любимов фактически отрицали идею автономии университета как таковую, поскольку считали, что российские университеты по своему происхождению являются не самостоятельными, независимыми от государства организациями, а учреждениями, созданными правительством. В статье

«Мнение по поводу предстоящего пересмотра университетского устава» Любимов сформулировал ключевые, по его мнению, недостатки, к которым привело введение устава 1863 года. Он говорил об упадке университетской системы после введения устава 1863 г., а «самоуправление», провозглашаемое этим документом, прямо называл «системой управления понемногу всеми и никем, системой невмешательства, или, вернее, обязательного невнимания властей, или, наконец, системой общей безответственности»¹³⁶. Отсюда, по его мнению, вытекает «расшатывание отношений», которое пагубно отражается на эффективности функционирования университета.

Если вопрос об автономии стал отправной точкой полемики, то затем дискуссия разделялась на две ветви, затрагивая две стороны жизни университета: учебную и дисциплинарную.

Говоря о первой ветви, необходимо, прежде всего, отметить, что одной из основных тем для спора было положение профессорских корпораций, их права, полномочия, функции и обязанности. В связи с этим немаловажное значение имел также вопрос о свободе чтения лекций, свободе преподавания в целом. Катков предлагал упразднить профессорские корпорации и настаивал на введении единой учебной программы. Доказывая, что свобода чтения лекций — лишняя вольность для профессоров, «Московские ведомости» в № 208 за 1883 год приводят такой случай (в качестве яркой иллюстрации «свободы научного преподавания», доведенной до «абсолютного принципа»): «однажды министр народного просвещения пожелал не то что «навязать свою административную программу», а лишь познакомиться с *программой* лекций одного московского профессора: ректор тогда спросил, по какому праву, в силу какого пункта устава министр любопытствует?»¹³⁷.

В другой статье (вышла в 1883 году в «Московских ведомостях») Катков высказывался еще более резко об этой раздражавшей его индивидуальности профессорских лекций: «У нас устав 1863 года дал профессорам свободу

¹³⁶ Университетская идея в Российской империи XVIII-начала XX веков: Антология: учеб. пособие для вузов. – М., 2011. С. 313.

¹³⁷ Собрание передовых статей Московских ведомостей. – М., 1897-1898. 1883 г., № 208. С. 358.

говорить с кафедры все, что им угодно, даже противонаучный вздор, и вместе с тем сделав тех же профессоров экзаменаторами, *принудил* студентов выzubривать все, что им говорится с кафедры, даже если это будет чепуха. Вот где причина нашего научного бесплодия»¹³⁸.

В том же ключе высказывался и Любимов, обращая внимание на то, что даже тщательно записанный лекционный текст не может служить в полной мере цели всестороннего изучения студентом предмета, поскольку не обладает и не может обладать необходимой точностью, систематичностью.

Источником такого взгляда на проблему являются представления Каткова, Любимова и их сторонников о роли университета в жизни общества, о его задаче. Ведь, по их мнению, просвещение само по себе – вовсе не конечная цель университета. Это должно быть просвещение на благо государства. Начиная с тезиса о том, что сами университетские профессора состоят на государственной службе, Катков отмечал, что и студенты являются будущими государственными служащими. А для того чтобы служить своей стране верно и преданно, добиваться нужных ей результатов, они, несомненно, должны быть очень хорошо подготовлены в этом направлении.

Следующий вывод в этой логической цепочке состоит в том, что, поскольку правительство поручает университетам воспитание своих верных слуг, заботясь о благе России, оно имеет полное право (более того, оно обязано) принимать активное участие в этом процессе. Катков пишет: «Если хотите, предоставляйте всякому свободу учить и учиться. Но если вы обязываете учиться... то вы принимаете на себя всю ответственность в деле... Государство должно знать тех лиц, кому оно предоставляет власть действовать в известной сфере, наблюдать за ними и знать, как они действуют»¹³⁹.

Логическим путем эта идея приводила к постановке вопроса об организации государственных экзаменов в специально назначаемых комиссиях с целью лучшего контроля над университетским образованием. Главным

¹³⁸ Собрание передовых статей Московских ведомостей./ Катков Михаил Никифорович. – М.: Изд-во С. П. Катковой, 1897-1898. 1883 г., № 208. С. 358.

¹³⁹ Идеология охранительства: [сборник] - М., 2009. С. 472.

посылком консерваторов в этом вопросе было представление о том, что университет готовит будущих государственных деятелей, опору страны – верную, крепкую и надежную.

Катков был совершенно уверен, что предлагаемый им порядок в любом случае будет способствовать повышению уровня знаний студентов. Все возражения он прямо называл «смешными», приводя в статье «Ключ предстоящей реформы университетов», опубликованной в 1882 году, весьма оригинальный аргумент: «Всякая скромная положительная величина неизмеримо больше нуля. А нынешние испытания даже не нуль, а величина отрицательная»¹⁴⁰. Катков всячески подчеркивал, что выступает прежде всего в интересах российской науки как таковой, ратует за создание наилучших условий для ее развития, стремится к тому, чтобы ничто не отвлекало ученое сословие от работы. В апреле 1881 года он писал: «Когда начнется серьезная, чисто научная работа в наших университетах, то сами собой прекратятся всякие толки о кухмистерских, корпорациях, «землячествах», сходках и скандалах»¹⁴¹.

Другая ветвь дискуссии касалась дисциплины и порядка в университете. Правительство опасалось оппозиционных течений, беспорядков и волнений в студенческой среде, стремилось как можно эффективней контролировать студенческую жизнь. Здесь речь шла об институте инспекции в университете. Обсуждался вопрос о том, каким образом должно осуществляться наблюдение за студентами, разбирательство различных спорных дел, нарушений порядка. Немало внимания оппоненты уделяли и самой студенческой жизни, ее правильной, с их точки зрения, организации.

Сторонники пересмотра устава 1863 года призывали упразднить студенческую корпорацию, считать студентов отдельными посетителями университета и взять под контроль процесс обучения будущих государственных служащих.

¹⁴⁰ Московские ведомости. - М., 1882 г., 10 августа, № 220. С. 3.

¹⁴¹ Московские ведомости. - М., 1881 г., 21 апреля, № 109. С. 2.

Либеральные профессора¹⁴², дорожившие университетской автономией не могли приравнять университет к обычному государственному учреждению с его неперенной атрибутикой — чиновничьей бюрократией. Для них университет был самостоятельным живым организмом, с особой академической атмосферой. С.А. Усов, профессор Московского Университета, в статье «Рачители университетского устава», опубликованной в 1873 году в «Отечественных записках», писал об особом духе университета в России. Прочитав статью Любимова, он с удивлением заметил, что ее автор «подчиняет важнейшую сторону университетской жизни административному началу; он строит весь организм университета на чиновничестве. Как же он не хочет понять, что дух и свойства этого учреждения совсем иные»¹⁴³.

Либеральные профессора, безусловно, стремились сохранить профессорские корпорации с их свободой преподавания. В.И. Герье считал необходимой свободу преподавания на западноевропейский манер, что предполагало упразднение системы доцентуры и предоставление докторам и магистрантам права служить экстраординарными профессорами.

Вступая в полемику с Любимовым и Катковым, принижавшими значимость профессорских лекций и отрицавшими пользу индивидуальности в преподавании, Герье доказывал, что профессор должен уметь воздействовать на определенные струны души своих слушателей, поселить в них внутреннее стремление к знанию, к науке, не только на уровне разума, но и на эмоциональном, духовном уровне. При этом автор вовсе не считал неперенным условием то, что каждый студент обязательно должен стать специалистом. По его мнению, «достаточно, если молодое поколение будет выносить из университета, хотя и не вполне ясное чувство, что оно, если, может быть, и не запасло в своей памяти слишком много положительного знания, но узнало пути, которые ведут к истине, а именно это-то имеет для всякого

¹⁴² См. Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX — начало XX вв.). С.60-61

¹⁴³ Отечественные записки. - Спб., 1873 г., № 3. С. 105.

мыслящего молодого человека необыкновенную прелесть»¹⁴⁴. Герье стремился к расширению специализации университетских дисциплин, планируя увеличить количество лекций (тогда необязательные лекции можно было перенести на вечернее время и сделать их открытыми для студентов всех факультетов). Посредством таких общих лекций, как считал Герье, можно укрепить «живую связь между различными отраслями наук, без которой университет недостоин своего названия»¹⁴⁵. Тем самым Герье стремился также сплотить студентов различных факультетов на академической почве и таким образом сохранить и развить студенческую корпоративность.

В противоположность сторонникам пересмотра университетского устава, либеральные преподаватели отстаивали необходимость сохранения профессорских и студенческих корпораций как неотъемлемой части университетской жизни, способствующей живому общению профессоров и студентов.

Разработка нового университетского устава началась в середине 1870-х годов после завершения работы специальной комиссии под руководством заместителя министра народного просвещения И.Д. Делянова (создана в 1875 году), которая занималась изучением положения дел в университете с целью выявления проблем, требующих внимания и исправления. В составе этой комиссии были представители министерства народного просвещения (товарищ министра кн. А.П. Ширинский-Шихматов, член совета министра А.И. Георгиевский и др.), ректоры университетов (Московского – С.М. Соловьев, Казанского – Н.А. Кремлев, Харьковского – А.С. Питра, Новороссийского – Ф.И. Леонтович), некоторые профессора.

Проект устава, который должен был внести перемены в жизнь университетов, начал разрабатываться, как уже говорилось, во время

¹⁴⁴ Университетская идея в Российской империи XVIII-начала XX веков: Антология: учеб. пособие для вузов. – М., 2011. С. 355.

¹⁴⁵ Герье В.И. Университетский вопрос /Вестник Европы. 1873 г., № 4. С. 833.

министерства Д.А. Толстого. В правительстве было немало сторонников пересмотра устава. К примеру, министр финансов Грейг предлагал ограничить доступ в университеты малообеспеченной молодежи: «Дешевизна платы за учение, освобождение даже от этой платы, многочисленные стипендии и разные другие воспособления, оказываемые учащимся... искусственно увеличивают число лиц, стремящихся к перемещению из одного слоя общества в другой. Несмотря на оказываемые им льготы и пособия... они подвергаются во время состояния в заведениях ожесточенной нужде и тем легче поддаются влиянию злонамеренных агитаторов, которые заранее уверены в том, что именно на этой почве им всего удобнее искать себе пособников и находить слепые исполнительные орудия»¹⁴⁶.

Однако с отставкой Д.А. Толстого в 1880 году и наметившимся переходом к новым либеральным реформам под руководством Лорис-Меликова разработка устава была приостановлена.

После событий 1 марта 1881 года ситуация резко изменилась. Проекты Лорис-Меликова были свернуты, а сам он ушел в отставку после опубликования Манифеста о восшествии на престол Александра III, в котором провозглашался принцип незыблемости самодержавия. В 1882 году министром внутренних дел был назначен Д.А. Толстой, а министром народного просвещения — И.Д. Делянов, и работа над новым университетским уставом возобновилась.

Университетская реформа 1884 года разрабатывалась и осуществлялась в непростых условиях, и процесс этот был длительным и трудным. Новый устав университетов был одной из первых серьезных мер нового царствования и имел огромное значение как ярчайшее проявление правительственного курса. Истоки полемики по университетскому вопросу лежат в понимании обществом предназначения и роли университета в жизни страны, а также места

¹⁴⁶ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. - М., 1964. С. 104.

университетской реформы в политике самодержавия. Вступив на царство, Александр III оказался в непростой ситуации выбора дальнейшего пути политического развития России. Воспитанный в духе триады Уварова «православие, самодержавие, народность», император понимал необходимость укрепления самодержавной власти в стране, видя в этом залог ее будущего процветания и спасения от смуты. Принцип незыблемости самодержавия был ясно высказан в Манифесте о восшествии на престол Александра III.

Влиятельным «идеологом самодержавия» был публицист М.Н. Катков, который, как известно, эти позиции занял не сразу. В 1830-х гг. он был членом кружка Станкевича, познакомился с Белинским, Бакуниным, увлекся немецкой философией (Шеллингом). В 1840-50-х гг. занимал либеральные, западнические позиции. 1863 год можно считать временем перехода Каткова на позиции консерваторов. Тогда «Московские ведомости» были отданы в аренду Каткову и Леонтьеву. Это совпало с началом польского восстания, по отношению к которому Катков занял максимально негативную позицию. Тогда же в консервативный печатный орган превратился и «Русский вестник», находившийся в ведении Каткова еще с 1856 года. Влияние Каткова на политический курс росло, так что он оказывал немалое воздействие на министров и даже на самого царя.

В 1880-е годы могущество и влиятельность Каткова увеличились еще больше, а «Московские ведомости» стали превращаться «в своеобразный государственный департамент, в котором разрабатываются различные проекты по тем или иным вопросам внутренней и внешней политики»¹⁴⁷. В феврале 1884 года Катков писал Александру III: «Моя газета была не просто газетой, а случайным органом государственной деятельности. В ней не просто отражались дела, в ней многие дела делались. Она участвовала в событиях, и перед историей она будет свидетельствовать не только о том, что сделано, но и о том, что следовало бы сделать и чего делать не следовало»¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. - М., 1970. С. 70.

¹⁴⁸ Катков М.Н. Письма к Александру III. Письмо четвертое. 1884. // "Былое". 1917. Кн. № 4. С. 21.

Катков мыслил в одном русле с императором — стремясь к установлению и укреплению консервативного единомыслия в России, считал необходимым утвердить концепцию православия, самодержавия и народности в качестве единственного течения общественно-политической мысли.

Каткову, не занимавшему государственных посты, нужна была поддержка в правительстве для продвижения своих проектов. Такой поддержки он мог ожидать, к примеру, от К.П. Победоносцева, входившего в ближайшее окружение Александра III. Забегая вперед, следует отметить, что Победоносцев, склонный к критике многих возникавших политических идей, подверг ей и проект Каткова, так и не став его союзником в полном смысле этого слова.

К.П. Победоносцев был фактически наставником нового императора, особенно в начале правления. Он выступал за идею укрепления принципов самодержавия и сохранения дворянских привилегий как опоры монархии. «В личности Победоносцева причудливо уживались, с одной стороны, большой, острый и тонкий ум и широкое образование, с другой – узость суждений, нетерпимость, фанатизм и мракобесие... особенно ненавидел интеллигенцию, не вынося никакого инакомыслия, как политического, так и религиозного. Только при самодержавии возможен, по его мнению, прогресс в России»¹⁴⁹.

Влияние Победоносцева на царя росло, он то и дело обращался к монарху с письменными советами и наставлениями. Например, 6 марта он написал Александру: «Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надо бы уступить так называемому общественному мнению, о, ради бога, не верьте, Ваше величество, не слушайте. Это будет гибель России и Ваша: это ясно для меня как день»¹⁵⁰.

Немало высказывался он и о ситуации в университете. О том, что «университет стал местом постоянной сходимки», Победоносцев писал в одном из

¹⁴⁹ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. - М., 1970. С. 56.

¹⁵⁰ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. - М., 1925. С. 315-316.

обращений к Александру III¹⁵¹. Он убежден, что такое положение дел необходимо «прекратить во что бы то ни стало. Надобно только сосредоточить власть в твердых руках и прекратить сходки»¹⁵². В обстановке постоянной паники и смятения, в которой находилась новая власть, страх быстро усиливался, а одним из основных источников опасений был именно университет.

Победоносцев принимал активное участие и в подборе кандидатур на высшие государственные посты. Так, он сыграл немаловажную роль при назначении Д.А. Толстого министром внутренних дел. В письме к императору от 28 мая 1882 года Победоносцев докладывал о результатах личной беседы с Толстым по поводу его назначения и давал собственную характеристику будущему министру: «человек с основательным образованием и знаком близко с многими капитальными вопросами»¹⁵³. «Лично я возлагаю надежды на это назначение», - отметил он¹⁵⁴. Граф Толстой стал еще одним представителем ближайшего и наиболее влиятельного окружения императора. П.А. Зайончковский пишет, что этот «злой гений России», как его именовали современники, был человеком весьма неглупым и широко образованным»¹⁵⁵.

В 1850-е годы Толстой был директором Канцелярии Морского министерства, разделял либеральные политические взгляды великого князя Константина Николаевича, но во время подготовки крестьянской реформы постепенно перешел к консервативным воззрениям, так как был недоволен содержанием реформы 1861 года.

Яркую и, надо сказать, нелестную характеристику Толстому дал Б.Н. Чичерин: «Человек неглупый, с твердым характером, но бюрократ до мозга костей, узкий и упорный, не ведавший ничего, кроме петербургских сфер, ненавидевший всякое независимое движение, всякое явление свободы». По его

¹⁵¹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. - М., 1925. С. 322.

¹⁵² Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. - М., 1925. С. 322.

¹⁵³ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. - М., 1925. С. 386.

¹⁵⁴ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. - М., 1925. С. 386.

¹⁵⁵ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. - М., 1970. С. 60.

мнению, Толстой «был создан для того, чтобы служить орудием реакции»¹⁵⁶.

Именно Д.А. Толстой стал для М.Н. Каткова той опорой в правительственных верхах, которая была необходима идеологу самодержавия, и взял на себя реализацию его проекта.

Заместитель министра народного просвещения И.Д. Делянов - политическая фигура, не отличавшаяся самостоятельностью, - находился, можно сказать, при Толстом и Каткове, полностью под их влиянием. В мае 1882 года он был назначен министром народного просвещения (Толстой стал министром внутренних дел) вместо либерала барона Николаи. Зайончковский указывает на один любопытный разговор Каткова с Е.М. Феокистовым, редактором журналов «Русская речь» и «Журнала Министерства народного просвещения». «Для меня вовсе не тайна», - заметил тогда Катков, - «что Иван Давидович беспомощный человек, что всякое дело валится у него из рук, но мой глаз будет зорко следить за ним: пока я здесь, он не решится сделать ни одного шага, не посоветовавшись со мной»¹⁵⁷. Сам Е.М. Феокистов в своих воспоминаниях вторит Каткову, давая министру нелестную для любого, тем более высокопоставленного, государственного деятеля характеристику, отказывая ему не только в талантах, но даже в способности добросовестно трудиться: «Делянов представлял собой пример того, как можно у нас достигнуть очень высокого положения без сколько-нибудь выдающихся заслуг; никогда не был он не только тружеником – смешно и говорить об этом, - но даже дельцом в самом ординарном значении этого слова; никому не случалось, конечно, слышать, чтобы он высказал какую-либо мысль, которая была бы плодом зрелого и самостоятельного размышления»¹⁵⁸.

Любопытную характеристику Делянову дал в своих воспоминаниях профессор Н.И. Кареев: «Человек очень лукавый, но прикидывавшийся добродушным простаком, по природе не злой и по личному почину, пожалуй,

¹⁵⁶ Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Московский университет. - М., 1929. С. 192.

¹⁵⁷ Цит. по: Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. - М., 1970. С. 85. (ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феокистова, 9120, ЛП б.14, л.14.

¹⁵⁸ Воспоминания Е.М. Феокистова. За кулисами политики и литературы 1848-1896. Л., «Прибой», 1929. С. 171.

не делавший пакостей, но угодливый по отношению к влиятельным лицам, к числу которых относил своего же директора департамента Аничкова, Делянов был очень доступен и приветлив. Чуть не с восьми часов утра в приемной комнате его квартиры, в доме Армянской церкви на Невском, начинали собираться посетители, а в девять часов начинался и самый прием в кабинете министра, очень приветливо и благодушно выслушивавшего всех и старавшегося каждому пообещать, обнадежить его, да и в самом деле часто исполнявшего свои обещания»¹⁵⁹. Как и многие другие, Кареев указывал на несамостоятельность фигуры Делянова, его склонность к постоянной оглядке на власть.

Делянов внес на обсуждение Государственного совета проект нового университетского устава. В связи с этим Катков писал Победоносцеву 27 ноября 1883 г.: «Реформа университетов была бы первой органической мерой нынешнего царствования, за которой должны были бы неукоснительно последовать другие: по судебному ведомству, по местному управлению и пр.»¹⁶⁰. Таким образом, видно, что предстоящей реформе придавалось очень большое значение как непосредственно для состояния системы просвещения в России, так и для дальнейшего развития нового политического курса в целом.

Таковы были люди, ближе всех стоявшие к новому императору и оказывавшие наиболее серьезное влияние на выбор направления политического курса в 1880-х гг. в целом и в отношении нового университетского устава, в частности.

Совещание по новому университетскому уставу было созвано Александром III 12 августа 1884 года. Император должен был принять окончательное решение по университетскому вопросу. С разных сторон он слышал противоположные мнения, убеждения, уверения. Споры не стихали

¹⁵⁹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. – Л., 1990.

¹⁶⁰ Из письма Каткова М.Н. Победоносцеву К.П. 1883. /К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полуптом 1. М., 1923. С. 349–350.

вплоть до самого совещания, и даже среди представителей одной политической группировки не было единства по отдельным положениям нового устава.

Например, К.П. Победоносцев, известный своими консервативными, реакционными взглядами, выступал категорически против идеи об отделении экзаменов от преподавания, за которую ратовал Катков. Доказывая свою точку зрения на предварительном совещании у министра, он «настаивал на опасности ограничиться карательными мероприятиями, отбрасывая, как это слишком часто делалось в последнее время, меры предупредительного характера»¹⁶¹. Победоносцев был убежден, что принимать экзамены должны те профессора, которые читают курсы, иначе студенты будут просто пренебрегать лекциями. «Государственные экзамены он считал необходимыми только для принятия на государственную службу, доказывая, что «экзамены нельзя вынести из стен университета»¹⁶².

Для Каткова был крайне удивительным, даже противоестественным тот факт, что Победоносцев поддерживал таких противников консерваторов, как Милютин, Бунге, барон Николаи. Катков пытался убедить Победоносцева вернуться к своим принципиальным сторонникам: «Не такое ли теперь время, чтобы всем честным и здравомыслящим в политическом отношении людям более всего стараться о крепком и видном для всех между собой единстве?»¹⁶³. Но Победоносцев отвечал: «От нового Устава я вижу не пользу, а вред для того самого начала, во имя коего реформа задумана»¹⁶⁴.

«Доводы Победоносцева об опасности падения научного уровня образования, увеличения числа недоучившихся и недовольных студентов поблекли и отступили в глазах императора перед логикой Каткова, доказывавшего, что университет – дело государства, профессора – должностные лица, слуги государства, что «отборное юношество» должно быть

¹⁶¹ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М., 1978. С. 259.

¹⁶² Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М., 1978. С. 259.

¹⁶³ Письмо М.Н. Каткова К.П. Победоносцеву, 27 ноября 1883 г. // К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. I, п/т. I, с. 349.

¹⁶⁴ Письмо К.П. Победоносцева М.Н. Каткову (конец ноября 1883 г.) // Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М., 1978. С. 259.

вверено в надежные руки благомыслящих подданных, а не случайных людей, что для всего этого нужен неусыпный контроль самого государства за университетом, ключ к которому – в системе государственных экзаменов»¹⁶⁵. Убеждение Каткова в том, что «и образование, и развитие науки надо направлять сообразно потребностям самодержавия, и, следовательно, под его контролем», полностью согласовывалось с представлениями самого императора Александра¹⁶⁶.

Несмотря на активную деятельность борющихся политических группировок, стремившихся склонить настроение царя в свою пользу, выбор Александра был обдуманым и взвешенным — это было выражение его собственной позиции, подкрепленной советами ближайшего окружения.

15 августа царь утвердил мнение Каткова и его сторонников, а 23 августа подписал указ о введении нового университетского устава с 1884/1885 учебного года.

Можно согласиться с Г.И. Щетининой отмечавшей, что «с наибольшей последовательностью в уставе были проведены реакционные принципы в вопросах управления»¹⁶⁷. Самоуправление, созданное уставом 1863 года, теперь было сведено к минимуму. Прежде всего, это новшество проявилось в сфере механизма занятия должностей. Так, по уставу 1884 года, «ректор избирается Министром народного просвещения из ординарных профессоров университета и назначается Высочайшим приказом на четыре года»¹⁶⁸. «Декан избирается попечителем учебного округа из профессоров соответственного факультета и утверждается в должности на четыре года Министром народного

¹⁶⁵ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М., 1978. М. 261.

¹⁶⁶ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М., 1978. С. 261.

¹⁶⁷ Щетинина Г.И. Университетский вопрос 1870-1880-х гг. и устав 1884 г. - М., 1965. С. 13.

¹⁶⁸ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 10. С. 8.

просвещения»¹⁶⁹. Таким образом, принцип выборности университетских должностей фактически упраздняясь, и этот вопрос переходил в область непосредственного контроля министерства народного просвещения.

Серьезным изменениям подвергся Университетский Совет. Его функции и полномочия заметно сократились, по сравнению с либеральным уставом. В сфере его собственной компетенции остались только три дела: «1. ежегодное определение общего числа медалей... 2. утверждение, от имени университета, в ученых степенях лиц, выполнивших установленные для получения их условия; 3. утверждение, по ходатайствам факультетов, в степени Доктора, таких магистрантов, которыми представлены будут диссертации, отличающиеся особенными научными достоинствами»¹⁷⁰.

Под прямым контролем министра народного просвещения, согласно положениям нового устава, оказывались учебная и дисциплинарная сферы жизни университета¹⁷¹.

Так, Устав гласил, что «Каждый факультет составляет один или несколько учебных планов, в которых обозначаются как науки, подлежащие изучению студентами того факультета, так и нормальный порядок их изучения. Планы эти, равно как и все дальнейшие в них изменения, по рассмотрении советом университета, представляются на утверждение Министра народного просвещения»¹⁷². «Факультеты на основании заявлений преподавателей о

¹⁶⁹ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 24. С. 10.

¹⁷⁰ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 30. С. 13.

¹⁷¹ Любопытной иллюстрацией к картине реализации положения о необходимости контроля над учебной составляющей университетской жизни может служить воспоминание профессора Н.И. Кареева, относящееся ко времени начала действия устава 1884 года: «Делянов вообще боялся, что «его спросят», а он не знает. Однажды я объявил курс в университете под названием «Теория культурного процесса истории», но Делянов его вычеркнул из обозрения преподавания и заменил другим, по своему усмотрению. Я отправился к нему объясняться. «Да, да, да, - заговорил он, - помню, помню: у вас какое-то мудреное заглавие было». Я повторил заглавие. «Вот видите, - продолжал он, - я ведь не знаю, что это такое, а у меня могут спросить, я же не буду знать, что там читает профессор такой-то, войдите в мое положение». «Так, выходит, - спросил я, - что вас смущает только название курса?» - «Да, да, название: «культурный», «процесс», как там еще?» - «Значит, - заключил я, - под другим названием я могу читать этот курс?» - «Да, все дело в названии. Читайте, что хотите, только чтобы не было повода меня спрашивать: а что такое читает этот профессор... культурный!.. процесс!..» Я назвал курс исторической энциклопедией, и он был спасен». (Кареев Н.И. Указ. соч. С.183).

¹⁷² Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 70. С. 21.

предполагаемых ими чтениях и практических занятиях со студентами, составляют обозрение преподавания на каждую предстоящую половину академического года, с распределением лекций и практических занятий по дням недели и часам. Обозрения сии рассматриваются советом университета и представляются затем в Министерство народного просвещения на утверждение»¹⁷³.

Специально указывалось также, что подробные инструкции по составлению такого рода обзоров и планов должны устанавливаться министром народного просвещения.

В новом уставе нашла отражение концепция соотношения свободы и обязательности, которую защищал Катков. Прежде всего, это касалось принципа свободы преподавания (который был упразднен) и свободы слушания лекций: «Если один и тот же предмет преподается несколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать лекции и принимать участие в практических упражнениях у того из означенных преподавателей, у кого он сам пожелает»¹⁷⁴. Но в то же время последовательно соблюдался известный принцип Каткова, состоявший в том, что «если вы обязываете учиться... то вы принимаете на себя всю ответственность в деле...»¹⁷⁵. В соответствии с ним, устанавливался порядок, при котором «относительно изучения предметов своего факультета студент обязан принять к руководству один из утвержденных надлежащим порядком планов, причем отступления от избранного плана допускаются не иначе, как с разрешения декана факультета»¹⁷⁶.

Новым уставом были предусмотрены и меры, целью которых было развитие навыков научного исследования у студентов, подъем их научного интереса. «Для поощрения студентов к научным занятиям, факультетскими

¹⁷³ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 71. С. 22.

¹⁷⁴ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 73. С. 22.

¹⁷⁵ Идеология охранительства: [сборник] - М., 2009. С. 472.

¹⁷⁶ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 72. С. 22.

собраниями ежегодно предлагаются задачи, с назначением за удовлетворительные по оным сочинения, смотря по достоинству их, медали золотой или серебряной, или почетного отзыва»¹⁷⁷.

Кроме того, была сделана попытка решить проблему подготовки профессорских кадров. С этой целью был расширен институт приват-доцентуры. Приват-доценты получили право читать параллельные с профессорами курсы.

Однако нельзя сказать, что положения устава полностью соответствовали идеям консерваторов. Некоторые их предложения оказались неиспользованными или осуществленными в измененном виде. Свою роль в этом сыграли и дискуссии в печати, и разногласия в правительстве, о которых было сказано выше. Так, один из важнейших для консерваторов вопросов – вопрос о порядке проведения экзаменов – не получил в итоговом тексте устава нужного Каткову и его сторонникам решения. С одной стороны, были введены государственные экзамены в комиссиях, но с другой, сохранялись и экзамены в факультетах, хоть под бóльшим административным контролем.

Итак, по уставу 1884 года, «университетские испытания производятся: 1. в особо назначаемых для того при университетах комиссиях и 2. в факультетах»¹⁷⁸. Главное отличие от порядка, установленного уставом 1863 года, состояло в том, что если тогда выпускные экзамены проводились на факультетах, то по новому закону студенты должны были сдавать их в специально назначаемых министром государственных комиссиях¹⁷⁹. К сдаче экзаменов в государственных комиссиях допускались студенты, которым зачтены все полугодия, число которых установлено для окончания курса.

¹⁷⁷ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 134. С. 32.

¹⁷⁸ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 74. С. 22.

¹⁷⁹ В Правилах о производстве испытаний в комиссиях по разным факультетам, составленным в 1887 году, говорилось, что председатель и члены комиссии ежегодно назначаются министром народного просвещения к 1 июня. «Председателю комиссии предоставляется приглашать для производства испытания по предметам, по коим в составе ее нет соответствующих специалистов, экзаменаторов из числа университетских преподавателей, настоящих или бывших, как штатных, так и приват-доцентов, или вообще из лиц, обладающих специальными сведениями по предмету испытания; но в последнем случае не иначе, как с разрешения министра народного просвещения». (См. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 56. Д. 555. Л. 9 об.)

«Студенту зачитается лишь такое полугодие, в течение коего он исполнил обязанности, возложенные на него правилами для обеспечения успешного хода его занятий, как то: а) если он выслушал число лекций, не менее установленной правилами нормы; б) если он подвергался установленным поверочным испытаниям; в) если он участвовал в практических занятиях и т.п.»¹⁸⁰.

Важно, что все вопросы, связанные с экзаменами, проверками, да и вообще с течением учебной жизни студентов находятся в сфере пристального внимания и часто непосредственного контроля министра народного просвещения. По новому уставу, именно министр назначает членов и председателей государственных экзаменационных комиссий (в них могли входить как университетские преподаватели, так и компетентные лица из министерства), устанавливает для них размеры вознаграждения, утверждает «общие для всех университетов правила испытаний в комиссиях и изложение требований, коим должны удовлетворять испытуемые», издает «подробные правила о зачете полугодий, одинаковые для всех университетов», правда, «на основании соображений, представляемых факультетами, с заключением советов»¹⁸¹.

Что касается испытаний в факультетах, то в уставе приводится их перечень: «1. на ученые степени; 2. состязательные на стипендии и вспоможения; 3. поверочные и 4. обязательные только для медицинских факультетов испытания полукурсовые»¹⁸². Видно, что в количественном отношении факультетские экзамены превышают таковые в комиссиях. Тем не менее, контроль министерства народного просвещения распространяется и на факультетские экзамены, проявляясь, в частности, в том, что именно министерство должно было утверждать правила проведения испытаний на ученые степени, составлять правила проведения поверочных испытаний (правда, на основе положений, выработанных на факультетах и рассмотренных

¹⁸⁰ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 78. С. 23.

¹⁸¹ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. Пп. 75, 76, 78, 80. С. 22-23.

¹⁸² Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 82. С. 23.

Советом).

Переходя к вопросу о дисциплине в университете, прежде всего, необходимо посмотреть, как изменилось с введением нового устава положение инспектора. Согласно предложениям консерваторов, инспекция была заметно усилена как в качественном, так и в количественном отношении.

По уставу 1884 года, «инспектор студентов определяется в должность Министром народного просвещения, по представлению попечителя учебного округа»¹⁸³. Важное отличие от предыдущего либерального устава состояло в том, что теперь инспекция не входила непосредственно в сферу контроля университетских властей: «Инспектор студентов и его помощники в действиях своих руководствуются инструкцией, данною Министром народного просвещения»¹⁸⁴. Таким образом, новый устав усиливал власть попечителя и инспектора. При этом власть инспектора, по сути, стала независимой от университета.

Штат инспекции расширился. Это было обусловлено значительным увеличением числа функций данного института. «Инспектор студентов имеет ближайшее наблюдение за исполнением, в университетских зданиях, как студентами, так и посторонними слушателями, установленных для них правил, надзирает за соблюдением сими лицами порядка и благочиния, принимает меры к восстановлению оных, доводя о том до сведения ректора и испрашивая, в более важных случаях, согласие его на предполагаемые распоряжения. Независимо от сего, инспектор наблюдает, по мере возможности, за поведением студентов также вне университетских зданий, следуя в этом отношении ближайшим указаниям попечителя»¹⁸⁵. Понятно, что, если в полномочия инспектора входит наблюдение за студентами даже вне университета, ему, безусловно, потребуется большее количество сотрудников.

Иначе стал решаться вопрос о разбирательстве дел, связанных с

¹⁸³ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 46. С. 17.

¹⁸⁴ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 52. С. 18.

¹⁸⁵ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 48. С. 18.

различными нарушениями правил студентами. Дело в том, что Университетский Суд, который занимался этим ранее, уставом 1884 года упразднился. Теперь устанавливался новый порядок, при котором «дела о нарушениях студентами установленных Министером народного просвещения правил решаются, по степени важности нарушения, инспектором, или ректором, или правлением, с утверждением постановления попечителем учебного округа в случае наложения более важных взысканий»¹⁸⁶. В уставе шла речь о таких взысканиях, как выговор, арест (в карцере), исключение.

Таким образом, все сферы жизни университета должны были отныне находиться под тотальным надзором правительства. Власть стремилась держать под строгим контролем даже отношение учащихся к учебе и университету, а также взаимоотношения студентов и преподавателей.

Реформа университетов 1884 года упразднила студенческую корпорацию. Одним из ключевых положений, сформулированным в прилагаемых к уставу «Правилах для студентов и посторонних слушателей императорских университетов» (М., 1885): «Студенты считаются отдельными посетителями университета, а потому не допускается никакое действие их, носящее на себе характер корпоративный» (п.13)¹⁸⁷. В Правилах обозначались подобные действия: подача адресов и прошений за подписями нескольких лиц, посылка депутатов, выставление каких бы то ни было объявлений от имени студентов (п.13); устройство в зданиях, дворах и садах университета студенческих читален, кухмистерских, столовых, а также организация театральных представлений, концертов, балов и «других публичных собраний, не имеющих научного характера» (п.14); всякие сборища, произнесение публичных речей, а равно какие бы то ни было денежные сборы» (п.15); «участие в каких бы то ни было тайных обществах и кружках, хотя бы и не имеющих преступной цели» (п.16)¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884. П. 125. С. 30-31.

¹⁸⁷ Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. - М., 2004. С. 26.

¹⁸⁸ Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и

Положение профессорской корпорации с введением нового устава также сильно изменилось – настолько, что сама корпорация как таковая была, по сути, упразднена. Если студенты считались будущими государственными чиновниками, то преподаватели считались чиновниками, находящимися на государственной службе. Теперь они полностью подчинялись правительству. Положение преподавателей в качестве чиновников было закреплено законодательно и подчеркивалось на официальных церемониях. Именно министр утверждал избранного Советом профессора. В такой ситуации неизбежным стал раскол в профессорской среде, примат карьерных интересов.

Упразднение студенческой и профессорской корпорации приводило к отчуждению студентов и преподавателей как друг от друга, так и от университета. Положение об «отдельных посетителях» университета лишало студентов чувства причастности к особенной университетской атмосфере.

Таков, в общих чертах, был порядок, установленный уставом 1884 года.

Разработчики устава стремились наладить правильное, с их точки зрения, течение академической жизни в университете. Жизнь эта должна была быть сосредоточена на научной и учебной деятельности, в ней не должно было быть места для посторонних мыслей и занятий. Ничто не должно было отвлекать учащихся и преподавателей от действительно нужного дела.

Однако, как мы увидели, группе Толстого-Делянова пришлось поступиться некоторыми положениями (в части организации экзаменов) в ходе обсуждения проекта устава в Государственном Совете. И, тем не менее, утверждение текста итогового документа и вступление его в законную силу воспринималась консерваторами как победа.

Еще до официального принятия нового закона в печати появлялись разного рода рассуждения и прогнозы на эту тему. В том, что новый порядок вскоре заработает, сомнений, похоже, ни у кого не было, и органы печати в

осторожных формулировках строили предположения, к чему приведет вступление устава в законную силу.

В июле 1884 года в «Вестнике Европы» в разделе «Из общественной хроники» содержится краткий обзор и общая характеристика подобных гипотез: «Осторожность и условность суждений в печати относительно значения проекта университетского устава совершенно понятны ввиду того, что такие суждения основываются пока на слухах, требующих подтверждения, и сверх того, они во всяком случае могут иметь отношение к проекту закона, а не к самому закону в той окончательной форме, какую он примет по своем утверждении Верховною властью, и потому, высказанные преждевременно такие суждения рискуют остаться потом без почвы для себя и сражаться с ветряными мельницами»¹⁸⁹.

Любопытно, что после принятия нового устава «Московские ведомости», которые посвящали университетскому вопросу немало материалов, в течение почти недели хранили молчание. Лишь 29 августа на страницах газеты появилась статья Каткова «Университетский устав». К этому времени даже «Русские ведомости» отозвались о вступлении нового закона в силу.

В.А. Твардовская полагает, что «в «неторопливости» «Московских ведомостей», несомненно, сказался страх перед общественным мнением, враждебно настроенным к реформе, - тот страх, который заставил отложить обсуждение Устава перед коронацией, «дабы избежать всяческих студенческих и профессорских историй»¹⁹⁰. Кроме того, важную роль, по-видимому, сыграло стремление Каткова представить свою газету дальше от правительства, чем она была на самом деле, сделать вид, что он не принимал настолько активного участия в разработке Устава.

Однако затем Катков вновь принял активное участие в обсуждении нового закона в печати. Воспринимая введение устава как важный шаг на пути укрепления самодержавия, он был искренне рад одержанной победе.

¹⁸⁹ Вестник Европы. - Спб., 1884 г., кн. 7. С.439-440.

¹⁹⁰ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). - М., 1978. С. 262.

«Новый университетский устав, - писал Катков, - важен не для одного учебного дела, он важен еще и потому, что полагает собою начало новому движению в нашем законодательстве; как устав 1863 года был началом системы упразднения государственной власти, так устав 1884 года представляет собою возобновление правительства, возвращение властей к их обязанностям... Итак, господа, встаньте — правительство идет, правительство возвращается...»¹⁹¹.

В статье «Университетский устав», опубликованной в «Московских ведомостях», Катков обозначил преимущества нового устава, разъяснил его место в общем политическом курсе самодержавия и выразил надежду на то, что положения устава будут должным образом осуществляться, и это послужит на пользу обществу и государству. «Новый закон есть первый органический закон нынешнего Царствования, и дай Бог, чтобы в том же духе развивалось и далее наше законодательство... Новый закон удовлетворяет всем требованиям столько же государства, сколько и науки в истинном смысле этого слова... Призрак фальшивого самоуправления исчезает. Интерес науки становится центром и душой университетской жизни. Надо всем простирается направляющий и контролирующий надзор государственной власти. Все обязательное отойдет к ней, и за то впервые в стенах наших университетов водворится академическая свобода, свобода в лучшем и плодотворном значении этого слова... Молодые люди не будут более брошены на произвол случая, не будут зависеть в своем образовании от умственного произвола, самого негодного из всех. Все должно быть направлено к тому, чтобы лучшие годы их жизни, когда человек окончательно слагается, не пропадали праздно, и чтобы из них выходили, каждый в меру своих способностей, дельные и полезные люди. Но как бы ни был хорош закон, все будет зависеть от его исполнения»¹⁹².

В своих воспоминаниях А.А. Кизеветтер, рассуждая о значении нового устава, обратил внимание на восторженную реакцию консервативной прессы и в частности на знаменитую фразу Каткова о «возвращении» правительства. По

¹⁹¹ Собрание передовых статей Московских ведомостей. – М., 1897-1898. 1884 г. С. 511-512.

¹⁹² Собрание передовых статей Московских ведомостей. – М., 1897-1898. 1884 г., № 239. С. 447-449.

его мнению, это заявление обозначало переход к реакции, полный отказ от либеральных веяний, и понимать его необходимо не буквально: «Происходило не возвращение никуда и не удалявшегося правительства, а отрешение правительства от всяких отголосков тех либеральных элементов правительственной программы, которые были порождены политическими веяниями 60-х годов»¹⁹³

«Вестник Европы» не спешил с выводами по поводу введения нового университетского устава. Журнал признавал этот уже свершившийся факт, однако предлагал для начала посмотреть, к каким конкретным результатам в жизни университета он приведет. Редакция не считала нужным немедленно вступать в новый спор с «Московскими ведомостями», на страницах которых Катков, можно сказать, поздравлял общество с новым уставом. Общий тон статей журнала был более взвешенным и спокойным, рассудительным.

В октябре 1884 года в «Вестнике Европы» высказывались следующие идеи: «Туман, покрывающий в настоящую минуту будущее наших университетов, рассеется еще не скоро; плоды нового устава, каковы бы они ни были, будут созревать медленно и постепенно. Для надежд, как и для опасений, существует и долго еще будет существовать полный простор. Всего благоразумнее, однако, не увлекаться чересчур ни теми, ни другими...»¹⁹⁴.

Автор статьи справедливо замечает, что «процветание и упадок университетов, как и всякого другого учреждения, зависит не от одного только регулирующего их закона. Эту простую истину многие забывают, относя все грустные, все темные стороны современной университетской жизни к уставу 1863 года. Топча его ногами, они упускают из виду, что через несколько лет, при стечении сколько-нибудь неблагоприятных обстоятельств, та же процедура, с тем же самым правом, может оказаться применимой и к новому закону»¹⁹⁵. Можно сказать, что такой взгляд на проблему в чем-то дополняет идею Каткова о том, что результат реформы, эффект, ею произведенный в

¹⁹³ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881-1914). - Прага, 1929. С. 133.

¹⁹⁴ Вестник Европы.- Спб., 1884 г., кн. 10. С. 821.

¹⁹⁵ Вестник Европы.- Спб., 1884 г., кн. 10. С. 821.

действительности, зависит не только от одного закона, но и от того, как именно этот закон осуществляется. «Вестник Европы» не исключает возможности возникновения ситуации, при которой для блага государства и общества потребуется изменить устав 1884 года, который будут обвинять в возможных будущих неприятностях, а его составителей — в недалёковидности.

В ноябре 1884 года в «Вестнике Европы» вышла еще одна статья, посвященная новому уставу. В ней снова поднимается вопрос о том, что на самом деле формирует ход университетской жизни — закон или все-таки конкретные люди. Отдавая предпочтение второму варианту ответа, автор замечает: «Если авторитет профессоров не везде достаточно силен, общение их со студентами — недостаточно тесно, то слишком наивно было бы ожидать в этом отношении перемены к лучшему от одного только упразднения выборного начала. Не на поверочных испытаниях, не путем правил о зачете полугодий устанавливается близость между преподавателями и слушателями — та близость, в которой действительно заключается лучшая гарантия против студенческих беспорядков»¹⁹⁶.

В следующем году «Вестник Европы», подтверждая уже высказанную идею о том, что устав сам по себе не играет важной роли, лаконично и категорически констатировал, что ситуация в университете с его принятием, по сути не изменилась: «Прошлогодня университетская реформа не создала новых учреждений, не потребовала новых людей, не произвела, непосредственно и внезапно, коренной перемены в самом характере деятельности университетов. Студенты и профессора остались те же, цели и приемы преподавания не изменились»¹⁹⁷.

В то же время «Вестник Европы» был недоволен новым уставом как законом не только по содержанию, но и по форме: «Ни один из новейших законов не оставлял столько простора для инструкций или дополнительных правил, издаваемых административной властью, сколько оставил его университетский устав 23 августа 1884 года. Многие — и притом существенно

¹⁹⁶ Вестник Европы.- Спб., 1884 г., кн. 11. С. 821.

¹⁹⁷ Вестник Европы.- Спб., 1885 г., кн. 1. С. 364.

важные — вопросы были разрешены этим уставом лишь в самых общих чертах или не разрешены вовсе, а только намечены для дальнейшей разработки»¹⁹⁸. Автор статьи, судя по всему, считает обилие дополнительных инструкций и правил недостатком нового закона.

Определенные опасения относительно будущего устава и результатов его введения высказывал даже Катков, несмотря на свои прежние восторги и надежды по этому поводу. В частности, его беспокоили правила, изданные в дополнение к уставу, которые касались порядка наложения взысканий на провинившихся в чем-либо студентов. Так, комментируя правила содержания студентов в карцере, Катков писал: «в карцере будут, пожалуй, происходить возбуждаемые самим правительством бесконечные пререкания между арестованными и инспекцией о качестве и количестве доставляемой пищи. На сторону арестованного студента, пожалуй, станут другие студенты, - и вот «студенческая история» на законном основании готова!»¹⁹⁹ В заключение Катков, переживая за судьбу своего детища, вопрошал: «судя по некоторым признакам, невольно подумаешь, не суждено ли новому Уставу, после стольких мытарств, потерпеть крушение в самой пристани?»²⁰⁰.

Устав 1884 года не соответствовал общественному настроению эпохи, чаяниям университетских деятелей и студенчества. Упраздняя профессорскую и студенческую корпорацию, вводя студентов в статус «отдельных посетителей университета», устав способствовал отчуждению преподавателей и студентов от университетской жизни. В то же время новый порядок ставил эту жизнь в полную зависимость от правительства, лишая ее неповторимой атмосферы научной деятельности, живого общения учащихся и обучающихся.

Реакция на принятие нового устава в самих университетах не заставила себя ждать. Студенты были недовольны такими переменами в их жизни. Они,

¹⁹⁸ Вестник Европы.- Спб., 1885 г., кн. 10. С. 861.

¹⁹⁹ Собрание передовых статей Московских ведомостей. – М., 1897-1898. 1885 г., № 155. С. 271.

²⁰⁰ Собрание передовых статей Московских ведомостей. – М., 1897-1898. 1885 г., № 155. С. 272.

по-видимому, тоже рассматривали устав как часть всего курса самодержавия. Вскоре после вступления нового закона в силу начались студенческие волнения. Наиболее яркими из них были беспорядки в Киевском университете и в Москве.

Первая протестная акция прошла на юбилее Киевского университета в сентябре. Официальная программа пышного и торжественного празднования юбилея Киевского университета была рассчитана на 7-9 сентября. Однако в результате в центре внимания оказались студенческие выступления.

5 сентября состоялась студенческая сходка, где ее участники приняли следующие решения: «1) отказаться от официальной программы празднеств, 2) считать все билеты, выданные группе студентов на юбилейные торжества, недействительными, 3) собраться в день акта перед университетом, требуя пропустить всех студентов в актовый зал и «употребить для этого все средства»²⁰¹.

Свой взгляд на новый устав студенты предполагали высказать на торжественном акте, но «начальство... с бесцеремонным, возмутительным нахальством предложило нам «выпить и закусить». Неужели кто-нибудь поддастся на такое пошлое предложение?» Через полицейский кордон студенты прорываться не стали и в актовый зал не попали. Вместо этого начались стихийные уличные демонстрации. Свои действия студенты объясняли необходимостью «[о]свистать жалких представителей русского деспотизма»²⁰². Освистаны были К.П. Победоносцев и попечитель Голубцов.

8 сентября Голубцов телеграфировал министру народного просвещения: «На улице, особенно около университета, толпа студентов в тысячу человек бесчинствовала до 4-х часов пополудни... Когда я ехал в университет, в меня бросали камнями и поленьями...». Тогда же министр отправил телеграмму киевскому генерал-губернатору: «Умоляю В[аше] с[иятельство]во пощадить университет и правительство. Тысяча бунтовщиков на улице в течение

²⁰¹ Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России (последняя четверть XIX века). - М., 1987. С. 97.

²⁰² Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России (последняя четверть XIX века). - М., 1987. С. 95.

нескольких часов бесчинствует, бросает камнями в попечителя, и их не разгоняют нагайками и прикладами»²⁰³.

Вечером того же дня в доме ректора студенты разбили окна и ставень, однако полиция, прибыв на место действия, уже никого не застала.

«Стихийное движение массы демократически настроенных студентов направляли лидеры, затронутые влиянием революционных идей. Местом встреч служила студенческая столовая, распорядительницей которой была курсистка Одольская. Столовая существовала без вывески, без разрешения, как и большинство студенческих организаций»²⁰⁴.

События в Киеве нашли отклик среди московского студенчества. Их выступления были направлены против М.Н. Каткова, которого они считали главным виновником мер правительства по отношению к киевским студентам (университет был закрыт на полгода). В октябре Катков писал о киевских студентах: «Мы уверены, что хорошая военная дисциплина может вернее и лучше всего исправить очумелых людей уже тем одним, что освободит их от терроризации развратителей»²⁰⁵.

Центральный кружок Общестуденческого союза предложил наглядно продемонстрировать свое отношение к Каткову. 1 октября на сходке, где присутствовало около 200 человек, происходило обсуждение плана выступления. В понимании цели акта протеста все были единодушны, но в вопросе о методах многие разошлись во мнениях. «Одни предлагали составить петицию в поддержку киевлян, другие — организовать сходки протеста и тем самым добиться закрытия и Московского университета в знак солидарности, третьи выступили за «забастовку», т. е. Всем не ходить на лекции и добиться закрытия университета...» В итоге «было решено 2 октября собраться у типографии Каткова на Страстном бульваре, сделать все «быстро, не дав

²⁰³ Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России (последняя четверть XIX века). - М., 1987. С. 97.

²⁰⁴ Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России (последняя четверть XIX века). - М., 1987. С. 98.

²⁰⁵ "Московские Ведомости". 1884. 10 октября. № 281.

времени полиции предупредить и принять меры»²⁰⁶.

2 октября московский генерал-губернатор кн. В. Долгорукий сообщил гр. Д.А. Толстому: «Сегодня в третьем часу дня до 300 студентов появились в Долгоруковском переулке около здания анатомического театра... Обещали... собраться сегодня вечером на Тверском и Страстном бульварах и на последнем разгромить типографию г. Каткова».

В тот же день Катков выехал из Москвы, а к упомянутым бульварам стягивалась полиция. «К 2 час. дня собралось около 200-250 студентов, «были тут люди, знавшие о целях сходки, но большинство ничего не знало и желало «потолковать». Вышло разногласие: одни предлагали «обсудить дело», другие настаивали на немедленном путешествии на Стр[астной] бульвар. Все это говорилось громко, между тем как по двору расхаживали чины инспекции и полиции». Видя, что благоприятный момент упущен, студенты решили отложить дело до вечера. «Здесь опять была сделана ошибка. Расходясь, студенты кричали: «В семь часов на Страст[ном] б[ульваре]»... Собравшиеся вечером 200-300 человек ввиду явной готовности полиции решили уйти. Оставшиеся 60-70 затащили «Дубинушку» и тут же были схвачены и отправлены в Бутырскую тюрьму»²⁰⁷.

Показания, которые дали по этому делу задержанные студенты, можно условно разделить на две группы. Часть студентов никак не пыталась объяснить причину своего присутствия на сходке и ограничивалась короткой фразой (в различных вариациях): «В оправдание свое ничего особенного сказать не имею»²⁰⁸. Остальные говорили либо о случайности того, что они оказались в толпе (шли в булочную Филиппова, направлялись к знакомому по делам, возвращались после прогулки домой по бульвару и т. д.), либо о банальном любопытстве, приведшем их на сходку (студент Николай Вымпяло писал, что «еще будучи в гимназии... слышал, что есть какие-то студенческие

²⁰⁶ Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России (последняя четверть XIX века). - М., 1987. С. 101.

²⁰⁷ Цит. по: Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России (последняя четверть XIX века). - М., 1987. С. 101-102.

²⁰⁸ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 215. Д. 56. Лл.120-130.

сходки, а какой они носят характер... не знал. Любопытство мое было затронуто, и я, чтобы не упустить из виду случай познакомиться с характером сходок и его целью, решил пойти на Страстной бульвар»²⁰⁹.

Писатель и журналист (с 1884 года работал в «Русских ведомостях») В.А. Гиляровский называл октябрьское выступление студентов в Москве первым «студенческим бунтом»²¹⁰. Он отмечал, что все прежние беспорядки не выходили за пределы университета ни в буквальном смысле, ни в плане своего содержания: все они имели чисто академический характер. Теперь же студенческие волнения происходили прямо на улице.

Так Гиляровский в «Москве газетной» описывает события вечера 2 октября 1884 года, имевшие место на Страстном бульваре: «К семи часам вечера студенты кучками неожиданно с разных сторон пришли на Страстной бульвар и устроили грандиозный кошачий концерт перед окнами квартиры редактора М.Н. Каткова с разбитием в них стекол. Явилась полиция и конный жандармский дивизион. Это был в Москве первый случай такого выступления конных жандармов. Жандармы с нагайками носились по бульвару и обоим проездам, разгоняя демонстрацию. Попадало всякому — и студенту и нестуденту. Били кого попало и как попало... Жандармов сбивали с лошадей, и лошади носились без всадников. Как сейчас помню высокого студента-кавказца, когда он вырвал жандарма из седла, вмиг очутился верхом и ускакал. На помощь жандармам примчалась сотня 1-го Донского казачьего полка, выстроилась поперек проездов и бульвара и, не шелохнувшись, стояла, а жандармы успели окружить толпу человек в двести, которую казаки и конвоировали до Бутырской тюрьмы»²¹¹.

В конце очерка автор с немного печальной иронией заметил, что сценарий, разработанный участниками этой демонстрации, применялся и в дальнейшем, так как со временем количество студенческих историй по различным поводам только росло: «Позднее во время всяких студенческих

²⁰⁹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 215. Д. 56. Лл. 18-20, 35.

²¹⁰ Гиляровский В.А. Москва газетная. В кн.: Сочинения в трех томах. Т. 2. — М., 1994. С. 9.

²¹¹ Гиляровский В.А. Москва газетная. В кн.: Сочинения в трех томах. Т. 2. — М., 1994. С. 10.

беспорядков обязательно хоть пару стекол разбивали в «Московских ведомостях», а в Татьянин день повторялись перед редакцией кошачьи концерты мирного характера»²¹².

Ровно через месяц, 2 ноября, Н.Ф. фон Крузе писал М.М. Стасюлевичу, редактору «Вестника Европы»: «Ну, до каких мы с Вами времен дожили! Дожили наконец и до поражения Университетов! Страстной бульвар [«Московские ведомости»] торжествует, а священная особа Каткова и до сих пор бдительно охраняется полицией, хотя никто не покушается на его драгоценную жизнь для России... Теперь после нового университетского устава, мы дрожим за судьбу судебных учреждений. Неужели придется и над ними служить панихиду?»²¹³.

В мае 1886 года состоялось важное для Московского университета событие. 15 числа университет посетил император Александр III. Царь был встречен восторженными приветствиями, и вообще все прошло благополучно.

В статье, посвященной посещению Московского университета Александром III 15 мая, Катков снова восхищается обстановкой, которая сложилась к тому времени с принятием нового устава: «Все в России томилось ожиданием правительства. Оно возвратилось. И вот на месте оказалось и учащееся юношество наше, в котором все надежды нашего будущего, - оказалось на своей родной почве, при своем народе, верное его преданиям... С возвращением правительства положение изменилось, и молодые люди вздохнули свободно. С возвращением правительства возвратилась в стены наших университетов дорогая независимость каждого от каждого. С глубоким и радостным умилением присутствовали мы вчера при свободном, искреннем, горячем одушевлении молодых людей Университета, встречавших и провожавших Самодержца России. Их восторженные клики знаменательно сливались с громом кликов народа окружавшего здание Университета. Они были тем, чем должны, детьми своего народа. Они повиновались не чужому велению, но своему чувству; они следовали призыву своего отечества,

²¹² Гиляровский В.А. Москва газетная. В кн.: Сочинения в трех томах. Т. 2. – М., 1994. С. 10-11.

²¹³ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. - СПб., 1911-1913 гг. С. 75.

которому готовятся служить»²¹⁴.

Однако существует свидетельство того, что восторги по поводу прибытия Александра III и благопристойное поведение студентов были тщательнейшим образом подготовлены. Причем предпринятые действия вряд ли можно назвать обычными для подобных случаев: «Были приняты чрезвычайные меры охраны. Часть студентов была временно арестована, часть выслана на родину»²¹⁵. Непосредственно для встречи Александра собрали первые курсы, а от остальных было по два представителя.

Такая непростая обстановка сложилась в первый год после принятия университетского устава 1884 года, таков был ближайший отклик на это событие со стороны студентов и общественности. В понимании роли этого устава их всех объединяло одно — осознание того, что устав этот является неотъемлемой частью, первым конкретным проявлением общего направления политического курса самодержавия последней четверти XIX века. Для кого-то этот закон стал мерой ограничения прав и свобод, самостоятельности и самоуправления, а для кого-то — надеждой на установление мира, порядка и спокойствия в стране, укрепление ее силы и мощи.

Консерваторы считали принятие устава 1884 года своей победой, даже несмотря на то, что некоторые их предложения не были реализованы, несмотря на некоторые собственные опасения, возникавшие уже в первый год действия устава. Либералы же как будто смирились с формальным поражением: уже не выступая активно против устава, они сочли правильным не спешить с выводами и выбрали скорее наблюдательную и выжидательную позицию. Активное студенчество же начало открыто бороться с «реакцией» и «деспотизмом» за свои академические свободы, что и вылилось в сходки и демонстрации вскоре после принятия нового университетского устава 23 августа 1884 года.

Студенческие волнения, происходившие в первые несколько лет после вступления устава в силу, носили стихийный характер и отражали резко

²¹⁴ Собрание передовых статей Московских ведомостей. – М., 1897-1898. 1886 г., № 134. С. 252-253.

²¹⁵ Кузнецов Л. А. Из далекого прошлого. //Народовольцы после 1-го марта 1881 года. М., 1928. С. 28.

негативное восприятие нового порядка. Однако для того, чтобы оценить действительное положение дел, сформированное новым законом, требовалось некоторое время. Необходимо было, чтобы устав на самом деле начал «работать».

И тем не менее, возможно сделать некоторые выводы о первых результатах действия устава.

Уничтожение профессорской и студенческой корпорации принесло свои плоды. Никакого живого общения преподавателей и учащихся не было в университете. Для большинства студентов большинство профессоров были совершенно чужие, да и профессора почти не знали, кто приходит к ним на занятия. Студенты не очень стремились на лекции. Профессоров, умеющих действительно увлечь студентов своим предметом, поощрить его на учебные занятия, было мало. Зачастую случалось так, что в первый и последний раз преподаватель и студент встречались на экзамене²¹⁶.

Студентов как «отдельных посетителей университета» связывали друг с другом не общие интересы, учебная деятельность или исследования, а политические события за пределами университета. Так они собирались на сходки, демонстрации. На этих собраниях выделялись ораторы, к которым все прислушивались²¹⁷. Но ораторы эти занимали такое положение не потому, что они были лучшими студентами, достигшими серьезных успехов в учебной деятельности, но потому лишь, что умели увлечь толпу. А к университету, его

²¹⁶ В статье «Дореволюционное русское студенчество» сборника «Памяти русского студенчества конца XIX-начала XX вв. приводится любопытная иллюстрация сложившегося положения: «Шел экзамен по одному из иностранных языков у профессора, которого лекции никто не слушал. Экзамен имен характер чисто формальный. Часто бывали случаи, когда студент, который данный экзамен уже прошел, представлялся вновь к экзамену за своего товарища. И вот, один студент искал заместителя для экзамена по иностранному языку. Встретив, случайно, в коридоре одного молодого, но уже популярного и действительно талантливого профессора, стал просить его, после того, когда из ответа убедился в том, что встреченный им знает данный иностранный язык, сделать ему любезность и пойти экзаменоваться вместо него. Недоразумение выяснилось, и таким образом оказалось, что данный студент не знал в лицо ни того профессора, у которого он должен был экзаменоваться, ни того, кого он просил подвергнуться испытанию вместо него. (Памяти русского студенчества конца XIX-начала XX вв. Сб. воспоминаний. Париж, 1934. С. 93).

²¹⁷ Дореволюционное русское студенчество \ \ Памяти русского студенчества конца XIX-начала XXвв. Сб. воспоминаний. Париж, 1934. С. 93-94.

жизни, науке эти люди, занятые только партийной работой, не имели ни малейшего отношения. Выходило так, что, стремясь разъединить студентов, исключить из их интересов политические вопросы, занять их учебной деятельностью, правительство добивалось обратного результата: отчужденные от университетской жизни, наставничества профессоров, студенты не интересовались учебой, которая не была их общим делом. Зато острые политические вопросы стали наиболее подходящей основой для сближения учащейся молодежи. Это означало увеличение числа сходок и демонстраций, общий рост активности студентов, усиление протестных настроений и оппозиционных течений.

Итак, в ходе развития отношения власти и студенчества сформировалась вполне подходящая для всевозможных трений почва. Здесь прежде всего идет речь об инспекторах, которые были непосредственными представителями власти в университете. Именно их деятельность вызывала в то время наиболее резкую реакцию учащейся молодежи.

В воспоминаниях преподавателя Санкт-Петербургского университета Н.И. Кареева можно найти несколько любопытных иллюстраций к новому порядку в университете, в частности, к работе инспекции: «Не знаю, с самого ли начала так было, но потом существовала секретная комната, где висели фотографические карточки студентов... а педели²¹⁸ время от времени сдавали экзамен по этим карточкам в знании, какая фамилия соединена с какой физиономией... У каждого студента было свое место на вешалке верхнего платья, так что педели могли проверить, кто ходит и кто не ходит на лекции»²¹⁹. Таким образом, вся учебная жизнь студентов была под строгим надзором инспекции и полиции. О полиции и тотальном контроле студенческой жизни писал К.А. Тимирязев: «Университетская и внеуниверситетская, тайная и явная, в форме педеля или старшего дворника, субинспектора или околоточного, жандарма или таинственной безмундирной личности... но всегда безответственная, без тени какого-либо суда или защиты, могущая разбить

²¹⁸ Педель — сотрудник университетской инспекции, надзиратель за студентами.

²¹⁹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., Изд-во Лен. ун-та, 1990. С. 181-182.

молодую жизнь, навсегда прервать ее мирное течение, оказать свое злое влияние даже долго по окончании университета и негласно закрыть молодому человеку пути к разумной, полезной для общества деятельности, на которую дают ему право годы добросовестного труда, засвидетельствованные официальными дипломами»²²⁰.

Разумеется, этот строжайший надзор буквально за каждым шагом студентов сильно раздражал учащуюся молодежь. Напряжение в студенческой среде росло, любое проявление нового порядка вызывало недовольство. Это недовольство зачастую выливалось на инспекторов, которые как раз и осуществляли непосредственный контроль над университетской жизнью. Ярким примером может служить так называемая «брызгаловская история» 1887 года. Тогда студенческие волнения начались с того, что 22 ноября 1887 года в зале Московского дворянского собрания во время концерта студент 3 курса юридического факультета Синявский нанес инспектору Брызгалову «оскорбление действием» - пощечину. При расследовании причин этого поступка выяснилось, что до этого момента никаких непосредственных контактов между Синявским и Брызгаловым не было²²¹. То есть, причина нанесенного оскорбления носила не личный, а скорее общестуденческий характер.

Инспектор Брызгалов раздражал студентов своими постоянными придирками по формальным поводам: «По Брызгалову оказывалось, что ношение под сюртуком русской рубашки есть нарушение формы, хождение по улицам без шпаги – тоже; потеря одеждою нормального цвета сукна от действия света – тоже»²²². Любое из этих нарушений строго наказывалось – от обычных замечаний и выговоров до карцера.

Однако столь резкая реакция студентов была направлена в первую очередь не на эти мелочные придирки, а на политическую сторону его деятельности. Брызгалов искренне поддерживал устав и выступал за

²²⁰ Тимирязев К.А. Академическая свобода. Соч., т. IX, с. 27-28.

²²¹ Г. Ростовцев. Студенческие волнения в Московском университете в 1887 г. С. 331.

²²² Г. Ростовцев. Студенческие волнения в Московском университете в 1887 г. С. 328.

решительную политику правительства в отношении студенчества. В 1884 году он организовал хор и оркестр Московского университета, в составе которых вскоре сформировалась группа студентов, добровольно следивших за учащимися. Остальные студенты презирали их как шпионов, называли «брызгаловцами». Концерты хора и оркестра проходили в торжественной обстановке, туда допускались студенты только в парадной форме. Сами участники концерта «блистали своими белыми подкладками²²³ и особыми жетонами, придуманными Брызгаловым, как эмблема любви и преданности студентов к престолу: жетоны изображали какие-то цветы, поднесенные или любимые кем-то из царствовавших особ»²²⁴. Получалось нечто вроде выставки цвета студенчества, демонстрация абсолютной поддержки и преданности молодежи правительству, в то время как на самом деле многие студенты не ходили на эти концерты, считая для себя позором появление там.

И вот 22 ноября 1887 года на одном из таких мероприятий студент Синявский ударил Брызгалова. И это «оскорбление действием» не было единичным случаем. В том же году в актовом зале Казанского университета студент Алексеев ударил инспектора Потапова; в Харьковском университете волнения начались после того, как одного из студентов отправили в карцер за несоблюдение формы. Так возмущение студентов, направленное первоначально против инспекции, ее распоряжений, да и самого устава в целом, вылилось в большую «студенческую историю». Затронуты были Казанский, Санкт-Петербургский, Одесский, Харьковский университеты. В Казанском университете в волнениях 1887 года принимал участие В.И. Ульянов.

Правительством были приняты решительные меры против недовольных студентов: «Всех удаленных за участие в беспорядках 1887 г. из Московского университета было 97. Сверх того, 38 студентов были подвергнуты аресту от 1 до 10 дней, 87-ми был сделан выговор от имени правления. Виновными в той

²²³ Белая подкладка мундира была отличительной чертой студентов — выходцев из богатых аристократических семей. Они искренне поддерживали правительственный курс и враждебно относились к бунтующим студентам, среди которых преобладали разночинцы. Со временем таких студентов — опору самодержавия в университете — стали называть белоподкладочниками.

²²⁴ Г. Ростовцев. Студенческие волнения в Московском университете в 1887 г. С. 330.

или другой мере было, таким образом, признано 222 чел.»²²⁵

Показательна оценка упомянутых событий, содержащаяся в обзоре деятельности министерства народного просвещения за время царствования Александра III, где говорится, что университетская реформа 1884 года способствовала развитию научной и учебной деятельности в университете, улучшила материальное положение профессоров и в целом привела к положительным переменам в сравнении с предыдущим периодом. Хотя в этом официальном обзоре студенческие волнения и не остались без внимания, выводы об их характере и причинах весьма своеобразны. «Как ни грустен был факт волнений сам по себе, - в нем, при ближайшем рассмотрении дела, нельзя не признать все-таки и некоторой успокоительной стороны в том отношении, что причины, вызвавшие грустные явления, которыми ознаменовался в университетах 1887 год, лежали не во внутренних условиях жизни университетов или быта студенчества, а были чем-то случайным, происходили от внешних воздействий на студентов, что доказывается тем, что производивших беспорядки в каждом университете было всегда ничтожное число»²²⁶.

В этом утверждении ясно видно непонимание правительством глубины и серьезности возникшей проблемы, недооценка нарастающей напряженности среди молодежи. Недовольство студентов, сходки и беспорядки рассматриваются только лишь как следствие неких конкретных мелких мероприятий, как например, придирки инспектора Брызгалова, либо как результат восприятия неокрепшими умами навязанных извне либеральных идей. Принципиальный разрыв между властью и обществом со временем становился только шире и глубже, с каждой студенческой «историей» оставалось все меньше возможностей выйти из кризиса с помощью мягких, постепенных мер.

Правительство не желало идти даже на малейшие уступки и следовало

²²⁵ Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 476.

²²⁶ Обзор деятельности Ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (с 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.) Государственная типография, Спб, 1901. С. 172.

прежним курсом, не допуская отклонений, пытаюсь восстановить порядок с помощью карательных мер – полиции и армии, постоянными исключениями и увольнениями. Живым воплощением этого курса был министр народного просвещения И.Д. Делянов. «Число ничего не значит... для государства полезнее иметь менее учащихся, чем иметь их много, и в числе их много и таких, которые с юных лет заявили себя бунтовщиками... Предоставлять же толпе мальчиков под влиянием разных фантастических и психических раздражений требовать безнаказанно отмены уставов и правил было бы равносильно упразднению правительства»²²⁷. В обращении к студентам Казанского университета министр высказал свою мысль еще более конкретно: «...что такое несколько сот и даже тысяч молодых людей в сравнении со ста миллионами русского народа, который видит в государе помазанника божия и свято повинуется ему и исходящим от него законам»²²⁸. Видимо правительство не задумывалось о судьбах этих нескольких сот или тысяч студентов и об их роли в назревавшем кризисе.

Разумеется, правительство стремилось укрепить официальную идеологию в стенах университета и для этого использовало свое влияние на его внутреннюю жизнь. Показательным является тот факт, что единственным курсом, за который студенты не платили гонорара, было богословие²²⁹. Гонорар представлял собой особую плату в пользу отдельных профессоров, чьи лекции студент предпочитает посещать, либо чьим руководством он предпочитает пользоваться в своей исследовательской работе. Гонорар выплачивался в размере одного рубля за недельный час в полугодие. Это была выплата сверх обязательной платы за обучение в пользу университета, составлявшей пять рублей за каждое полугодие. Размеры обоих типов выплат определялся министром.

²²⁷ Черновик секретного письма Делянова Х.Х. Роопу 10 дек. 1887. Цит. по: Щетинина «Университеты в России и устав 1884 г.». С. 220.

²²⁸ Цит. по: Щетинина «Университеты в России и устав 1884 г.». С. 220.

²²⁹ Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 г. С. 154.

Многие преподаватели понимали, что развитие науки в новую эпоху требует новой организации. Традиционно научные исследования были личным делом отдельных ученых, инициативой отдельных профессоров. Но в конце XIX века такая организация научной деятельности уже не могла полностью удовлетворять потребности подлинного развития науки. Однако большинство записок преподавателей в министерство народного просвещения, содержащих предложения об открытии новых кафедр, лабораторий оставались без положительного ответа и поддержки. Очевидно, на это нужны были немалые средства, и, кроме того, правительство с большим опасением относилось к частным инициативам. Так складывались условия для возникновения конфликтов между профессурой и бюрократической властью.

Политика увольнения из университета касалась не только активного студенчества, но и профессуры. В 1880-е годы многие преподаватели Московского, Санкт-Петербургского, Харьковского, Новороссийского и др. университетов были отстранены от чтения лекций.

Поскольку государство стремилось контролировать университетскую жизнь в целом, естественно, что за деятельностью преподавателей велось тщательнейшее наблюдение. Университет считался источником не только развития науки, но и опасных для государственной стабильности идей, способных привести к смуте. Однако увольнениям подвергались не только передовые ученые молодого поколения, но и сторонники университетской автономии и либеральных традиций в духе 60-х годов. «В младшем, сравнительно, поколении профессоров, - указывал Делянов в докладе Александру III в 1888 г., - можно встретить более готовности пойти навстречу желаниям правительства, чем в поколении их предшественников, приобывших к порядкам прежнего времени»²³⁰. Так власти работали на опережение, предупреждая возможность конфликта идей.

Уволенные из университетов в 80-е годы профессора были большими учеными, внесшими немалый вклад в развитие науки. При этом причины для

²³⁰ Цит. по: Щетинина «Университеты в России и устав 1884 г.». С. 172.

увольнения зачастую были надуманными. Среди них были С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, доцент В.А. Гольцев (Московский университет), В.И. Семевский (Петербургский университет), И.И. Мечников, А.С. Посников (Новороссийский университет). Рассмотрев причины увольнения отдельных преподавателей, С.Г. Сватиков сделал вывод, что общая причина «заключалась в несовместимости академической свободы с общим строем русской жизни и общим духом эпохи 80-х годов»²³¹.

К примеру, за «вредное направление мыслей» был уволен преподаватель Московского университета С.А. Муромцев. Он был профессором кафедры римского права, возглавлял Московское юридическое общество и был редактором «Юридического вестника». В статье С.П. Мельгунова «Ученые мытарства» (опубликована в журнале «Голос минувшего», 1916, кн. 10) названы «официальные» обвинения в адрес Муромцева: 1) напечатание за границей адреса тульского земского собрания, отредактированного в конституционном духе Муромцевым, 2) издание «Юридического вестника», помещающего резкие отзывы о правительственных мероприятиях, 3) участие в составлении адреса Лорис-Меликову в бытность его премьером. Его обвиняли также в принадлежности к кружку московских конституционалистов, на заседаниях которого он якобы высказывался в поддержку студенческих волнений. С.Г. Сватиков приводит отрывок из отношения товарища министра внутренних дел ген. П.В. Оржевского Делянову: «На одном из подобных собраний, происходившем вскоре после осенних волнений студентов московского университета и Петровской Академии, Муромцев с особенной радостью сообщил об этом кружке в следующих выражениях: «Ну, слава Богу, опять начинаются волнения среди студентов»...²³² Также в этом отношении содержалось еще одно любопытное доказательство политической неблагонадежности Муромцева: «...несомненно доказанным является участие проф. Муромцева на обеде в гостинице «Метрополь» в день похорон Тургенева, на котором произносились разные возмутительные тосты, и одною

²³¹ Сватиков С.Г. Опальная профессура 80-х годов. С. 78.

²³² Сватиков С.Г. Опальная профессура 80 гг. //Голос минувшего. 1917, № 2. С. 23.

из видных участниц революционного сообщества открыто собирались деньги в пользу «Народной воли»²³³. Характерно, что Делянов даже не попытался проверить достоверность этих сведений. Сам Муромцев отрицал и свое присутствие на обеде в гостинице, и, конечно, слова о студенческих волнениях. Но это ничего не изменило. В совете Московского университета выразили глубокое сожаление по поводу потери такого крупного ученого, но и эта попытка отменить принятое решение не удалась.

Среди преподавателей, поддержавших Муромцева, был профессор М.М. Ковалевский, читавший в Московском университете курс государственного права западноевропейских стран. Через три года, в 1887 г., он также был уволен из университета, после чего отправился за границу, где и прожил до 1905 года. Причиной увольнения послужили конституционные взгляды Ковалевского, которые он высказывал на своих занятиях. В 1886 году попечитель Московского учебного округа Капнист сообщил Делянову, что, по сведениям инспектора, многие студенты недовольны тенденциозностью лекций Ковалевского, который позволяет себе неуместные сравнения политического строя Англии и России. В доказательство попечитель привел выдержки из тетради одного из студентов: «по поводу различия в порядке ареста в Англии и большей части континентальных держав, г. Ковалевский объяснял, что главное различие заключается в том что исполнительная власть в Англии за все свои действия ответственна непосредственно перед судом, в который частное лицо всегда может жаловаться на органы исполнительной власти, в других же государствах жаловаться можно только начальству. Такой порядок принят и у нас. Таким образом, в Англии каждый свободен осуществлять свои права и требовать их охраны в строго правовом порядке, у нас же охрана права зависит от административного усмотрения, и часто приходится просить о том, что — в сущности — составляет право. Так, например, если чиновник, взыскивая налоги, исчислит их неверно и взыщет больше, то нельзя прямо предъявлять иск, а нужно слезно просить начальство, чтоб оно, в виде милости,

²³³ Сватиков С.Г. Опальная профессура 80 гг. //Голос минувшего. 1917, № 2. С. 22-23.

восстановило нарушенное право»²³⁴.

Сам факт обращения к изучению политического строя иностранных держав мог насторожить Делянова, но подобные сравнения, конечно, не могли оставить его как представителя власти равнодушным. По его мнению, Ковалевского следовало отстранить от преподавания «ввиду политического вреда, могущего произойти от преподавания этого профессора и его упорства в своем развращающем умы юношества направлении»²³⁵. Однако попечитель в ответ на вопрос министра о возможной замене Ковалевского другим преподавателем убеждал Делянова подождать с этим шагом, хотя бы потому что так быстро найти достойную замену было невозможно. Кроме того, Капнист не видел в действиях Ковалевского ничего опасного, отрицая подпадание молодежи под влияние его идей и указывая на тот факт, что, несмотря на самые разные идеи, звучащие на лекциях, по окончании университета молодежь вовсе не придерживается антиправительственных установок, а верой и правдой служит своей стране.

До конца учебного года Ковалевский находился под наблюдением, но Делянов никак не мог оставить это дело. «25 мая Ив.Дав. занес в свою памятную книжку: «спросить гр. Капниста, окончил ли свои служебные обязанности по университету в текущем полугодии ордин. профессор по кафедре государственного права Ковалевский, и если не окончил, то скоро ли окончит»²³⁶. Вскоре был получен утвердительный ответ, и 6 июня 1887 года Делянов распорядился отстранить М.М. Ковалевского от службы.

Однако увольнения профессоров, тщательный подбор преподавателей, исключения и аресты студентов не могли привести к миру и спокойствию в университете и в обществе, о котором мечтал Катков. Оппозиция 1880-х гг. была разобщена и растеряна, но тем не менее напряжение нарастало, и кризис

²³⁴ Сватиков С.Г. Опальная профессура 80 гг. //Голос минувшего. 1917, № 2. С. 39.

²³⁵ Цит. по: Щетинина «Университеты в России и устав 1884 г.». С. 173.

²³⁶ Сватиков С.Г. Опальная профессура 80 гг. //Голос минувшего. 1917, № 2. С. 48.

углублялся.

Начинаются и попытки объединения либеральных сил. Так студенты периодически обращались к преподавателям с просьбой поддержать их в том или ином случае. Однако чаще всего либеральные преподаватели не поддерживали активную деятельность студентов, а убеждали их вернуться к учебе, напоминая о подлинной цели их пребывания в стенах университета.

Тем не менее, иногда случалось так, что профессора шли навстречу требованиям студентов. Так было в случае с Брызгаловым, когда преподаватели Московского университета поддержали требование студентов об увольнении инспектора. «Я сочувствую студентам и их невольному негодованию по поводу бестактности и бесчестности их ближайшего начальника, - писал профессор Московского университета Н.Я. Грот Делянову, - студента Синявского, конечно, следует наказать продолжительным, хотя бы 2-месячным арестом, а г. Брызгалова тотчас уволить. Если он останется..., то мы сами, профессора, можем очутиться в положении безвыходном, в положении, в котором для честного человека нет выбора между службою и отставкою»²³⁷. Профессорам пришлось убеждать московского генерал-губернатора В.А. Долгорукова удовлетворить это требование, поскольку иначе беспорядки бы продолжились. В конце концов, несмотря на возражения попечителя Московского учебного округа, Брызгалов был уволен с должности инспектора. Этот шаг воспринимался правительством как жертва, которую ему пришлось принести для прекращения студенческих волнений и восстановления долгожданного порядка в университете.

Были и еще примеры поддержки преподавателями активных действий студентов. Так, 17 октября 1889 года, в день смерти Н.Г. Чернышевского, студенты Московского университета устроили демонстрацию. На панихиду по опальному писателю пришло около 500 студентов. В знак солидарности с ними, К.А. Тимирязев не явился на лекцию. За это он получил строгий выговор от министерства.

²³⁷ Цит. по: Щетинина «Университеты в России и устав 1884 г.» С. 179.

К подобным действиям со стороны преподавательского состава можно относиться по-разному. Студенты горячо приветствовали такие поступки, правительство резко осуждало, считая, что таким образом профессора только поощряют студентов к устройению всевозможных беспорядков. Действительно, можно понять преподавателей, стремившихся защитить студентов от произвола власти, восстановить ту особенную университетскую атмосферу свободного научного поиска, которая была утрачена с принятием устава 1884 года. Можно понять и студентов, искавших поддержки у своих наставников. Однако неизбежен вопрос: к чему на самом деле могли привести бесконечные выступления, демонстрации, сходки? Неужели они могли бы действительно привести к отмене устава? Вернуть студентов в аудитории? На деле подобные действия приводили лишь к новым исключениям и увольнениям. Ситуация заходила в тупик.

В 1891-1893 гг. на посту ректора Московского университета находился Н.П. Боголепов, человек крайне ответственный, сочувствующий нуждам студентов, стремящийся создать для них максимально благоприятные условия для занятия важнейшим для них делом — учебой. Именно в учении ректор видел главную и истинную цель пребывания студентов в университете, о чем он старался им напомнить в такое непростое время.

Разумеется, Боголепов не мог одобрять студенческие демонстрации и участие в них некоторых преподавателей. Он был глубоко убежден, что мир и спокойствие, долгожданный порядок можно установить только постепенными, осторожными мерами, но ни в коем случае не путем борьбы, который выбрали студенты.

Со стороны активного студенчества деятельность Боголепова встречала сопротивление и наталкивалась на недовольство, если не на зарождающуюся ненависть. Иллюстрацией такого отношения могут служить записки, которые ректор получал записки такого содержания: «Есть предел всякому терпению... Студенчество еще не окончательно задавлено. Если будете продолжать действовать, как рьяный государственный чиновник, то берегитесь!... Наступит

час...»²³⁸. Некоторые студенты, тем не менее, высказывали поддержку ректору в письменных обращениях к нему²³⁹.

Между тем, к концу 1880-х годов заметно выросло количество всевозможных студенческих организаций — землячеств, касс взаимопомощи. Объединяя в себе все большее количество студентов, они постепенно стали укрупняться, сливаясь в союзы. Начали проводиться настоящие съезды этих союзов, где принимались важные решения, составлялись некие планы действий. Так, в 1891 году на Съезде представителей московской, петербургской и харьковской студенческих касс был впервые поставлен вопрос о проведении всеобщей студенческой забастовки.

Деятельность этих союзов оценивали по-разному. Боголепов считал их подобными революционным организациям, вносящим смуту в молодые умы. Либеральные преподаватели его точку зрения оспаривали²⁴⁰. В своих воспоминаниях жена Боголепова Екатерина Александровна объясняет тот факт, что многие либеральные преподаватели не поддерживали политику ее мужа на посту ректора, следующим образом: «Они все еще дулись на правительство за новый устав. Отсюда их сочувствие студентам. Образ действия Николая Павловича раздражал их: он ведь всеми силами хотел добиться мирного хода академической жизни, а они стремились доказать, что это дело невозможное без их непосредственного содействия»²⁴¹.

Как уже говорилось, по уставу 1884 года профессорская корпорация была упразднена, университет потерял самоуправление, то есть, преподаватели были отстранены от управления университетом. По свидетельству супруги Николая Павловича, Боголепов, поддерживая идею устава в целом, видел и его недостатки. Но при этом он не хотел, чтобы эти неудобства отражались на студентах, сказывались на учебном процессе. Иными словами, Боголепов стремился к тому, чтобы студентов ничто не отвлекало от учебы. Он никак не

²³⁸ Записка написана в 1891 году, завершается подписью “Теттор”. Также в других записках (1892 г.) Боголепову напоминали историю с Брызгаловым и угрожали подвергнуть его подобному оскорблению. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 29. Лл. 1, 15.

²³⁹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 29. Лл. 12-14.

²⁴⁰ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 78.

²⁴¹ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 78.

мог одобрять сочувствие, с которым некоторые преподаватели относились к студенческому движению.

Однако конфликт достиг уже такого уровня, что Боголепов не видел в себе сил его разрешить. Принимая все происходящее в университете близко к сердцу, он мучился от невозможности найти выход из кризиса. «Есть ли надежда, что мы скоро освободимся от этого беспокойного состояния, которое не дает возможности вести правильное преподавание и даже лишает спокойствия, необходимого для собственных занятий?» - писал он.²⁴² И на этот вопрос ответ всегда был отрицательным. Не будучи карьеристом, понимая, что не в силах исполнять свои обязанности должным образом, в 1893 году Боголепов подал в отставку. Должность ректора Московского университета занял П.А. Некрасов.

1891-1893 годы оказались тяжелыми для общества не только из-за деятельности студенческих организаций, спровоцированной уставом. Эти годы (сначала 1891, а потом и 1892) принесли стране большую беду — голод вследствие неурожая. Неурожай постиг многие губернии, охватив немалую часть Европейской России. Самое страшное было то, что из-за этого в стране действительно начался настоящий голод. А.А. Кизеветтер указывает, что люди тогда начали питаться такими «суррогатами» вместо хлеба, которые, не насыщая организма, вызывали различные тяжелые заболевания: «начался мор»²⁴³.

Правительство предприняло решительные меры, к началу декабря 1891 года экстренные ссуды на продовольствие и обсеменение полей превысили 50 млн рублей. Общество также бросилось на борьбу с голодом: стали возникать различные комитеты, столовые (открытые на частные средства). Однако не все были единодушны в этом порыве. Кизеветтер обращает внимание на реакцию «Московских ведомостей», где появились «статьи с указаниями на

²⁴² Русский архив. 1906. N 3. С. 387-388.

²⁴³ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881-1914). Прага, 1929. С. 185.

искусственный характер и возможную политическую опасность «от всей этой шумихи»²⁴⁴. Тем не менее, правительство не прислушалось к этим предупреждениям и санкционировало частную инициативу в деле организации всевозможной помощи голодающим. 1 октября был издан циркуляр министра внутренних дел, предписывающий, чтобы наравне «с земскими учреждениями и официальными комитетами к оказанию помощи голодающему населению были допускаемы и частные «попечительства и комитеты»²⁴⁵.

Конечно, неизбежен вопрос: почему возникла такая тяжелая ситуация? Разумеется, сам факт неурожая можно объяснить климатическими и иными причинами. Но почему он имел такие тяжкие последствия? Привел к голоду? Вызвал самый настоящий «мор», о котором писал Кизеветтер? Почему крестьянские хозяйства оказались без запасов, которые помогли бы им пережить неурожайные годы?

Именно тогда в общественном сознании стало зарождаться понимание того, что в самой государственной системе имеется какой-то глубокий недостаток, нарушающий нормальное функционирование всего организма. Нарушения эти очень серьезные, ведь крестьянские хозяйства оказались на грани полного разорения, а они составляли основу российской экономики этой эпохи. Все эти вопросы и проблемы стали еще острее, поскольку в сложившихся условиях речь шла не о теоретических построениях, а о действительной жизни. Голод и разруха приковали внимание общества к насущным проблемам, а «мор» 1891 года предстал в сознании общества как некий результат реакционного царствования и политики контрреформ. Представлялось, что в это десятилетие правительство проводило политику, не основываясь на общественных интересах и потребностях, игнорируя пожелания и устремления общества, не отвечая его ожиданиям. Само же общество вскоре перестало защищать свои же интересы и в массе своей утратило активную позицию, заняв скорее место наблюдателя за процессом осуществления политического курса самодержавия. От него, по сути, ничего не требовалось —

²⁴⁴ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881-1914). Прага, 1929. С. 186-187.

²⁴⁵ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881-1914). Прага, 1929. С. 187.

только подчиняться и грамотно и четко выполнять указания правительства.

В этом отношении, университетский устав 1884 года как характерный документ эпохи может служить ярчайшим примером действия такой модели: университет терял автономию, все бразды правления передавались в руки министра и попечителя, студенческая и профессорская корпорация как самостоятельные явления упразднялись, к инициативам относились с огромной осторожностью, инакомыслие преследовалось.

Из этого почти равнодушного состояния общество вывели голодные годы, когда активные действия были в буквальном смысле жизненно необходимы. Постепенно, по мере осознания обществом остроты и важности насущных вопросов, начали меняться настроения. Вначале оживление наблюдалось среди земских деятелей, где вновь заговорили о необходимости создания представительного государственного строя. Попытка правительства утихомирить эти идеи путем издания нового Земского положения в 1890 году оказалась не слишком успешной. Положение ограничивало самостоятельность земства, усилив его зависимость от коронной администрации и укрепив в его составе дворянский элемент. Однако в это время дворянство уже не было однородным социальным слоем. Оно было расколото на консерваторов и сторонников либеральных преобразований. Так что либеральное направление в земских кругах только усилилось. Земцы выступали за коренное преобразование государственного строя на конституционных началах.

В 1894 году в Москве состоялся IX съезд естествоиспытателей и врачей. Это событие заметно оживило общественную жизнь Москвы. На многочисленных обедах в разных частных домах велись беседы на политические темы. Участники этих бесед признавали невозможность и дальше жить по старым порядкам, которые уже не соответствуют требованиям современной жизни, не отвечают общественным интересам и устремлениям.

В этом же году завершилось царствование Александра III, эпоха

контрреформ. В октябре 1894 года император умер, и престол перешел к его сыну Николаю Александровичу, Николаю II. О его личности и воззрениях было почти ничего неизвестно, и общество гадало, какое направление политического курса будет избрано государем. Поскольку общество ожидало перемен в духе либеральных идей, оно буквально ловило любые, даже самые незначительные признаки того, что сам Николай также был сторонником преобразований. К примеру, таким признаком считалась его свадьба с принцессой Гессенской, ставшей императрицей Александрой Федоровной. Зная, что супруга императора слушала университетские курсы в Германии и даже имела степень доктора, общественные деятели полагали, что молодая императорская чета поддержит либеральные идеи и проведет необходимые преобразования. Чтобы привлечь внимание Николая II к насущным проблемам и указать на чаяния общества, земские собрания обращались к императору с адресами, в которых в осторожных формулировках были высказаны пожелания учитывать интересы общества и согласовывать с ним политический курс. Никаких конкретных предложений о конституции и пр. не звучало. Речь шла лишь о том, чтобы предоставить земствам право свободно выражать свои взгляды и иметь возможность влиять на политику государства.

Все ждали речи Николая II, которая должна была быть им произнесена по случаю восшествия на престол. Так же, как в свое время для Александра III, проект речи для молодого императора подготовил К.П. Победоносцев. В проекте данной речи говорилось об императорской благодарности за верноподданнические чувства всех сословий и уверенности в их искренности. Что же касалось либеральных устремлений земских деятелей, то их надежды были названы «безумными мечтаниями» (в самой речи Николай произнес «бессмысленными мечтаниями»), а дворянам государь напомнил об их обязанности «предупреждать все подобные мечтания, губительные для России, и не допускать публичного их выражения»²⁴⁶. Завершение царского выступления окончательно показало настроение молодого императора: «Все должны знать,

²⁴⁶ «Правительственный вестник», 18 января 1895, № 14. С. 1.

что я, посвящая все свои силы благу России, буду держать знамя самодержавия столь же твердо и неуклонно, как держал его в Бозе почивший мой родитель»²⁴⁷.

Таким образом, стало очевидно, что надеждам на либерализацию и государственные преобразования не суждено было сбыться, и новое царствование не будет ничем существенным отличаться от предыдущей эпохи контрреформ. На это ясно указывало обещание Николая вести государство по тому же пути, по которому его вел Александр III.

Что это было – нечуткость правительства по отношению к общественному настроению? Или попытка заглушить нарастающее звучание «опасных» идей? Неготовность власти пойти навстречу общественным устремлениям?

Победоносцев, очевидно, полагал, что подготовленная в таком духе речь сыграет такую же роль в успокоении общества, которую сыграл Манифест о восшествии на престол Александра III (29 апреля 1881 г.), где главная мысль была в сохранении незыблемости самодержавия. Тогда, весной 1881 года общество было глубоко потрясено убийством Александра II и прежде всего стремилось к установлению мира и спокойствия в стране. Да и революционные силы были истощены до предела и уже не могли оказывать сколько-нибудь серьезное влияние на людей. Тем более, что ассоциация между революционерами и убийством царя была очевидна, и она пугала даже сторонников государственных преобразований. В Манифесте 29 апреля 1881 года скорее было высказано и окончательно утверждено стремление общества успокоиться после небывалых бурных и трагических событий предыдущего царствования.

В январе 1895 года положение дел было совершенно другое. На исходе эпохи александровской реакции, в условиях нарастания общей внутренней напряженности в стране, возрождения либеральных идей, репрессивной правительственной политики общество ожидало от молодого императора

²⁴⁷ «Правительственный вестник», 18 января 1895, № 14. С. 1.

совсем иных слов, принципиально других установок.

Волна общественной активности и стремления к переменам все росла, а трагические 1891-1892 годы стали в общественном сознании словно бы воплощением того глубинного порока государственной системы, сохранение которого приведет страну к гибели. Голод и мор этих лет стали для общества своеобразным угрожающим симптомом тяжелой болезни государственного организма и показали со всей очевидностью необходимость искать новые и решительные пути к оздоровлению страны. И вот в такой ситуации обществу было прямо заявлено, что их умы занимают всего лишь «бессмысленные мечтания», столь же вредные, сколь и бесполезные. Власть недвусмысленно дала обществу понять, что никаких «новых путей» никто искать не собирается, а следует ждать только продолжения прежнего политического курса.

Речь Николая II вызвала немалое раздражение в обществе, не оправдав большие надежды. А.А. Кизеветтер отмечает, что вскоре после царского выступления появилась прокламация, составленная в форме обращения к императору. Текст ее начинался следующими словами: «вы сказали ваше слово; вчера мы еще совсем не знали вас; сегодня все стало ясно; вы бросили вызов русскому обществу, и теперь очередь за обществом; оно даст вам свой ответ»²⁴⁸.

²⁴⁸ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881-1914). Прага, 1929. С. 196.

Глава II

Нарастание кризиса в университете

Вступая на российский престол, молодой государь Николай Александрович не был к этому готов. Современники, близкие к императору, отмечают скорее его личные качества, нежели способности к управлению страной. В своих воспоминаниях С.Ю. Витте писал: «от него светлыми лучами исходил, если можно так выразиться, дух благожелательности; он сердечно и искренно желал России... счастья и мирного жития, ибо у Императора, несомненно, сердце весьма хорошее, доброе, и если в последние годы проявлялись иные черты его характера, то это произошло оттого, что Императору пришлось многое испытать; может быть в некоторых из сих ситуаций он сам несколько виноват, потому что доверился несоответственным лицам, но тем не менее сделал он это, думая, что поступает хорошо»²⁴⁹.

Расчет К.П. Победоносцева на успокоительный эффект манифеста о восшествии на престол молодого императора не оправдался. Настрой, высказанный в манифесте 1881 года, в 1895-м уже не сработал. Если в момент вступления на престол Александра III общество было напугано и ожидало умиротворения и восстановления порядка, то от Николая II ждали слов о грядущих либеральных реформах, поиске новых путей развития страны, - словом, о переменах. Утверждение о том, что либеральные идеи губительны для России, надежды на реформы – «бессмысленные мечтания», а сам молодой государь намерен крепко держать «знамя самодержавия», вместо того, чтобы утихомирить брожение в умах, напротив, вызвали сильнейшее раздражение. Если после 29 апреля 1881 года наступило затишье, то теперь случилось обратное. Общество возлагало слишком большие надежды на новое царствование, чтобы легко и безболезненно отказаться от «бессмысленных» либеральных устремлений: «во всех домах, где только собиралась значительная компания, ни о чем ином не было речи, как лишь о словах государя и в тех запальчивых комментариях, которые при этом им давались, вы не могли не

²⁴⁹ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т 1. С. 10-11.

почувствовать, что день 17 января составил роковую историческую дату»²⁵⁰.

Однако до открытого противодействия власти в форме демонстраций дело пока не доходило. К таким формам выражения своей позиции общество еще не было готово. Тем не менее, вряд ли можно назвать слова о «роковой исторической дате» преувеличением. Именно с этого момента определенная часть общества принимает принципиальное решение о вступлении на путь осознанной политической борьбы. «Земская среда с этого именно времени стала серьезно готовиться к политической схватке, окончательно изверившись в возможность согласования правительственной политики с передовыми общественными стремлениями»²⁵¹. Надежды на то, «что с высоты Престола всегда будет услышан голос нужды народной», полностью развеялись после такого ответа императора на обращения к нему земств. В многочисленных адресах (верноподданнического характера) выражалась вера в то, что «права отдельных лиц и права общественных учреждений будут незыблемо охраняемы», и «в общении с представителями всех сословий русского народа, равно преданных Престолу и Отечеству, власть Вашего Величества найдет новый источник силы», ожидание «возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты Престола могло достигать выражение потребностей и мысли не только представителей администрации, но и народа русского»²⁵².

Итак, Николай II, как некогда его отец, недвусмысленно заявил о своем выборе дальнейшего пути для страны, невзирая на переживавшиеся за прошедшее с 1881 года время условия. Для борьбы с противниками самодержавия Николай использовал механизм чрезвычайного положения, которое было разработано при Александре для борьбы с «Народной волей».

В рамках этой политики государь уделял особое внимание организации деятельности политической полиции. Несколько охранных учреждений были учреждены Александром III в качестве эксперимента. При Николае II они стали

²⁵⁰ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881-1914). Прага, 1929. С. 196.

²⁵¹ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881-1914). Прага, 1929. С. 196.

²⁵² ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2.

основой, на которой выросла целая сеть органов политического сыска. Одним из наиболее эффективных методов охраны было внедрение в оппозиционные круги своих тайных агентов.

Для борьбы с массовыми беспорядками, демонстрациями и т.д. начали использовать не только силы полиции и жандармов, но и войска, что, безусловно, также можно назвать чрезвычайной мерой. Однако беспорядки не прекращались, и утихомирить их обычными средствами не представлялось возможным, что свидетельствовало о неспособности власти контролировать ситуацию, об отсутствии ожидаемого результата применения сугубо реакционных, репрессивных методов.

Николай II, как и его предшественники, прекрасно понимал, что традиционная опора самодержавия – дворянское сословие. Естественно, он стремился заручиться поддержкой поместного дворянства, противодействуя любым попыткам конфискации помещичьих земель, оказывая финансовую помощь (она выражалась прежде всего в увеличении суммы ссуд, которые Дворянский банк выдавал помещикам на льготных условиях). Однако и в этой сфере ситуация заметно изменилась по сравнению с предыдущим царствованием. Дело в том, что к концу XIX - началу XX века дворянство, которое в большинстве своем действительно было надежной поддержкой самодержавия, перестало быть столь однородным. Немалая часть дворян, сумевшая приспособиться к новым условиям, начала воспринимать либеральные идеи, идеи конституционного характера. Следовательно, стоявшая на старых позициях власть уже не могла удовлетворить чаяния и потребности этих людей, и они постепенно переходили в оппозицию самодержавию, активно участвуя в деятельности некоторых земств.

Однако политику Николая не следует оценивать однозначно. Она носила двойственный характер, поскольку в некоторых вопросах правительству приходилось уступать требованиям времени. Это относится к экономической сфере. Здесь интересы буржуазии совпадали с курсом правительства. Министр финансов С.Ю. Витте стремился способствовать развитию капиталистических

отношений в России. Так, в 1897 году была проведена денежная реформа: в обращение была введена золотая валюта, которая помогла стабилизировать курс рубля и обеспечить предпринимателям устойчивую прибыль. Кроме того, было организовано строительство Транссибирской железной дороги, что активизировало российскую политику на Дальнем Востоке. Таким образом, буржуазия на протяжении долгого времени не входила в оппозицию самодержавию. Свою роль в этом сыграло и рабочее движение начала XX века – буржуа были заинтересованы в поддержке силы, которая могла бы установить порядок. Они не нуждались так остро в политических свободах, от правительства им прежде всего нужна была поддержка. Возможно, именно в условиях относительного порядка в рабочей среде в начале правления Николая II, могла быть произнесена известная фраза С.Ю. Витте о том, что «к счастью, в России, в отличие от Западной Европы, не существует ни рабочего класса, ни рабочего вопроса». Однако острота проблемы была недооценена властью, и уже в начале XX века рабочее движение, сливаясь с революционным, стало действительным явлением эпохи.

Но пока оппозиционные течения в стране действовали разрозненно, несмотря на попытки объединить усилия по борьбе с самодержавием.

Так, либеральная оппозиция была представлена целым рядом направлений. Во-первых, активную роль в общественно-политической жизни страны играли уже не раз упомянутые земства. Они стремились добиться изменения структуры местного самоуправления с тем, чтобы народные представители получили возможность участвовать в процессе управления. Для этого они хотели сформировать специальный Всероссийский представительный орган, который мог бы принимать участие в законодательной работе. Таким образом земцы надеялись установить в России конституционные порядки взамен деспотических.

Однако сопротивление правящих кругов было слишком велико, и

добиться желаемых перемен легальными путями оказалось невозможным. Тогда лидеры земских организаций создали негласное объединение. Так в 1899 году братья Долгоруковы, Д.И. Шаховской, Ф.А. Головин, Д.М. Шипов сформировали дружеский кружок «Беседа». Это была не полноценная политическая организация с собственной программой, а земское объединение, занимавшееся практическими вопросами в соответствующей области. Члены кружка стремились наладить эффективное взаимодействие земств, устранить несогласованность в их работе. Кроме того, они издавали сборники «Беседы» - «Нужды деревни», «Политический строй». Количество членов кружка постепенно увеличивалось (с 6 человек в 1899 году до 54 – в 1905 году), но так же росли и разногласия внутри объединения. Неоднородность политических взглядов земцев, нарастание общей напряженности в стране привели к распаду «Беседы» в октябре 1905 года.

Конституционные идеи были широко распространены и среди интеллигенции, в частности, университетской профессуры. Здесь можно назвать имена П.Н. Милюкова, В.И. Вернадского, А.А. Корнилова, В.И. Герье и т.д. Свои воззрения они высказывали на страницах газеты «Русские ведомости» и журнала «Русская мысль».

Представители либерального народничества также принимали активное участие в общественной дискуссии о путях развития России. Стремясь добиться социально-экономических реформ в стране, они ставили политические проблемы на второй план. Подобно революционерам, они считали, что в России победит общинный социализм, но, в отличие от них, предполагали прийти к этому мирным путем преобразований. Представители этого направления – Н.К. Михайловский, В.Г. Короленко, Н.Ф. Анненский, А.В. Пешехонов и др. – публиковали свои идеи в журнале «Русское богатство».

Еще одним идейным течением был так называемый «легальный марксизм», сложившийся в середине 1890-х гг. Его яркими представителями были П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков. Доказывая неизбежность гибели старых феодальных порядков и утверждения нового

капиталистического строя, «легальные марксисты» сотрудничали с революционерами. Однако неприятие радикальных революционных методов, стремления не сгладить, а обострить классовую борьбу привели к разрыву этого сотрудничества в конце XIX века.

Молодежь тоже не оставалась в стороне от насыщенной общественно-политической жизни и всячески стремилась обратить на себя внимание правительства. Речь идет о студенчестве. В данный период их основным методом воздействия на власть были демонстрации и обструкции. Так, в конце ноября 1894 года студенты освистали В.О. Ключевского, обвинив его в лицемерии и поддержке реакционного курса Александра III. Лицемерие Ключевского выражалось будто бы в том, что в речи памяти Александра III он восхвалял его политику, в то время как ранее придерживался совершенно других взглядов²⁵³. Самодержавие во всех своих проявлениях вызывало такое сильное раздражение студентов, что указания на некоторые достижения проводимого курса они не могли простить даже уважаемому профессору. Между тем, основной посыл речи Ключевского был выражен в ее заключительных словах: «Наука отведет Императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что он одержал победу в области, где всего труднее достаются победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорила общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное сознание и сделал все это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда его уж нет, Европа поняла, чем он был для нее»²⁵⁴.

Некоторых участников обструкции судили в правлении, трех человек исключили из университета. Разумеется, этим дело не кончилось, и на

²⁵³ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 29. Л. 48.

²⁵⁴ Ключевский В.О. Памяти в Бозе почившего государя императора Александра III.

следующий день состоялась сходка. Университетские власти пытались прекратить сходку, но студенты не прислушивались к уговорам. Тогда в дело вмешалась полиция. Демонстранты разбежались, а тех, кто не успел, полиция переписала и отпустила. Некоторых судили в правлении, им были назначены легкие наказания²⁵⁵. В студенческой среде поступок товарищей представлялся актом проявления их гражданского мужества²⁵⁶.

В этом происшествии власть, судя по всему, увидела одно из проявлений деятельности крупных оппозиционно настроенных студенческих организаций. Были приняты соответствующие меры — 48 студентов, большей частью старших курсов, были высланы. Считалось, они были «главными вожаками» в землячествах, членами Союзного Совета²⁵⁷. В то же время члены Союзного Совета уверяли, что для них данное происшествие явилось неожиданностью²⁵⁸.

Союзный Совет был создан Союзом соединенных землячеств (образовался из отдельных земляческих кружков во второй половине 1880-х гг.). Предполагалось, что в его ведении будут находиться вопросы, связанные с организацией студенческих столовых, библиотек, различных кружков. Также была сформирована Судебная Комиссия, которая должна была заниматься разбором различных нарушений среди студентов. Однако со временем набор функций этих органов заметно и недвусмысленно видоизменился. Так, Союзный Совет начал издавать прокламации, а Судебная Комиссия посчитала себя вправе вершить суд не только над студентами, но и над профессорами, получив «значение органа общественного студенческого мнения»²⁵⁹. Конечно, университетское начальство и правительство не могли не обратить внимание на эти красноречивые перемены. С этого момента деятельность Союзного Совета вызывала особенное беспокойство властей. В этих условиях, с точки зрения

²⁵⁵ Боголепов Н.П. Страница из жизни Московского Университета. Из записок профессора Н.П. Боголепова. М., 1911. С. 1-2.

²⁵⁶ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 29. Л. 48.

²⁵⁷ Боголепов Н.П. Страница из жизни Московского Университета. Из записок профессора Н.П. Боголепова. М., 1911. С. 2.

²⁵⁸ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 29. Л. 47.

²⁵⁹ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 63. Л. 7 - 7 об.

власти, причина столь сурового наказания для членов этой организации становится понятна.

Союзный Совет проявил себя в период траура по усопшему императору Александру III. За месяц до обструкции, устроенной Ключевскому, по сведениям Московского Обер-полицеймейстера, на лекции профессора Фортунатова предполагалась «раздача отгектографированных прокламаций от студенческого «Союзного Совета 39 объединенных землячеств», в коих студенты под угрозой немедленного исключения из организации приглашаются воздерживаться от всех сочувственных демонстраций в честь в Бозе почившего Государя Императора, равно как и не подчиняться требованию инспекции о ношении траура»²⁶⁰.

В 1890-е годы союз землячеств по сути взял на себя роль организатора студенческого движения, его руководящего органа. Число землячеств, вошедших в состав союза, неуклонно росло. Так, к концу 1893 года их было 36, в 1894 – 43, а количество членов союза достигло 1700. Эти цифры приводит С. Мельгунов, ссылаясь на архивные данные²⁶¹. Теми же данными, полученными из первых рук, то есть, от самих студентов, располагал Н.П. Боголепов, присутствуя на совещаниях по делам Союзного Совета в университете. Однако Николай Павлович был уверен, что цифры сильно преувеличены, возможно, чтобы продемонстрировать университетскому начальству свою силу.

Студенты в самом деле начинали ощущать себя серьезной силой в составе остального общества. События 1891-1892 гг. отчетливо показали, что кризис затронул далеко не только университет, но и другие сферы жизни государства. Учащаяся молодежь осознала, что ее интересы неотделимы от интересов общества, которое также почувствовала давление кризиса на себе. Корень всех бед люди стали видеть в государственном устройстве, политике царского правительства. А для студентов ярким проявлением этой политики угнетения стали университетские порядки. Отсюда естественным образом

²⁶⁰ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 28. Л. 16.

²⁶¹ Мельгунов С. Студенческие организации 80-90-х годов в Московском университете (по архивным данным). М., 1908. С. 12.

происходило понимание необходимости сближения студенчества с остальным обществом и либерально-народнические тенденции в планах союза землячеств. Планы эти состояли в том, чтобы поддерживать связи с провинциальной интеллигенцией, организовывать библиотеки при школах, то есть, открывать для людей свободный доступ к знаниям и распространять свои идеи.

Эти просветительские цели были сформулированы и в письмах к профессорам университета. В них говорилось, что предназначение университета состоит, прежде всего в том, чтобы давать учащимся общее образование. Однако, по мнению членов союза, после введения устава 1884 года университет стал справляться с этой своей задачей очень плохо, и поэтому союзу приходится взять ее выполнение в свои руки.

Учащаяся молодежь стремилась также воздействовать на власть, при этом всячески подчеркивая свою лояльность и мирный настрой. В 1894 году московские студенты подали молодому императору петицию верноподданнического характера. Союзный совет сформулировал в ней следующие нужды студенчества: 1) университетское самоуправление, 2) свобода преподавания, 3) свободный доступ к высшему образованию всех получивших среднее, без различия национальностей, вероисповедания и пола, 4) уменьшение платы, 5) свобода студенческих организаций²⁶². Исходя из этого, цели Союзного Совета, сформулированные в 1895 году, звучали так: 1) поднятие умственного и нравственного уровня студентов, 2) подготовка своих членов к общественной деятельности, 3) улучшение материального положения учащейся молодежи²⁶³. При этом Союзный Совет отдельно подчеркивал отсутствие какой-либо политической основы своей деятельности, отсутствие каких бы то ни было контактов с политическими партиями²⁶⁴.

Однако, как и петиция, составленная земствами, это обращение не было услышано. Правительство не было способно воспринимать союз землячеств иначе, как нелегальную революционную и потому преступную организацию.

²⁶² ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 63. Л. 11.

²⁶³ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 29. Л. 54.

²⁶⁴ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 29. Л. 54.

Несколько сотен студентов отказались присягнуть Николаю II, за что были исключены из университета и высланы на родину²⁶⁵.

Преподаватели университета не были едины в оценке целей и задач союза землячеств. Либеральные профессора (Виноградов, Герье и др.) скорее сочувствовали студентам и уверяли, что союз землячеств не несет в себе угрозы спокойствию университета, отрицали политическую основу его деятельности и наличие связи с революционерами.

Другая группа профессоров, мнение которых поддерживал и высказывал Н.П. Боголепов, доказывала обратное, указывая на опасность этой организации и ее антигосударственную направленность. Так, высказанное членами союза намерение предотвращать студенческие беспорядки и создавать студентам условия для получения образования Боголепов называет «самовосхвалением», рассчитанным разве что на «наивных легковверных студентов и публику»²⁶⁶. Мало того, Николай Павлович шел в своих рассуждениях еще дальше и отметил, что «смешная претензия» союза землячеств на руководящую роль в организации образования студентов самим студентам никак не могла прийти в голову, что автором этих идей и формулировок явно был кто-то другой, взрослый, действительный руководитель и вдохновитель союза. Согласно его логике, мысль о том, что устав 1884 года сильно понизил уровень преподавания в университете и тем самым поставил под сомнение способность университета выполнять свою функцию, также принадлежала вовсе не студентам. «Я уверен,» - писал Боголепов, - «что это внушено их взрослыми руководителями... Это обычная жалоба многих профессоров, действовавших при уставе 1863 г., и молодых профессоров, которые его уже не застали и, в сущности, не знают. Студенты, конечно, и в глаза не видали этого устава»²⁶⁷.

Сам Боголепов был убежден, что устав 1884 года полностью отвечал

²⁶⁵ Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899-1907. М., 1971. С. 27.

²⁶⁶ Боголепов Н.П. Страница из жизни Московского университета. С. 65.

²⁶⁷ Боголепов Н.П. Страница из жизни Московского университета. С. 66.

задачам университета и нисколько не изменил эти задачи по сравнению с уставом 1863 г. И, конечно, своей цели – подготовки научно-образованных специалистов, - университет по-прежнему достигал в полном объеме.

Несмотря на скептическое отношение к претензиям студентов в целом, Боголепов готов был допустить наличие у них искреннего стремления к получению общего образования и после окончания гимназии. Николай Павлович всегда был готов поддержать даже малейшее желание учиться и с большим вниманием относился к пожеланиям студентов. Так произошло и в этом случае. Закрыв в этот момент глаза на тот факт, что студенты считают университет и его преподавателей неспособными предоставить им должный уровень образования в новых условиях, Боголепов начал рассуждать о том, каким образом было бы возможно помочь учащимся: «Может быть, это стремление к общему научному образованию имеет и серьезную подкладку... Не следует ли предпосылать университету, то есть, специально-научному образованию, еще года два общего научного образования? Трудно только решить, какие предметы выбрать для этого, и где их преподавать. Мне казалось бы возможным в течение двух лет преподавать курсы: физики, химии, всеобщей и русской истории и философии... Где учредить эти курсы? При гимназиях или университетах?...»²⁶⁸ Так серьезно воспринял Боголепов претензии студентов, вероятно, неожиданно для них. Становится очевидно, что Николай Павлович как профессор, безусловно, разделяет в отношении студенчества вопросы политические и научно-учебные. Придерживаясь твердых позиций в первых, он идет навстречу во вторых. При этом в обоих случаях его взгляды, как и конкретные меры, совершенно ясны и открыты.

В отсутствии столь же ясных и четких позиций Боголепов упрекал либеральных профессоров, к воззрениям и поступкам которых относился с явной неприязнью и непониманием. Преподавателей, которые поддерживали притязания студентов, отрицали опасность союза землячеств, Боголепов обвинял, по сути, в подстрекательстве студенческих беспорядков, навязывании

²⁶⁸ Боголепов Н.П. Страница из жизни Московского университета. С. 67.

учащимся своих идей, и все из-за недовольства уставом 1884 года. При этом, по словам Боголепова, точка зрения этих преподавателей до конца не ясна: «Они желают для них (студентов – *Е.К.*) какой-то свободы, а в чем она должна выразиться, они и сказать не могут. Главное побольше протестовать, побольше «прогресса»²⁶⁹.

Изучая воспоминания студентов первой половины 1890-х годов, можно встретить имена либерально настроенных профессоров в контексте собраний студенческих организаций, что косвенно подтверждает подозрения Боголепова о том, что за студенческими требованиями стоят не только сами учащиеся. Так, Е.Б. Ельяшевич вспоминал, что на собрании-вечеринке, организованном Союзным советом, присутствовал профессор Виноградов, который поспешил покинуть его при сообщении о прибытии полиции (тревога, впрочем, оказалась ложной). Упоминает автор и Милюкова, произносившего целую речь, в которой говорил о «сомкнутых рядах» студенчества, о молодом активном поколении, которому удастся то, что не удалось поколению его времени²⁷⁰. Политический подтекст встречи ощущался вполне отчетливо, хотя бы потому, что собрание это, как и сама организация, было нелегально. Поддержка, впрочем, неявная, некоторыми профессорами подобных действий студентов также становится очевидной.

В то время либеральные преподаватели действительно ощущали себя частью оппозиции самодержавному курсу, и их настроение не оставалось незамеченным. В 1899 году министр внутренних дел И.Л. Горемыкин предоставил Н.П. Боголепову, только недавно занявшему должность министра народного просвещения, досье на некоторых профессоров Московского и Петербургского университетов, содержащее данные о проявлениях их оппозиционных взглядов.

Так, в критике действий правительства был замечен, к примеру, профессор физико-математического факультета Московского университета

²⁶⁹ Боголепов Н.П. Страница из жизни Московского университета. С. 29-30.

²⁷⁰ В.Б. Ельяшевич. Из воспоминаний старого московского студента (1892-1896 гг.) // Памяти русского студенчества конца XIX — начала XX вв. Сборник воспоминаний. Париж. 1934. С. 108.

А.А. Остроумов, который, «стремясь к популярности среди слушателей, нередко на лекциях своих произносил иронические намеки на неправильный образ действий университетской администрации и Министерства народного просвещения»²⁷¹.

Отдельно отмечалось участие преподавателей в либеральных изданиях (газета «Право», журналы «Слово», «Новь», «Русская мысль»). Относительно «Русской мысли», где печатался Ключевский, было сделано специальное замечание, характеризующее журнал как «тенденциозный орган печати, поставивший себе целью изменение существующего государственного режима путем резкой критики всех распоряжений правительства»²⁷².

Без внимания не осталось и участие профессуры в земском движении. В этом контексте прозвучало имя В.И. Вернадского (Московский университет), поддерживавшего связи с «основными деятелями либеральной партии тверского земства» и С.Ф. Ольденбурга (Петербургский университет), в 1893 г. причастного «к земскому кружку, который вел легальную борьбу за либеральные реформы», а также в 1895 г. замеченного «в обсуждении земских адресов к Николаю II»²⁷³.

В досье нашло отражение даже участие профессуры в помощи голодающим, хотя в то время частные инициативы в целом поддерживались правительством. Здесь речь шла, в частности, о Вернадском, возглавлявшем группу по оказанию помощи жителям Уфимской и Самарской губерний.

Отдельным пунктом в этом общем досье числилось участие в просветительских кампаниях. Сюда попало, к примеру, издание профессором Петербургского университета Н.И. Кареевым шеститомной «Библиотеки русских социологов», куда вошли произведения Чернышевского, Лаврова, Михайловского и др.

Разумеется, имена профессоров, замеченных в «противозаконных контактах» со студентами, шли в этом досье отдельным немалым списком.

²⁷¹ Цит. по: Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М. 1991. С. 245. (архив)

²⁷² Цит. по: Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М. 1991. С. 246. (архив)

²⁷³ Цит. по: Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М. 1991. С. 246. (архив)

Преподаватели Петербургского университета были упомянуты из-за своего участия в следующих событиях: «выступление на студенческой сходке на тему «Роль народного образования как двигателя прогресса» (приват-доцент Д.Д. Гримм, 1895 г.); защита исключенных из университета студентов, организация студенческого кружка, в котором читались рефераты о политическом устройстве государств Западной Европы, а также получение адресов от студентов, выражавших сочувствие за гонения со стороны университетской администрации (приват-доцент М.И. Свешников, 1893-1898 гг.)... речь о Т.Н. Грановском на вечеринке членов кассы взаимопомощи студентов (Н.И. Кареев, 1896 г.)... участие в студенческих вечеринках, на которых говорилось «о необходимости тесного слияния профессоров со студенчеством в борьбе с настоящим режимом и политического воспитания молодежи» (В.И. Вернадский, 90-е гг. XIX в.)»²⁷⁴.

Преподавателям Московского университета вменялась в вину «организация петиции... о смягчении участи высланных из Москвы студентов»²⁷⁵. Среди петиционеров были А.А. Остроумов, В.И. Герье, В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов, Н.А. Умов, К.А. Тимирязев, И.М. Сеченов и др., всего 42 чел. Министр народного просвещения Делянов посчитал, что подобный поступок преподавателей мог быть расценен студентами, как осуждение университетских порядков со стороны профессуры, что могло вызвать новую волну недовольства, ведь молодежь почувствовала бы поддержку со стороны своих наставников. Поэтому вместо удовлетворения своего прошения, главные инициаторы его (по сведениям министра, это были Эрисман, Чупров, Герье и Остроумов) получили выговор²⁷⁶.

Потворствование любым студенческим требованиям опасно, поскольку это никоим образом не поможет выйти из создавшегося положения. Почувствовав свою силу, заметив, что им идут на уступки, студенты, что вполне естественно, могут начать выставлять новые требования для получения

²⁷⁴ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М. 1991. С. 247.

²⁷⁵ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М. 1991. С. 247.

²⁷⁶ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 29. Лл. 91 об. - 92.

новых свобод и власти над порядком в университете. Этого Боголепов допустить не мог, поэтому его позиция по политическим вопросам была, как уже говорилось, неизменна.

В первой половине 1890-х гг. студенчество еще не перешло к решительным действиям, положение дел в университете было более или менее мирным. Сказывались еще живые надежды на преобразования. Требования студентов были, по большей части, академические.

Воспоминания студентов об этом периоде свидетельствуют о том, что обстановка в Московском университете была вполне спокойная, никакой заметной напряженности не наблюдалось, а сами студенты в массе своей не слишком интересовались политическими вопросами и в целом довольно равнодушно относились к различным мероприятиям, организуемым союзом землячеств. Характерный пример приводится в одной из статей сборника, посвященного русскому студенчеству конца XIX века: «Изредка в актовом зале, где читались лекции многолюднейшему первому курсу юристов (нас было свыше 600 человек), гуляла, переходя из рук в руки, таинственная фуражка с запискою, приглашавшею класть в эту фуражку деньги на ту или иную цель более или менее революционного характера. При этом огромное большинство студентов не только ничего не клало в фуражку, но даже не трудилось прочитывать записку»²⁷⁷.

Даже инспектор, назначенный вместо Брызгалова, не вызывал недовольства и раздражения, несмотря на специфику своей должности: «Добров был очень популярен среди студентов. Он отнюдь не популярничал и не делал особенных поблажек, т. е. не вступал в сделки со служебной совестью...»²⁷⁸

Означало ли это, что революционная угроза, с которой боролись

²⁷⁷ А. Салтыков. Московский университет в 1890-1895 годах. // Памяти русского студенчества конца XIX — начала XX вв. Сборник воспоминаний. Париж. 1934. С. 97.

²⁷⁸ А. Салтыков. Московский университет в 1890-1895 годах. // Памяти русского студенчества конца XIX — начала XX вв. Сборник воспоминаний. Париж. 1934. С. 97.

университетское начальство и правительство, была преувеличена, и союз землячеств вовсе не имел такого большого влияния на студенчество? Или это влияние не касалось политических вопросов, а действительно ограничивалось учебной сферой? Так или иначе, администрация не собиралась идти навстречу студенческим организациям и вообще выстраивать с ними диалог.

В условиях полного отсутствия этого диалога и распространения среди студентов марксистских идей настрой и деятельность Союзного совета как руководящего органа студенческого движения претерпевали существенные изменения. К 1897 году целью Союзного совета «открыто провозглашается “подготовка борцов к политической деятельности”... Совет не только уже не противодействовал возникновению волнений среди университетской молодежи, а, напротив, старался изыскивать удобные к тому случаи»²⁷⁹. Иллюзии на возможность осуществления желаемых преобразований как в области народного просвещения, так и в прочих сферах жизни общества, исчезали, и на смену им приходило понимание того, что только активными и решительными действиями можно добиться своих целей.

В 1896 году состоялась так называемая «Ходынская история»²⁸⁰. В полугодовщину трагедии на Ходынском поле студенты решили организовать шествие на Ваганьково и отслужить панихиду. Однако им не удалось осуществить задуманное, поскольку об их планах стало известно полиции, которая и остановила толпу из 400 человек недалеко от заставы. Тем не менее, студенты не стали расходиться, признав свое поражение, а направились к университету. В своих записках супруга Н.П. Боголепова приводит такое объяснение этому решению демонстрантов: «Для чего — толпа, конечно, не знала, но вожаки знали; так делалось всегда, чтобы усилить скандал среди города и вызвать из аудиторий тех студентов, которые иначе остались бы безучастными»²⁸¹. Как и ее муж (в это время он занимал должность попечителя Московского учебного округа), она видела главную угрозу порядку и

²⁷⁹ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 63. Л. 12.

²⁸⁰ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 63. Л. 12.

²⁸¹ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 122.

спокойствию в тех самых лидерах, «вожаках», организаторах подобных мероприятий, которые стремились вести за собой студенчество.

По свидетельству Екатерины Александровны Боголеповой, большую часть демонстрантов отпустили после переписи, но особенно активные были задержаны. После этого Союзный совет потребовал отпустить задержанных студентов, а также повторил ставшее уже традиционным требование отмены устава 1884 года, уничтожившего университетское самоуправление и студенческие свободы. Если до этого момента студенты были спокойны, то на следующий же день после неудавшейся панихиды начались сходки. В знак солидарности с задержанными полицией товарищами студенты требовали, чтобы их также арестовали, поскольку они придерживаются точно таких же взглядов: «Первый день многие пришли с узелочками, - видимо, заранее подготовившись к аресту; некоторые захватили с собой водки и тут же напились пьяными. Видимо было, что эти участники сходок получили приказ идти и требовать, чтобы выпустили их товарищей, или чтобы их арестовали, потому что они солидарны»²⁸². Аресты продолжались, и здесь автор воспоминаний снова указывает на несамостоятельность студентов в принятии решений, на наличие некоей организации (имелся в виду, конечно, Союзный совет), которая толкает молодежь на подобные поступки, намеренно создавая и усиливая напряженность и разжигая конфликт. В результате многочисленных сходок было арестовано около 700 человек²⁸³. Л.Н. Толстой в письме к М.А. Шмидт от 21 ноября писал о студентах, служивших панихиду в память о жертвах Ходынки и собиравшихся на сходки, «и которых забрали в Манеж, а потом в тюрьмы. Вчера взяли и Колю Оболенского, который пошел с тем, чтобы его взяли. Нынче утром верно узнали, что он вместе с 600 человек студентов в Бутырской тюрьме. Говорят, что еще 500 человек в разных других местах»²⁸⁴.

Чтобы прервать эту бесконечную цепь беспорядков и арестов, и в итоге

²⁸² Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 123.

²⁸³ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 63. Л. 12 об.

²⁸⁴ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 69. Письма 1896 г. С. 55.
<http://www.litmir.co/br/?b=228525&p=55>

было решено просить министра народного просвещения разрешить исключение и высылку на родину тех, кто будет участвовать в сходках. Вскоре такое разрешение было получено, и в университете развесили соответствующие объявления²⁸⁵. Екатерина Александровна вспоминала, что после этого сходки прекратились²⁸⁶.

Тогда Правлением Университета было решено разделить провинившихся студентов на три категории и подвергнуть их следующим наказаниям. 26 человек, «участвовавших в недавних сбирках при отягчающих вину обстоятельствах или ранее замеченных в университете в проступках и нарушениях правил, уволить из университета с правом поступления в другие университеты с начала будущего академического года»²⁸⁷. Вторая категория (175 человек) первоначально должна была понести то же наказание, а внесенные в третью группу (461 человек) должны были быть исключены из университета «с правом обратного поступления с начала будущего учебного года»²⁸⁸. Однако, объяснив проступки большинства студентов тем, что они действовали не по собственной инициативе, а попали под влияние и давление «лиц, преследующих цели, несовместимые с правильным течением университетской жизни», Правление ходатайствовало перед Министерством о смягчении наказания студентам второй и третьей категорий, «а именно: подвергнуть этих студентов дисциплинарным взысканиям соответственно степени их вины, по определению Правления... и с предупреждением, что означенные студенты в случае нового участия в сходках и недозволенных сообществах будут исключены из университета без всякого смягчения их участи»²⁸⁹.

В 1897 году, уже в Петербурге, произошла еще одна студенческая история, имевшая серьезные последствия. Она наглядно продемонстрировала растущую решительность в действиях студенческих землячеств, их

²⁸⁵ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 29. Л.204.

²⁸⁶ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 123.

²⁸⁷ ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.; ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 227. Д. 33. Л. 14-25, 29.

²⁸⁸ ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.; ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 227. Д. 33. Л. 29.

²⁸⁹ ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.

постепенный переход к революционным методам воздействия на власть.

Так называемая «ветровская демонстрация» началась с гибели курсистки Бестужевских высших женских курсов М.Ф. Ветровой в камере Петропавловской крепости. Студентка подожгла себя, не выдержав грубого обращения с собой прокурора и его сотрудников. Эта трагическая новость вызвала целую бурю сходок и демонстраций в аудиториях Петербургского университета, занятия прекратились²⁹⁰. Свой протест студенты решили выразить в форме публичной панихиды по Ветровой. Листовки и прокламации, изданные накануне планируемого мероприятия, разъясняли его политический смысл и призывали сознательных граждан присоединиться к панихиде. Демонстранты собрались у Казанского собора, однако священник отказался служить панихиду. Тогда студенты сами пропели «Вечную память», после чего с паперти собора были произнесены речи в память Ветровой. Затем толпа двинулась по Невскому проспекту. Отряда жандармов и казаков остановили студентов, фактически загнав их во дворы, и переписали около 1200 человек. Комитет министров принял решение заключить всех переписанных участников демонстрации на три дня в тюрьму. Также министр народного просвещения приказал лишить стипендии студентов, принимавших участие в этом шествии²⁹¹.

С целью предупреждения подобных беспорядков в будущем, ректорам было предложено объявить, что впредь участников сходок и демонстраций будут исключать из университета и высылать на родину.

Из всего вышесказанного видно, что в середине 1890-х годов студенческое движение было весьма активным. Довольно жесткие ответные меры были приняты правительством для подавления беспорядков: исключения, аресты демонстрантов, тех, кого считали лидерами движения. Это привело к тому, что студенческое движение было практически лишено руководства. Наступило некоторое затишье.

Реакция профессуры на происходившие события была неоднозначной:

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 63. Л. 13.

²⁹¹ Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899-1907, М., 1971. С. 28-30.

часть преподавателей полностью поддерживала действия власти и осуждала любые проявления внеучебной активности молодежи. Другая группа профессоров, поддерживая идеи либеральных преобразований в стране в целом и в университете в частности, оказывала бунтующим студентам негласную помощь. На этой почве в преподавательской среде никак не могла возникнуть та атмосфера, которая помогла бы вернуть студентов к учебе и науке, отвлечь их от политики. В условиях непрекращающейся борьбы сил спокойствие и порядок не могли воцариться в университете.

У каждого преподавателя, равнодушного к судьбе студента, была своя правда: и у Боголепова, боровшегося с беспорядками и искренне стремившегося помогать студентам в учебе, и у Виноградова, видевшего негативное воздействие устава 1884 года на университетскую жизнь. Однако понимание ответственности за будущее страны не становилось тем общим знаменателем, под который они могли бы подвести некий единый комплекс мер и программу действий в отношении студенчества во имя достижения мира и порядка в университете.

Одним из тех преподавателей, кто не поддерживал политизацию студенчества, был Сергей Николаевич Трубецкой. Вся его жизнь была в буквальном смысле посвящена университету, за который в это непростое время у него болела душа, так близко к сердцу он принимал все, что с ним происходило. Стремясь защитить университет от демонстративных действий молодежи, с одной стороны, он столь же горячо выступал против устава 1884 года, «который, по его мнению, лишив университеты самостоятельности, тем самым способствовал разжиганию политических страстей в высших учебных заведениях»²⁹². Этот замкнутый круг, который не замечало правительство, Трубецкой пытался разорвать, увлекая студентов учебной и научной деятельностью.

²⁹² Семерикова Е.Э. С.Н. Трубецкой и университетский вопрос. – Саратов, 2004. С. 19.

В 1894 году Сергей Николаевич читал в Московском университете курс философии Отцов Церкви, вел семинар по Аристотелю. Кроме того, под эгидой практических занятий по философии истории, он создал студенческий кружок, который впоследствии вырос в Историко-филологическое студенческое общество. Тогда кружок этот был немногочисленным, но занятия представляли большой интерес для присутствующих. Там обсуждались темы, находившиеся вне рамок чисто факультетских требований, поэтому тем, кто хотел лишь формально сдать экзамены по соответствующим дисциплинам, делать на этих встречах было нечего. Зато заинтересованные студенты увлеченно занимались самообразованием, а свободное живое общение студентов и преподавателей создавало ту самую атмосферу, которой так не хватало университету в целом. Председательствовали на этих встречах С.Н. Трубецкой и П.Г. Виноградов. Одно время с ними был и П.Н. Милюков. Собрания проходили тайно, по вечерам, а новых членов принимали в кружок только «по знакомству» (из вполне понятных мер предосторожности). В то время, когда студенты считались «отдельными посетителями» университета, существование подобных «обществ» воспринималось как попустительство начальства, проявление его великодушия и снисходительности²⁹³.

А.И. Анисимов вспоминал, что атмосфера на заседаниях этого кружка была непринужденная, живая, свободная. Самого Сергея Николаевича даже «трудно было сразу отличить от общей массы участвовавших в собрании студентов и оставленных при университете: так просто держал он себя и непосредственно сближался с остальными... он... был самым молодым из

²⁹³ А.И. Анисимов вспоминает: «Помню, в конце ноября 1898 года студенты-депутаты от историко-филологического факультета, подносившие адрес проф. Герье по поводу 40-летия его научно-общественной деятельности, были приглашены на обед в колонный зал Эрмитажа. Смущенные, не зная куда себя девать, мы бродили кучкой с места на место и не скоро освоились среди окружавших нас профессоров. После обеда к нам подошел К.А. Тимирязев. «Сегодняшний день очень и очень знаменателен», - сказал он. Мы спросили: почему? Чем? - «А тем, - отвечал профессор, - что сегодня в первый раз после введения устава 84 года студенты сидели с профессорами за одним столом. Главное, есть теперь прецедент. Если, в случае чего, это когда-нибудь повторится и вздумают спросить: «на каких основаниях?» - скажем: «да ведь так было еще на юбилее Герье!» Как раз всего через какую-нибудь неделю после этого разговора мне пришлось снова очутиться за одним столом с профессором, и именно с С.Н. Трубецким, в вышеупомянутом маленьком факультетском кружке». (Анисимов А.И. Князь С.Н. Трубецкой и московское студенчество \\ Вопросы философии и психологии. 1906. кн. 1. С. 148-149.)

окружавших его юношей»²⁹⁴. Его воодушевление, жизненная энергия передавалась всем присутствующим. Однако вскоре собрания кружка прекратились по причине студенческих волнений, которые происходили все чаще.

К сожалению, этот кружок можно было бы назвать всего лишь островом подлинной университетской жизни, в то время как сам университет бурлил и волновался. Такое положение дел создавало унылое настроение, которое только усилилось после восшествия на престол Николая II и его знаменитой речи о «бессмысленных мечтаниях» о либеральных преобразованиях. Под впечатлением от этой речи Трубецкой писал брату Евгению: «Очень скверное время! Главное, как-то сознаешь осязательно, что если б был поворот к лучшему - это была бы случайность. Пакость и глупость в порядке вещей... В Москве гуляет инфлуэнца... и самодержавие»²⁹⁵.

Студенческие беспорядки, раз от разу все более масштабные и организованные, действительно напоминали угрожающие симптомы серьезной болезни, которой было поражено государство. Соединяясь с кризисом 1891-1892 гг., они вырастали в единую картину недуга.

Вспоминая полемику 1870-1880-х гг., Трубецкой признает, что опасения либералов были не напрасны. Налицо упадок дисциплины, постоянное недовольство и конфликты, столкновения, которыми наполнилась университетская жизнь. Университет, который должен распространять образование и просвещение, воспитывать будущее страны, превратился, по выражению Трубецкого, в «больного человека», который может поддерживать непрочный порядок в своих владениях лишь путем чисто внешних репрессий»²⁹⁶. Реакция со стороны молодежи не заставила себя ждать. Склонная к радикальности в мыслях и поступках, она сформировала «нечто вроде младо-турецкой партии в лице централизованной студенческой организации», которые создали как бы свой собственный университет –

²⁹⁴ Анисимов А.И. Князь С.Н. Трубецкой и московское студенчество // Вопросы философии и психологии. 1906. кн. 1. С. 149.

²⁹⁵ Письмо С. Н. брату Евгению, февраль 1895 г. // Князь Трубецкой. Воспоминания сестры.

²⁹⁶ Собрание сочинений кн. С.Н. Трубецкого. Т. 1. – М., 1907. С. 262.

«вольный и бесшабашный и по-своему довольно прочно организованный на совершенно анти-академических началах»²⁹⁷. Здесь речь идет о союзе землячеств, который, как говорилось выше, взял на себя не только руководство студенческим движением, но и многие вопросы организации студенческой жизни, даже образования. Это действительно напоминало университет в университете.

Трубецкой обращал внимание и на опасность разобщения профессорской корпорации, к которой стремились разработчики устава 1884 года. Печальные последствия этого процесса также уже упоминались в данной работе. В самом деле, уничтожая профессорскую корпорацию, правительство добивалось эффекта, прямо противоположного желаемому, ведь «ответственность за порядок в университете не может лежать на корпорации, которой не существует...»²⁹⁸. В данной ситуации ни о какой коллективной ответственности преподавателей за происходящее в университете не может быть и речи, ведь каждый из них является отдельной единицей.

Студенты как «отдельные посетители университета» также были лишены объединяющего – академического – начала. Поэтому на смену ему пришло объединение по вопросам политики. А Трубецкой ждал и требовал от них ответственного поведения, полного понимания своей главной задачи: «Студент – уже не ребенок, и должен сознавать, честно или нечестно он поступает. Он не должен мириться с мыслью, что можно существовать даром за счет казны или общественной благотворительности и видеть в университете богадельню со стипендиями для здоровых юношей или клуб для государственных младенцев – увеселительный клуб для одних, и политический – для других. Такое отношение к делу глубоко безнравственно»²⁹⁹. Трагедия этого порядка заключалась в том, что условия, в которых укреплялось «безнравственное» отношение студентов к учебе и безответственность преподавателей, были созданы самим правительством, которое теперь вело настоящую борьбу с

²⁹⁷ Собрание сочинений кн. С.Н. Трубецкого. Т. 1. – М., 1907. С. 263.

²⁹⁸ Собрание сочинений кн. С.Н. Трубецкого. Т. 1. – М., 1907. С. 10.

²⁹⁹ Собрание сочинений кн. С.Н. Трубецкого. Т. 1. – М., 1907. С. 3-4.

результатами собственной политики. Не осознавая своей роли в случившемся, власть пыталась репрессивными мерами подавить последствия, не обращая внимания на их причины.

С.Н. Трубецкой полагал, что правительству необходимо принципиально изменить тактику и осуществить необходимые преобразования, которые могли бы способствовать освобождению университета от этого тяжелого недуга. Для этого, по убеждению Трубецкого, нужен был целый комплекс оздоровительных мероприятий: 1) правильная постановка среднего и высшего профессионального образования, при котором университет перестал бы привлекать к себе массу студенчества, равнодушного к его общеобразовательным целям, 2) корпоративная организация и автономия профессорской коллегии, 3) академическая организация студенчества³⁰⁰.

Сам Сергей Николаевич не мог оставаться в стороне, в роли равнодушного наблюдателя. Свою недолгую жизнь он посвятил восстановлению живой атмосферы научного поиска в университете.

К концу XIX века активное студенчество и правительство подходили с массой поводов для недовольства друг другом, с нежеланием пойти на малейшие уступки и найти компромисс, а значит, с отсутствием хоть каких-нибудь условий для выхода из кризиса. Накопительный эффект действовал в полном объеме, «снежный ком» становился все больше и больше, и ситуация в университете, да и в обществе становилась все более напряженной.

В 1898 году император назначает нового министра народного просвещения. После смерти И.Д. Делянова этот пост после долгих колебаний и мучительных сомнений занял Н.П. Боголепов. Николай Павлович согласился на эту должность, полностью понимая всю глубину ответственности, которую ему пришлось принять на себя вместе с министерским портфелем. Новый министр не производил впечатления человека, уверенного в скором успехе. Он просто

³⁰⁰ Собрание сочинений кн. С.Н. Трубецкого. Т. 1. – М., 1907. С. 15.

принял решение сделать все, что в его силах, для нормализации ситуации. Напутствие Николая II также не добавило новому министру надежды: «Не ожидайте видеть скорых плодов своей деятельности. Наша жизнь так ничтожна и так коротка в сравнении с жизнью целого государства, что каждый государственный деятель в свою короткую жизнь может сделать весьма мало. Тем не менее, надо прилагать все свои силы на общую пользу»³⁰¹. В этом Николай Павлович и видел свою главную цель, на пути к которой принимал меры с присущими ему ответственностью, основательностью и твердостью.

Как уже говорилось выше, Боголепов был склонен в целом поддерживать правительственный курс, за что и был нелюбим многими коллегами. На новом высоком посту он не собирался отказываться от своих взглядов и во вступительной речи к чиновникам министерства народного просвещения обозначил свою позицию ясно и четко: «Не имею намерения производить ломку. Такова воля Его Величества, и я не рискнул бы принять настоящую должность, если бы не держался того же взгляда. Но вместе с тем сама жизнь предъявляет новые требования от школ всех типов и степеней. И так будем работать над усовершенствованием существующего и осмотрительно вводить новое»³⁰². Из этих слов министра становится понятно, что, несмотря на общее согласие с политикой самодержавия в отношении народного образования, слепо следовать по проторенной дорожке Боголепов вовсе не собирался. Признавая необходимость преобразований на словах, он был готов предпринимать конкретные шаги для изменения ситуации к лучшему. Методы либералов Боголепов считал как неэффективными, так и просто опасными для спокойствия страны. Поэтому он отдавал предпочтение постепенному реформированию порядков без резких перемен и переломов существующего положения дел. Только таким образом, по его глубокому убеждению, было возможно произвести действительно нужные, прочные, жизнеспособные преобразования, которые оказали бы наиболее благоприятное воздействие на

³⁰¹ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 165.

³⁰² Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. – М., 1912. С. 166.

дальнейшее развитие государства в целом, и на течение университетской жизни в частности.

Осмотрительность, основательность, неспешность были присущи характеру Боголепова. Однако в глазах либералов и уж тем более активных и нетерпеливых студентов эти качества министра выглядели примерно так: полная поддержка самодержавной политики, нежелание производить необходимые реформы, банальная медлительность. Чуть ли не единственное качество, которое по достоинству оценивали даже недруги Николая Павловича, - это глубокая порядочность и исключительная честность. Так, С.Ю. Витте, несмотря на постоянный конфликт с Н.П. Боголеповым, писал о нем, что министр «был весьма порядочный, корректный и честный человек, но он держался крайне реакционных взглядов»³⁰³.

По отношению к студентам позиция Боголепова всегда была непоколебимой и однозначной: главное дело студенчества — учеба, в университете не место политике. Здесь Николай Павлович требовал от студентов серьезного подхода к учебе: был строг и в то же время поддерживал любое проявление желания учиться (пример такой поддержки в условиях студенческих беспорядков был рассмотрен выше)³⁰⁴. Повторим, что отношение министра к студенческим организациям было твердо: Боголепов выступал однозначно против любых проявлений политической деятельности студентов, чем и заслужил репутацию реакционного министра, не сочувствующего нуждам и желаниям учащейся молодежи.

Однако Николай Павлович работал в полном соответствии с установкой, озвученной в речи к чиновникам министерства, в том числе и в части

³⁰³ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. – М., Петроград, 1923. С. 163.

³⁰⁴ А вот иллюстрация совершенно законной и логичной требовательности профессора Боголепова по отношению к студентам: «во время экзаменов, когда Боголепов становился «анекдотически требователен». Один из его учеников вспоминал следующий эпизод. Студент-первокурсник, не посещавший лекции и потому не знавший, что у профессора исключительная память на лица, начал отвечать билет, выученный по литографическим записям. Тогда Боголепов задал ему несколько вопросов, ответить на которые можно было, только слушая лекции. Видя, что студент испытывает серьезные затруднения, он в этот момент встал, протянул незадачливому студенту руку и вежливо произнес: «Приятно познакомиться, Боголепов!», и поставил соответствующую оценку». (Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX — начале XX века. Социокультурный аспект. М., Новый хронограф. 2008. С. 113-114).

необходимости реформ в сфере образования. Прежде всего, он полагал правильным внести некоторые перемены в организации начального и среднего образования как первых ступеней системы народного просвещения. Для определения направлений работы в этой области были созваны особые педагогические совещания, по итогам которых 8 июля 1899 года был выпущен циркуляр о недостатках средней школы. В частности, министр обращал внимание на следующие моменты: отчужденность от семьи и бюрократический характер средней школы, невнимание к личным особенностям учащихся, нежелательная специализация с самых ранних классов и лишение школы жизненного и национального характера³⁰⁵.

Появилась идея основания новой гимназии, которая стала бы первым опытом устранения имевшихся недостатков. Крупную финансовую поддержку в осуществлении этого проекта оказал душеприказчик покойной благотворительницы А.К. Медовниковой Н.А. Цветков. Министр Н.П. Боголепов и московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович поддержали эту инициативу, и 8 июня 1901 года была учреждена Правительственная московская мужская гимназия им. И. и А. Медовниковых.

В том же июне 1899 года было созвано совещание попечителей учебных округов и начальников высших учебных заведений для обсуждения вопроса о способах установления порядка в высшей школе. По результатам обсуждения был принят ряд решений, направленных на привлечение молодежи к учебной и научной работе. Это были меры для развития практических занятий по всем факультетам, научных и литературных собеседований и музыкальных кружков. Другой комплекс мер имел целью лучшую организацию жизни студентов. Например, в сферу ответственности инспекции должен был входить не только внешний надзор за порядком, но и «благожелательное попечение о разных нуждах учащихся»³⁰⁶. Кроме того, министерство проявило заботу об условиях

³⁰⁵ Некрасов П.А. Николай Павлович Боголепов. – М., 1901. С. 6-9.

³⁰⁶ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802-1902. – СПб, 1902. С. 707.

жизни студентов, выделив средства (3 млн 262 тыс. рублей) на учреждение общежитий.

На основании всего вышесказанного вряд ли можно сделать вывод о том, что министр Боголепов в самом деле был равнодушным к нуждам учащихся, как представлялось многим его коллегам и самим студентам. Он действительно резко негативно относился к политической и прочей нелегальной деятельности студенчества, к беспорядкам и волнениями, сотрясавшим университет. Поскольку в тех условиях в центре интересов студенчества была вовсе не учеба, немногие могли оценить по достоинству то, что делал для них министр и такие преподаватели, как С.Н. Трубецкой.

Любопытно, что в сфере высшего образования взгляды Боголепова и его коллег в некоторых случаях совпадали. Речь идет об организации практических занятий профессоров со студентами, которые фактически упразднились по уставу 1884 года, сводя общение учащихся со своими преподавателями только к чтению лекций. Интерес студентов к большинству лекций был невелик, посещаемость уменьшалась. В итоге студенты стремились не столько овладеть материалом и навыками научной работы, сколько просто сдать экзамены. Последствия этого, сколь забавные, столь и печальные, были иллюстрированы выше.

Николай Павлович поддерживал организацию практических занятий со студентами, считая их безусловно крайне полезными для формирования и развития у них умения «исследовать научные данные, создавать новые точки зрения и новые приемы для разработки изучаемого материала»³⁰⁷. Профессор должен «внушать студентам смелость и решимость ставить новые задачи, искать новых приемов. Без этого университет будет выпускать резонеров-ремесленников»³⁰⁸. Таким образом, на занятиях будет происходить обмен мыслей между учителем и учеником, и пользу этого обмена, этой подлинно учебно-научной работы нельзя переоценить.

³⁰⁷ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 131.

³⁰⁸ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 131.

В полном согласии с намерениями Боголепова развивать систему высшего образования находились и такие мероприятия его министерства, как открытия новых факультетов (в Одесском университете был создан медицинский факультет, в Томском университете – юридический) и институтов (в Томске был открыт технический институт, а во Владивостоке в институт восточных языков была преобразована гимназия).

Понимая всю опасность ситуации, при которой университет стал ареной политической борьбы, Николай Павлович пытался принимать меры для умиротворения студентов, старался сглаживать острые углы, избегать раздувания конфликтов. В частности, был издан циркуляр, регламентирующий порядок разрешения конфликтов в университете следующим образом: при добрых отношениях студентов и преподавателей все вопросы должны были решаться только непосредственными объяснениями профессора с аудиторией или учебного начальства с отдельным курсом, без привлечения внешних ведомств. На совещании была высказана и куда более неожиданная идея - узаконить курсовые сходы. По понятным причинам, это предложение не было принято: было решено, что наладить контроль над этими сходами, чтобы удержать их в законных рамках, будет невозможно. Однако сам факт появления подобной идеи, безусловно, показателен.

Все принятые министром Боголеповым шаги для умиротворения студенчества полностью соответствовали его взглядам и установкам. Но ожидаемого результата принести уже не могли. Кризис в университете дошел до такой степени глубины, что выйти из него с помощью мягких, постепенных реформ уже не представлялось возможным. У студентов не было ни терпения, ни желания дожидаться эффекта этих преобразований. Подобные меры уже не соответствовали их планам, как и стремлениям либерально настроенной части общества, отчаявшейся найти в правительстве сочувствие своим потребностям и отклик на требования наступающей эпохи, искреннее желание и готовность решительно осуществлять реформы с целью «оздоровления» общественно-политической и экономической ситуации в государстве.

Итак, ни одна из сил, боровшихся за будущее страны, не желала идти на уступки. Напряжение росло, и атмосфера, царившая в университете, отражала общественно-политическое положение дел в целом. Студенческие беспорядки были неотъемлемой частью университетской жизни.

Нередко поводом для масштабных студенческих акций становились университетские праздники, например, годовщины основания университетов. Так, 8 февраля то и дело проходили демонстрации петербургских студентов. Эти шествия зачастую заканчивались столкновениями с полицией, которые, однако, не умеряли пыл бунтующей молодежи. 8 февраля 1895 года «помимо следования с песнями и столкновения с полицией и публикою в некоторых ресторанах и увеселительных заведениях, толпа студентов учинила буйство близ ресторана Палкина на углу Невского и Владимирского пр., окончившееся уличной дракою с приглашенными местным приставом для усмирения их дворниками»³⁰⁹. В 1898 году «толпа около 700 человек двинулась к Дворцовому мосту, смяла встреченный полицейский наряд и затем сильно уменьшившаяся, но все еще в количестве около 300 человек, пошла, несмотря на воспрещение полиции, с пением по Невскому пр., оказав непослушание встретившему ее близ Полицейского моста градоначальнику. После столкновения с остановившим ее близ Екатерининской улицы полицейским отрядом, толпа разбилась па мелкие группы и разошлась»³¹⁰.

В 1899 году рядовыми столкновениями с полицией дело не ограничилось. Приближался 80-летний юбилей Санкт-Петербургского университета. 4 февраля было вывешено объявление за подписью ректора В.И. Сергеевича, в котором студентов предупреждали об ответственности за нарушение общественного порядка. Однако тон объявления показался студентам оскорбительным, и на сходке 6 февраля они решили устроить ректору обструкцию во время торжественного заседания, что и было осуществлено.

³⁰⁹ Доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков 1899 года. – СПб, 1906. С. 4.; ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 29. Л. 96.

³¹⁰ Доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков 1899 года. – СПб, 1906. С. 5.

После заседания студенты стали расходиться. Полиция, стремясь не допустить многолюдного шествия по Невскому проспекту, перекрыла путь, и в результате образовалась толпа студентов, продвигавшаяся в сторону Николаевского моста. Писатель и издатель В.Г. Чертков описывает дальнейший ход событий так: «едва толпа прошла сотню саженей в принятом направлении, как от отряда стражников отделился офицер с одним всадником и поскакал вдогонку. Студенты подумали, что он скачет, чтобы устроить новую преграду впереди. Тогда терпение «экзальтированной молодежи» истощилось и в приближающихся всадников полетели снежки. Поручик вернулся обратно, стал во главе своей стражи и скомандовал атаку... ряд «нетактичностей» этого дня завершился форменной атакой на искусственно, мерами же полиции собранную толпу, причем были пущены в ход нагайки»³¹¹. Наиболее активные студенты были арестованы. Эти события вызвали всплеск протестных настроений. Началась первая студенческая забастовка, вскоре распространившаяся и на другие университеты: Московский, Киевский, Харьковский, Одесский, Юрьевский и т. д.

Общество живо откликнулось на происходящее, особенное возмущение вызвало применение нагаек по отношению к студентам. Даже в правительстве, по свидетельству Е. Боголеповой, многие считали, что убеждение и увещевание молодежи есть лучший метод воздействия на ее сознание. Николай Павлович же придерживался иного мнения, полагая, что меры по борьбе с беспорядками должны быть справедливыми, но решительными.

Даже полиция не решалась вмешиваться далее в эту ситуацию, и Боголепов специально ездил к министру внутренних дел Горемыкину, чтобы призвать его ведомство на помощь. Министр народного просвещения полагал, что поиск зачинщиков беспорядков — дело полиции, а Горемыкин «сперва хорохорился и запальчиво кричал, что зачинщиков должно знать университетское начальство, а дело полиции только их арестовать»³¹². Однако,

³¹¹ Чертков В.Г. Студенческое движение 1899 года. - England: A. Tchertkoff, 1900. С. 13-14.

³¹² Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 231-232.

в полном соответствии со своими представлениями о студенческих организациях как тайных политических кружках в университете, Николай Павлович доказывал, что это как раз задача полиции, имеющей дело с разного рода тайными обществами и заговорами, в то время как руководство университета подобного опыта не имеет. Кроме того, Боголепов акцентировал внимание на том, что необходимо искать настоящих лидеров движения, избегая лишних невинных жертв среди молодежи, за спинами которых те зачастую прячутся. В конце концов, Горемыкин согласился с выдвинутыми аргументами.

В своих воспоминаниях Витте приводит описание встречи, которая, по-видимому, произошла уже после вышеупомянутого разговора двух министров. Эта встреча была посвящена обсуждению февральских событий, на ней присутствовали сам Витте, Боголепов, Горемыкин и «еще несколько лиц»³¹³. Говорили, в частности, о правомерности действий полиции. Мнения разделились: Боголепов и Горемыкин одобряли их, а Витте был против. Он настаивал на проведении специального расследования для выявления причин случившегося, определения виновных, правильной оценки действий полиции. Император согласился с доводами Сергея Юльевича, и расследование этого дела было поручено генералу П.С. Ванновскому. «Нужно сказать, что Ванновский, делая свою карьеру, очень долгое время был начальником одного из Петербургских кадетских корпусов, потому привык иметь дело с юношеством, понимал и знал психологию молодых людей, о чем так часто забывают взрослые люди, которым приходится решать участь молодежи»³¹⁴.

По окончании расследования Ванновский представил доклад, в котором по итогам проделанной работы указывалось на вину полиции. После этого были приняты определенные меры, правда, в отношении второстепенных чинов. Однако в своих воспоминаниях Витте подчеркнул, что, по его мнению, «надлежало бы тогда выразить неодобрение не второстепенным чинам полиции, а начальству: градоначальнику и даже министру внутренних дел Горемыкину, который в том заседании комиссии... защищал полицию и

³¹³ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. М., Петроград, 1923. С. 134.

³¹⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. М., Петроград, 1923. С. 135.

находил, что полиция безусловно так именно и должна всегда действовать»³¹⁵.

Помимо выводов относительно оценки действий полиции, Ванновский подготовил результаты расследования причин студенческих беспорядков. В своем докладе он указал на две основные причины: «прежде всего — на недостаток единения студентов с университетским начальством и с профессорами и на плохую организацию инспекции»³¹⁶. Формулировка первой причины особенно любопытна в связи с тем, что она представляет собой по сути не только прямое следствие действия устава 1884 года, но и одну из его задач. В ряду частных изменений, могущих исправить положение, Ванновский называет следующие: «отмена Высоч. утв. Мин. Нар. Прос. правил и соответствующее изменение 523 ст. XI т. ч. I, в силу которых студенты считаются лишь отдельными посетителями Университета», в связи с чем «необходимо установление более прочной связи между студентами и их учебным начальством и подчинение их прежде всего последнему и затем уже полиции на общем основании»; «введение с должной осторожностью постепенно и в пределах возможности начала кооперативного устройства студентов», поскольку определенная — тайная - корпоративность в студенческой среде все равно существует, однако вовсе не на академической почве³¹⁷. Здесь звучит открытый призыв к отмене одного из ключевых положений устава во имя спасения ситуации. Безусловно, показателен тот факт, что содержится он не в речи оппозиционно настроенного преподавателя, а в официальном докладе императору.

Впрочем, в этом докладе можно встретить и более смелые формулировки, прямые указания на необходимость изменения университетского устава: «немедленный пересмотр уставов высших и средних учебных заведений, а в связи с этим и условий жизни учащейся молодежи представляется главнейшим средством к устранению возможности возникновения беспорядков на будущее

³¹⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. М, Петроград, 1923. С. 135.

³¹⁶ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 251.

³¹⁷ Доклад Ванновского.

время»³¹⁸.

В докладе представлен длинный перечень глубинных причин сложившегося плачевного положения дел в университете. Итак, в итоге официального расследования было выявлено, что причины эти состоят в «полной беспризорности учащейся молодежи, в предоставлении ее самой себе, в отсутствии за ней надзора... в крайней разобщенности студентов как между собою, так и с профессорами и инспекцией; в переполнении университета слушателями превышающем даже вместимость самого заведения; в недостаточной осмотрительности при выборе профессоров и преподавателей, в число коих, в особенности среди молодых пр.-доц. попадают люди лжелиберального направления; ...в гонорарной системе вознаграждения профессоров и приват-доцентов, вызывающей между ними нежелательную конкуренцию; ... в недостаточной обеспеченности студенчества, добывающего средства к жизни уроками и даже занятиями в частных и правительственных учреждениях в ущерб учебному времени и наконец в недостатках Университетского устава 1884 года и в ненадлежащей постановке школьного дела в средних учебных заведениях»³¹⁹. Становится очевидно, что названные причины также являются следствием введения устава 1884 года и практического исполнения его положений (в части организации надзора за студентами), о чем в заключение сказано прямо. Ясно, что возникшие проблемы произошли не от какого-то случайного недостатка этого закона, который легко исправить, не повредив основного целого. Судя по представленному императору — официальному — докладу, общей причиной кризиса университетской жизни стал сам этот устав.

Разрешая спор о степени влияния революционеров на действия студентов, Ванновский «отрицал подстрекательство революционных кружков, уверенно утверждая, что наряду с указанными причинами возникновению беспорядков в данный момент способствовали насилия и оскорбления полиции вместе с

³¹⁸ Доклад Ванновского.

³¹⁹ Доклад Ванновского.

бестактностью и бесхарактерностью университетского начальства»³²⁰. Иными словами, касательно вопроса о наличии политической подоплеку студенческих волнений Ванновский высказывался сугубо отрицательно: имело место мирное шествие, которое переросло в демонстрацию только из-за необоснованных действий полиции, когда студентам пришлось защищаться.

Доклад Ванновского так и не был официально опубликован, но вскоре был издан за рубежом и получил нелегальное распространение в России.

Как уже было сказано, волнения быстро перекинулись из Петербурга в другие города, в том числе и в Москву. В середине февраля была организована сходка, несмотря на предупредительные меры полиции, предпринявшей ряд арестов. Основным требованием участников забастовки было возвращение высланных в результате петербургских событий товарищей. Московская сходка была назначена на 12 февраля, при этом в прокламациях подчеркивался ее исключительно мирный характер. Только так, считали организаторы, можно добиться успехов. Программа, с которой выступали студенты, состояла из четырех положений: 1) неприкосновенности личности студентов, 2) право сходов в здании Университета, 3) право свободного входа на диспуты и необязательные лекции, 4) ослабление надзора инспекции³²¹. Поскольку забастовку не удавалось прекратить, министру пришлось закрыть университет на неделю. После 27 числа занятия возобновились, но на них присутствовало крайне малое число учащихся. Сказывались призывы к отказу от посещения лекций, поскольку на «успокоение» и возвращение к занятиям у студентов нет «нравственного права»³²². Ректор Зернов пошел навстречу требованиям студентов, пообещав амнистию их высланным товарищам, сокращение присутствия чинов инспекции, но 9 и 10 марта появились объявления от имени ректора «с характером диаметрально противоположным тому, что когда-то обещалось под честным словом: запрещаются всякого рода совещания без присутствия педелей и субинспекторов, запрещается выбор и присылка всякого

³²⁰ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 251.

³²¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 89. Л. 5.

³²² ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 89. Л. 16.

рода депутации, разрешенная как мера чисто временная»³²³. Студенчество усмотрело в этом вызов со стороны начальства, почувствовало себя обманутым и сделало вывод: «Ясно, что только путем вторичной забастовки и не поддаваясь уже на обещания «честных» служителей науки и руководителей молодежи, мы можем чего-нибудь добиться»³²⁴. В середине марта занятия прекратились полностью. Последовали кадровые перестановки: проявлявший лояльность к студентам ректор Д.И. Зернов был отправлен в отставку, а на его место назначен А.А. Тихомиров. К концу марта возобновились и аресты наиболее активных студентов, в результате чего более 800 человек были исключены из университета (большая часть из них выслана). Массовые аресты лишили участников забастовки лидеров, и волнения пошли на спад. Однако 6 апреля покончил с собой студент Г.Э. Ливен, находившийся в Бутырской тюрьме. Это трагическое событие вызвало новую волну протеста, уже на политической почве. Около 200 человек прошли толпой от Храма Христа Спасителя до памятника Пушкину, где шествие было разогнано полицией³²⁵.

Так постепенно в требованиях студентов стала появляться и укрепляться политическая основа. Репрессивные меры правительства не достигали нужного ему результата. Среди исключенных и высланных студентов были такие будущие революционеры, как Б.В. Савинков, И.П. Каляев, П.В. Карпович, Н.М. Иорданский и др. Формировался «кадровый состав» будущих революционных организаций: кружков и партий.

В правительственных кругах по-прежнему не было единства мнений по поводу того, каким образом можно умиротворить студентов. Боголепов был убежден, что возвращением автономии и упразднением инспекции проблему решить нельзя. В доказательство справедливости этой его идеи Екатерина

³²³ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 89. Лл. 21-21 об.

³²⁴ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 89. Л. 21 об.

³²⁵ Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. - М.: Изд-во политкаторжан, 1934. — 397 с.

Александровна приводит тот факт, что «все меры, предпринимавшиеся многочисленными министрами, служившими после смерти Николая Павловича, ни к чему не привели»³²⁶. Поэтому Боголепов придерживался курса на постепенные, медленные реформы, что, как мы видим, со временем становилось все дальше и дальше от чаяний либералов и учащейся молодежи.

Нужно было принимать решения для устранения причин студенческих беспорядков. Однако министерство по сути решало другую задачу и занималось скорее разработкой мер по борьбе с самими этими беспорядками.

Итак, для обсуждения необходимых мероприятий в июне 1899 года Боголепов созвал уже упоминавшееся в данной работе совещание, на котором присутствовали попечители учебных округов и начальники высших учебных заведений. В воспоминаниях супруги министра приведены основные принятые решения. Во-первых, собрание постановило расширить сферу ведомства инспекции, которая отныне должна была не только следить за внешним порядком, но также «заботиться о материальных и нравственных нуждах студентов»³²⁷. Во-вторых, предложение Ванновского о воссоздании студенческой корпорации и курсовых собраний было категорически отвергнуто, поскольку «существование их в русских университетах не имеет никакого исторического основания, а главным образом, потому что такая организация студентов, созданная правительством, сыграла бы в руку революционерам: последние воспользовались бы ею для пропаганды и устройства беспорядков»³²⁸. В-третьих, были разрешены студенческие научные и литературные кружки под руководством профессоров и учебного начальства, а также введены обязательные практические занятия студентов с профессорами на всех факультетах. В числе принятых мер было и увеличение числа студенческих общежитий³²⁹.

На этом совещании впервые была высказана мысль о том, что виновников беспорядков следует обязывать отбывать воинскую повинность, после чего они

³²⁶ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 256.

³²⁷ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 259.

³²⁸ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 259.

³²⁹ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 259-260.

могут быть снова зачислены в университет. Однако эта идея не нашла поддержки, и собрание ограничилось исправлением уже существовавших мер. Так, было решено впредь подвергать высылке только «наиболее виновных» студентов, поскольку массовые аресты и высылки вызывали только новую волну возмущения студентов. Помимо это, участникам протестных акций решили временно запрещать вход в учебное заведение, а нарушители запрета подлежали увольнению. Наконец, «решено было выработать проект инструкции для совместного действия полиции и инспекции»³³⁰. Так политика правительства по отношению к активному студенчеству наряду с некоторыми прогрессивными (хотя скорее поверхностными) мерами в сфере образования сохранила репрессивный характер.

Помимо всего сказанного, был найден способ воздействовать не столько на студентов, сколько на общество, реакцию которого на происходящие события тоже нельзя было сбрасывать со счетов. Способ этот состоял в том, чтобы оповещать людей о ходе беспорядков посредством газет. Таким образом стремились свести на нет эффект листовок и прокламаций, поскольку общество должно было получать официальные данные от самого правительства, а не от подпольных организаций. Следовательно, у властей появлялась возможность ожидать нужной им реакции.

Боголепов испытывал множество трудностей на посту министра народного просвещения. То и дело его посещали мысли об отставке, но Николай не соглашался. Кроме всех вышеназванных факторов существовал еще сугубо организационный момент, вызывавший определенные сложности в координации действий различных ведомств в отношении университетов. Здесь требуется небольшое отступление.

Дело в том, что не все высшие учебные заведения находились в ведении министерства народного просвещения. Действовал, и то несовершенно, отраслевой принцип распределения высших ученых заведений по ведомствам. В результате в конце XIX века университетская система в России не была четко

³³⁰ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. С. 261.

скоординирована, «поскольку была плодом «случайных благоприятных конъюнктур в развитии того или иного ведомства, междуведомственных трений, несогласования политики министерств и преследования узковедомственных целей, столь характерных при прежнем режиме» (так охарактеризовала ее Комиссия по реформе высшей школы Временного правительства)»³³¹. Централизаторский проект, в котором указывалось на вред, причиняемый высшей школе фактом разбросанности высших учебных заведений по 12 ведомствам. Николай II разделял это мнение, но конкретных мер не принимал.

После студенческой забастовки 1899 года этот вопрос вновь возник со всей остротой. Министр Боголепов обратился к императору с предложением осуществить необходимые преобразования в этой области с целью наконец установить единство в принципах управления учебными заведениями. Поскольку в сложившихся обстоятельствах рассчитывать на естественное единообразие действий министров не приходилось, Боголепов предложил руководству общими принципами управления высшей школой возложить на одного министра — народного просвещения. Николай II согласился обязать других министров согласовывать свои действия в этой области (как то: учреждение новых учебных заведений, введение новых правил для студентов, меры по отношению к студенческим организациям) с министром народного просвещения. 7 июля 1899 г. Н.П. Боголепов получил предписание Собственной его имп. Величества канцелярии о необходимости «соблюдения относительно высших учебных заведений, хотя бы состоящих в заведывании различных министерств и главных управлений, возможного единообразия в руководстве внутренней жизнью таковых заведений»³³². Однако это предписание не было опубликовано, а дальнейшие события показали, что оно не действовало должным образом и не смогло оказать положительного влияния на положение дел в университете.

Оставшись на посту министра, Боголепов продолжал действовать в

³³¹ Иванов А.Е., Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 161.

³³² Иванов А.Е., Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 162.

полном соответствии со своими взглядами, продумывая новые эффективные методы воздействия на студентов с целью заставить их одуматься и вернуться в университет как в высшее учебное заведение, а не место для сходки.

В июле 1899 года были опубликованы «Высочайше утвержденные Временные Правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений за учинение скопом беспорядков», которые предписывали следующее: «Воспитанники высших учебных заведений, за учинение скопом беспорядков в учебных заведениях или вне оных, за возбуждение к таким беспорядкам, за упорное, по уговору, уклонение от учебных занятий и за подстрекательство к таковому уклонению, подлежат, на основании изложенных ниже правил, удалению из учебных заведений и зачислению в войска для отбывания воинской повинности, — хотя бы они имели льготу по семейному положению, либо по образованию, или не достигли призывного возраста, или же вынули по жребию номер, освобождающий от службы в войсках»³³³.

Екатерина Александровна Боголепова утверждает, что инициатором издания «Временных правил» был С.Ю. Витте. Известно, что он всегда тщательно заботился о своем либеральном имидже. Однако в широких кругах этот факт оставался неизвестным, и вдохновителем очередного реакционного указа в обществе считали министра народного просвещения. Виновником жестокости новых правительственных мер называли Боголепова, но он не считал нужным оправдываться, так как действительно был убежден, что эти меры справедливы и эффективны. Екатерина Александровна в своих воспоминаниях подчеркивает, что Витте всячески выставлял Николая Павловича в невыгодном свете, обвиняя в реакционности политики, тем самым только накаляя обстановку³³⁴.

Боголепов искренне считал «Временные правила» не только тем решительным шагом, который мог утихомирить бунтующую молодежь, но и

³³³ ПСЗ, №17484 т.19 ч.1. - СПб, 1899. С. 935.

³³⁴ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. – М., 1912. С. 273-274.

гораздо более гуманной мерой по отношению к студентам, чем, например, исключение из университета без права восстановления. Временные правила позволяли, во-первых, рассчитывать на снисхождение и сокращение срока службы за достойное поведение: «Военному Министру предоставляется всеподданнейше ходатайствовать пред Его Императорским Величеством об освобождении от военной службы нижних чинов, кои, будучи зачислены в войска на основании настоящих Правил, отбыли воинскую повинность в течение не менее годичного срока, и, по засвидетельствованию начальства, отличались, во время прохождения службы, одобрительным поведением и ревностным исполнением служебного долга»³³⁵.

Во-вторых, Временные правила давали возможность снова поступить в высшее учебное заведение: «Проступки (ст. 1) исправно отбывших службу в войсках на основании настоящих Правил предаются полному забвению, и лицам этим предоставляется поступать в учебные заведения на государственную службу на общем основании»³³⁶.

Таким образом, предполагалось, что Правила возымеют двойной эффект. С одной стороны, необходимость отбытия воинской повинности — довольно жесткое наказание для студента, и перспектива попасть в армию могла удержать его от участия в беспорядках. С другой стороны, на тех, кто все же поддавался пропаганде бунтовщиков, не ставили крест, оставляя им возможность осознать свои ошибки и наладить дальнейшую жизнь.

Однако введение Правил не утихомирило студенческие беспорядки, а наоборот вызвало новый всплеск недовольства как очередное яркое проявление реакционной политики правительства в отношении молодежи.

В феврале 1900 года Исполнительный комитет землячеств и организаций Московского университета (организация была создана взамен прежнего Союзного Совета, с задачей сплочения студенчества для борьбы с режимом) составил открытое письмо, обращаясь ко всем студенческим организациям страны с призывом собрать общестуденческий съезд, на котором будет

³³⁵ ПСЗ, №17484 т.19 ч.1. - СПб, 1899. С. 935.

³³⁶ ПСЗ, №17484 т.19 ч.1. - СПб, 1899. С. 935.

разработана программа борьбы и проект центральной студенческой организации³³⁷. Борьба, по мнению студентов, была необходима, поскольку усилиями властей русские университеты оказались низведены «на ступень правительственных учебных заведений», в которых вместо прежних профессоров «появились чиновники не столько научные, сколько иные, ничего общего с наукой не имеющие»³³⁸. Тем не менее, пока речь шла о борьбе скорее академической, чем политической. И все же члены организации явно готовились к скорому выходу из чисто студенческой сферы, объясняя это тем, что «выяснится со временем до очевидности, что борьба студенчества даже за свои права бесплодна, если не ставить ее на более широкую политическую почву»³³⁹.

Итак, общестуденческий съезд состоялся 15 июня в Одессе, а 17 июня начались аресты его участников³⁴⁰. Из текстов документов, найденных в квартире, где проходил съезд, видно, что студенчество начало встраивать свое движение в общее русло недовольство действиями правительства, которое проявлялось разными группами населения и по разным поводам. Упоминались и рабочие стачки, и обращения со стороны земств, органов печати. Молодежь уже осознавала, что не одинока в своих мыслях, и вывела первопричину общего недовольства - «несоответствие между рамками, в которые заключена общественная жизнь с одной стороны, и потребностями общества с другой»³⁴¹.

В конце 1900 года студенческие волнения охватили Киевский университет. Эти события стали поводом для первого применения «Временных правил». Власть наглядно продемонстрировала настрой на решительную борьбу с оппозиционными течениями в университетах, свою готовность применять к нарушителям самые строгие меры. Тогда 183 киевских студента были отданы в солдаты³⁴². Либеральная часть общества резко осудила это решение, среди студенчества обострились протестные настроения. Студенты

³³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 90. Лл. 12-13., Д. 51. Л. 176.

³³⁸ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 90. Л. 17.

³³⁹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 90. Л. 35.

³⁴⁰ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 51. Л. 176 об.

³⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 90. Л. 60.

³⁴² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 99. 3-е делопроизводство. 1901 г. Д. 1042. Л. 5-8.

других университетов выступали против такого наказания для своих товарищей, требовали их возвращения.

В то же время коллега Боголепова П.А. Некрасов, напротив, считал этот шаг поступком строгого, но справедливого педагога³⁴³. Тем не менее, именно эта «педагогическая мера» завершила образ реакционного, бездушного министра народного просвещения и послужила поводом к трагическому событию 14 февраля 1901 года.

Недовольство студентов министром народного просвещения и его политикой накапливалось и грозило стать неуправляемым. Его осмотрительность и осторожность воспринимались как раздражающая медлительность и нежелание пойти навстречу молодежи. И можно с уверенностью сказать, что в части ее внеучебных требований это было справедливой оценкой действий министра: как уже говорилось, в этом отношении он был непреклонен. Боголепов не мог пойти навстречу «бесшабашному» общественному мнению, «которое все требует свободы и не гарантирует ничем от злоупотребления ею»³⁴⁴. Чувство ответственности не позволяло министру пойти на радикальные меры, осуществить коренные реформы, несмотря на то, что протестные настроения росли, а ситуация в университете все больше накалялась.

14 февраля 1901 года во время приема посетителей министр народного просвещения Н.П. Боголепов был смертельно ранен одним из просителей, студентом Петром Карповичем. Стрелявший не пытался бежать, его тут же схватили и доставили в тюрьму. На допросе Карпович говорил, что личных мотивов для убийства Боголепова у него не было, но стрелять в него он считал своим «нравственным долгом»: «В Боголепове я видел самого яркого представителя реакционного направления и виновника суровых мер, принятых

³⁴³ Некрасов П.А. Николай Павлович Боголепов. – М., 1901. С. 14.

³⁴⁴ Цит. по: Томсинов В.А. Николай Павлович Боголепов (1846-1901). Биографический очерк / Боголепов Н.П. Учебник истории римского права. – М., 2004. С. XIX.

относительно студентов университета за последнее время и завершившихся сдачею в солдаты 183-х студентов Киевского университета»³⁴⁵.

Любопытно, что 14 февраля 1901 года пути Боголепова и Карповича пересеклись уже не в первый раз. Хотя сам Николай Павлович, по свидетельству жены, говорил, что никогда раньше не видел этого молодого человека. Возможно, министр просто не помнил о нем.

В 1895 году Карпович поступил на физико-математический факультет Московского университета, но вместо учебы юноша занимался исключительно общественно-политической деятельностью и чтением запрещенной литературы, вследствие чего не сумел сдать экзамены. Вернее будет сказать, что он и не пытался их сдавать, поскольку попросту не приходил на них. Однако его оставили на второй год, проявив лояльность. Исключен он был в ноябре 1896 года за подстрекательство студентов к бунтам и беспорядкам. В 1898 году Карпович обратился к Боголепову с прошением о поступлении на медицинский факультет Юрьевского университета. Разумеется, Николай Павлович прошение удовлетворил, это вполне соответствовало его характеру – всячески поощрять и поддерживать стремление молодых людей к занятиям наукой, в этот момент не обращая внимания на их политические взгляды. Николай Павлович всегда надеялся на то, что, даже имея в своем багаже участие в нелегальных организациях, студент может исправиться, вернувшись к учебе. А это значит, что проснувшееся стремление необходимо поддержать.

Поступив в Юрьевский университет, Карпович так и не начал учиться, и через год его снова исключили. На этот раз за участие в беспорядках. С конца 1899 года Петр Карпович числился вольнослушателем в Берлинском университете. Об отдаче 183 студентов киевского университета в солдаты он узнал в 1901 году из газет. По его словам, именно это стало причиной его приезда в Петербург с целью убийства министра народного просвещения.

А.Т. Зарубин в своем исследовании, посвященном Петру Карповичу, пишет, что причиной, по которой молодой человек решился на этот

³⁴⁵ Убийство 3-х министров. – Спб, 1906. С. 7.

террористический акт, было, помимо всего прочего, «не вполне осознанное стремление самоутвердиться, доказать свое превосходство над окружающими людьми»³⁴⁶. Он мечтал о подвиге, с помощью которого мог бы доказать себе и всем вокруг, что он выше всех людей. Современники отмечали его грубость, резкость в общении, происходившую, вероятно, от внутренней неуверенности. Вполне подходящие черты для человека, способного на подобный шаг.

Несмотря на заявления Карповича о том, что он не принадлежал ни к одной из существовавших в то время революционных групп, а действовал в одиночку и по собственной инициативе, есть иная точка зрения на эти факты. Так, Зарубин в той же работе доказывает, что он вовсе не был террористом-одиночкой, а покушение на Боголепова – его личной идеей. Зарубин связывает это убийство с проэсеровской «Рабочей партией политического освобождения России», возглавляемой Гершуни, известным впоследствии как создатель и вдохновитель Боевой организации партии эсеров. Причины покушения на министра народного просвещения в таком свете выглядят по-другому. Зарубин полагает, что это было так называемое «пробное убийство крупного государственного деятеля» для выяснения отношения либеральных кругов и народа к террору как методу революционной борьбы³⁴⁷. Это был, можно сказать, первый террористический акт после убийства Александра II. Тогда общество было подавлено и напугано, и требовалось выяснить, изменилось ли это настроение в сложившихся кризисных условиях. Эсеры почти ничем не рисковали: в случае неудачи они оставались бы в стороне, их партия не оказалась бы скомпрометирована в глазах общества, а вся ответственность пала бы на одного убийцу.

Однако расчеты эсеров, если они действительно имели место, полностью оправдались. Студенчество откликнулось на это событие многочисленными прокламациями в поддержку Карповича, восхвалявшими его смелость и решительность, представлявшими его поступок как самый настоящий подвиг,

³⁴⁶ Зарубин А.Т. П.В. Карпович. Историческое исследование. – М., 2003. С. 166.

³⁴⁷ Зарубин А.Т. П.В. Карпович. Историческое исследование. – М., 2003. С. 92.

достойный восхищения, и укоряли друг друга за трусость, не позволившую именно им пойти на такой шаг.

В начале XX века студенческое движение вышло на новый уровень, приобрело политическую подоплеку. Осторожные, постепенные методы министра не дали результатов, поскольку уже не соответствовали требованиям общества, уставшего от отсутствия перемен в либеральном направлении в условиях безысходного кризиса. Убийство Боголепова можно считать кульминацией студенческой борьбы этого периода.

Глава III

Политизация студенческого движения в начале XX века

К рубежу XIX-XX вв. студенческое движение претерпело значительные качественные изменения. Первоначально требования, которые выдвигали правительству студенты, касались исключительно внутренней жизни университета. Основная причина недовольства молодежи состояла в порядках, введенных университетским уставом 1884 года: упразднении университетской автономии и студенческой корпорации. Несмотря на то, что уже тогда студенчество оценивало устав как ключевое проявление политического курса самодержавия, оно все еще пыталось найти с университетским начальством и властями общий язык, составляя петиции, направляя делегатов к чиновникам и университетскому начальству и пр. Однако эти действия воспринимались властями абсолютно однозначно как недопустимые проявления вольности студентов, на которые те не имеют права. Отсюда и происходила реакция, проанализированная в предыдущей главе.

Студенты пытались найти поддержку у преподавателей, многие из которых также были недовольны новым уставом, однако ожидаемой активной помощи не получили. Часть либеральной профессуры, тем не менее, сочувствовала студентам и более или менее явно демонстрировала соответствующее отношение к ситуации. Но власть посчитала этих преподавателей опасными для общественно-политического спокойствия в государстве, а их слова и действия – направленными на дестабилизацию обстановки, усугубление конфликта, чуть ли не на свержение существующего строя.

В ситуации, при которой обе стороны конфликта не желают услышать друг друга и пойти на компромисс, между правительством с одной стороны, и студентами и сочувствовавшими им преподавателями с другой, постепенно пролегла пропасть. С каждой новой студенческой демонстрацией и новыми арестами этот разрыв становился все шире и глубже. Студенческие беспорядки грозили перейти в постоянное явление, неотъемлемый атрибут

университетской жизни. Кроме того, помимо академических требований начали звучать требования политические. Дело в том, что постепенно студенты осознавали: при существующем государственном строе положение не может измениться. Невозможно добиться желаемых реформ при сохранении прежней государственной основы. Для того, чтобы провести коренные преобразования в университете, необходимо сначала изменить политическую систему. Разумеется, добиться этих перемен можно прежде всего путем расшатывания основ системы, способствуя углублению общественно-политического кризиса. «Убийство Боголепова, совершившееся тогда, было первым обнаружением новых течений в среде учащихся в высших учебных заведениях и раз навсегда вывело из состояния равновесия мысли и чувства молодежи. Вопрос о будущем университетов и студенчества был поставлен ребром, и смутно сознававшие себя, находившиеся еще в состоянии брожения молодые умы увидели себя перед необходимостью теперь же ответить на него и разобраться в окружающем»³⁴⁸.

Это событие стало кульминацией студенческого движения данного периода, переломным моментом, после преодоления которого учащая молодежь в массе своей должна была сделать выбор дальнейшего пути. Каждый должен был разобраться в себе и своем отношении к происходящему, четко определить свою позицию.

Также это «пробное убийство» послужило неким тестом для общества, индикатором общественного мнения. Результаты теста оказались весьма показательны: мятежные студенты всячески выражали восхищение поступком Карповича. «Неужели у кого хватит духу осудить Петра Карповича... не нужно обладать широким мирозерцанием, чтобы понять, что здесь совершилось не преступление, а акт бескорыстного самоотвержения, что выстрел Карповича — это неизбежная отплата, воздаяние за разбитые надежды, исковерканные юные жизни, за материнские слезы...» - с этими словами студенты обращались к обществу в воззвании «Суд присяжных для Карповича», которое

³⁴⁸ Анисимов А.И. Князь С.Н. Трубецкой и московское студенчество // Вопросы философии и психологии. 1906. № 1. С. 150-151.

распространялось нелегальной печатью³⁴⁹. Как следует из названия этого обращения, в нем, помимо восторга по поводу «подвига» Карповича высказывалось требование предоставить принятие решения по его делу суду присяжных. Видимо, в расчете на то, что общественный голос вынесет «народному герою», жертве политики Боголепова оправдательный приговор. С таким призывом авторы воззвания обратились и к властям («Обращаясь к стоящим у кормила правления, в чьих руках теперь судьба нашего товарища... Покажите, что в вас осталось хоть немного политического разума, хоть капля человечности, что вы хоть сколько-нибудь понимаете сущность и причину поступка Карповича. Судите его судом присяжных. Передайте его дело на беспристрастный суд общества. Вы, которые так или иначе вызвали это преступление, не будьте в то же время его судьями»), и к профессорам («Профессора! Вы, наши патентованные учителя и руководители, вы, представители науки и света, чувствуете ли вы, что на вашей совести лежит гибель Карповича... Вы видите, как ваш высший начальник и представитель своим гнусным и бессердечным поведением довел мирного кроткого юношу до убийства...вы, либеральные, гуманные, просвещенные, требуйте же во имя науки и нравственности суда присяжных для Карповича»)³⁵⁰.

Отдельно обращаются к студенчеству, напоминая об ответственности всех и каждого за происходящее в университете. Ответственности за нерешительность, пассивность, отсутствие твердой позиции по отношению к властям: «Студенты! Знайте, что каждый из нас, кто бы он ни был по своим убеждениям, отчасти виновен в событии 14 февраля. Мы не захотели должным образом ответить на дикую расправу Боголепова и выступить сомкнутыми рядами на защиту товарищей, и искупительной жертвой за всех нас явился Карпович. Поймите же это и не дайте ему погибнуть. Требуйте для него суда присяжных. Пусть справедливый, хотя бы строгий суд разберется, наконец, в этой драме, которая завязалась не теперь, а в день знаменитого побоища над Невою 8-го февраля, 1899. Пусть суд присяжных своим беспристрастным

³⁴⁹ Убийство трех министров. СПб, 1906. С.11.

³⁵⁰ Убийство трех министров. СПб, 1906. С.12.

приговором покажет, кто прав и кто виноват в этом преступлении»³⁵¹. Упоминание студенческих беспорядков 1899 года в Санкт-Петербурге не случайно, ведь именно они послужили поводом к организации расследования причин студенческих волнений, которое было поручено Ванновскому. Однако предложенные Ванновским меры, способные нормализовать ситуацию, так и остались на бумаге. В сообщении по поводу доклада Ванновского, опубликованном в «Правительственном вестнике», после выражения Высочайшего неудовольствия учебным персоналом и чинам городской полиции было сказано: «Каковы бы ни были упущения и ошибки в действиях начальственных лиц, во всяком случае, не подлежит извинению поведение студентов и слушателей, забывших о долге повиновения и соблюдения предписанного порядка — долге, налагаемом на них заботами Правительства об их образовании и содержании»³⁵². В данном сообщении не содержится ни малейшего намека на то, что пожелания студентов приняты к сведению, а выводы Ванновского услышаны правительством. Наоборот, студентов обязывают «для своего блага, ныне же подчиниться тому порядку, который для них установлен», а помочь им в этом могут их родители, да и старшее поколение в целом³⁵³.

Настоящим подвигом выстрел Карповича представляли эсеры, будучи сторонниками подобных методов воздействия на власть. В газете «Революционная Россия» читаем, что покушения на Боголепова «ждало... все общество, встретившее смерть Боголепова, как необходимость, без содрогания перед убийством. Карпович внес в движение то, чего ему не доставало — личную решимость и тем вывел на единственно верный путь — путь прямой и самоотверженной борьбы. В личной отваге важнейший залог революционного успеха. С 14 февраля... движение... стало революционным»³⁵⁴. Столь же высоко превозносила поступок студента Вера Фигнер, утверждая, что Карпович

³⁵¹ Убийство трех министров. СПб, 1906. С.13.

³⁵² Правительственный вестник. 1899. № 111.

³⁵³ Правительственный вестник. 1899. № 111.

³⁵⁴ Революционная Россия. 1901. № 2 С. 2.

«отдавал свою жизнь в защиту поправных прав человека»³⁵⁵.

Против террора выступали эсеки. Однако Засулич, критикуя организованный террор как метод революционных действий, тем не менее оправдывает Карповича: «Это не акты борьбы, а лишь выражение общего озлобления и боли... Нечто совершенно иное представляет собою террор, входящий в программу организованной группы — такой террор... не только не усилил бы освободительного движения, а наоборот ослабил бы его»³⁵⁶.

Вполне естественным был отклик другой «стороны конфликта». В газете «Новое время», имевшей репутацию реакционной, в статье, посвященной гибели Боголепова, говорилось: «Грубая и дикая расправа с человеком долга и службы при помощи револьвера носит все черты разбойнического нападения, ухудшенного в нравственном отношении тем, что оно сделано было исподтишка, человеком, пришедшим с прошением в руках. Общество наше было бы нравственно больным, если бы оно сколько-нибудь разделилось во взглядах на такой поступок»³⁵⁷. В своем дневнике А.С. Суворин, издатель газеты, записал, что Карпович совершил это злодеяние под влиянием «извне навешанного фанатизма»³⁵⁸, а философ и публицист В.В. Розанов назвал студента «злой крысой», убившей отца семейства³⁵⁹.

Так расширялся и углублялся разрыв между различными общественными течениями, нараставшие противоречия все дальше вовлекали страну в кризис.

После гибели Боголепова Николай II назначил министром народного просвещения П.С. Ванновского, проводившего расследование причин студенческих волнений 1899 года. Убийство министра произвело на власти гнетущее впечатление, показав, как далеко может зайти молодежь, недовольная сложившимся порядком. Можно сказать, что этот радикальный шаг был

³⁵⁵ Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений в семи томах. М., 1932. т. 4. С. 142.

³⁵⁶ Искра. Л., 1925. вып. 1, № 3. с. 65(19).

³⁵⁷ Новое время. 1901, № 8984. с. 3.

³⁵⁸ Суворин А.С. Дневник. М., 1992. с. 308.

³⁵⁹ Розанов В.В. Сахарна. М., 1998. С. 92.

реакцией на применение «Временных правил», введением которых предполагалось если не успокоить, то хотя бы осадить бунтующих студентов, охладить их воинственный пыл. На деле же вышло иначе. Вместо того, чтобы продемонстрировать свою силу и уверенность, мудрость «строгого педагога», правительство обнаружило полную беспомощность и растерянность, ухватившись за столь радикальное — последнее — средство борьбы с беспорядками. Оно действительно было последним, потому что окончательно и открыто выносило университетский вопрос за пределы университета, подключая к его решению внешние силы — полицию и армию.

За убийством Боголепова последовали стачки и уличные демонстрации в Москве, Петербурге, Харькове, Киеве. К студентам присоединяются рабочие, и протестное движение выходит за академические рамки. Правительство и университетское начальство пытаются возложить вину за эти события на небольшую группу злоумышленников, смущающих своими идеями «благонамеренное большинство». В частности, подобной позиции придерживался попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Н.Я. Сонин.

Свою точку зрения высказывали и университетские деятели. Так, в обращении Совета Московского университета от 25 февраля 1901 года говорилось: «Люди, непричастные к интересам науки и университета, навязали Вам новое несвойственное студенту слово и деяние «забастовка», т. е. заставили Вас смотреть на университет, как на учреждение фабричное, а не научное, чтобы таким образом стереть самое название университета... вам устраивают сходки и на эти сходки приглашают людей, совершенно чуждых университету, частное явление университетской жизни стремятся раздуть в общий пожар... В вас будят чувство жалости и негодования, смущая вас перспективой нагайки, и все это делают люди, не имеющие быть может, никакой связи ни с вами, ни с университетом, ни с наукой... Университет становится злосчастной отдушиной, через которую люди всех рангов и сословий стараются пропустить свое недовольство, будет ли то недовольство

политическое, экономическое, социальное...»³⁶⁰

Профессора призывают: «Забудем слово "забастовка" и никогда не применим его в стенах университета. Выйдем из тяжелого положения путем точного исследования фактов - единственно верным путем. Но для этого необходимо, чтобы жизнь университета не прерывалась и занятия шли ненарушенными; только при этом условии и при полном доверии с вашей стороны профессора получают возможность содействовать приведению в порядок осложненного университетского дела. Мы просим вас - продолжать ваши занятия»³⁶¹. Обращение подписано 69 преподавателями, среди которых есть и либералы: В. И. Герье, В. О. Ключевский, М. В. Духовской, В. И. Вернадский.

В.Г. Короленко оценивает это обращение как фальшивое и ложное. Его аргументы вполне убедительны: «Легенда о злоумышленниках, стремящихся в своем злодействе - "стереть самое название университета" - явная риторика дурного тона. "Ложные сведения" о солидарности университетов уже оправдались и отчасти теперь оправдываются фактами... "Перспектива нагайки", которую по странному обороту речи авторов "смущают" молодежь - есть сама действительность и трудно ею не смущаться... а что касается до "точного исследования фактов", перспективой которого профессора манят студентов, - то это просто нехорошая ложь, на которую ответить студентам легко: кто вам дозволит "точно исследовать факты", которые исследуются "административным порядком", часто даже без допроса обвиняемых?»³⁶² Действительно, странно и беспомощно выглядит это заявление в сложившихся условиях. Оно могло бы иметь определенный успех у студентов, в случае если его авторы могли бы поручиться за качество «точного исследования фактов», отсутствие произвола со стороны полиции и властей, и последующее осуществление серьезных мер к улучшению ситуации. Увы, никаких гарантий преподаватели предоставить не могли.

³⁶⁰ Русские ведомости. № 56; ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 50. Лл. 4 — 4 об.

³⁶¹ Русские ведомости. № 56; ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 50. Лл. 4 — 4 об.

³⁶² В.Г. Короленко. Дневник (1898-1903). 28 февраля 1901. М.: 1928.

В студенческой среде воззвание профессоров вызвало негодование, выразившееся в весьма жестких формулировках. Так, «группа студентов Московского Университета» в ответ на идею преподавателей о слове «забастовка», уничтожающем название Университета, восклицала: «Но что значит название рядом с действительным уничтожением самого учреждения — тем уничтожением, которому систематически предается наше правительство и его министры, даже назначенные из профессорской среды...»³⁶³ Подтверждаются и выводы Короленко о том, что «перспектива нагайки» - уже вовсе не новость для студентов.

«Одно из землячеств» (так было подписано другое обращение к авторам воззвания) препроводило свой текст угрожающим эпиграфом: «Горе вам, книжники и фарисеи»³⁶⁴. Намеренно подражая стилю профессорского воззвания, студенты не жалели своих преподавателей, используя резкие, прямые, жесткие, а местами и жестокие формулировки: «Люди, непричастные к интересам науки и университета, навязали Вам столь несвойственное профессорам понимание науки, заставили Вас смотреть на Университет, как на фабрику благонамеренных чиновников и как на учреждение для достижения ученых степеней и приличных окладов... скажите по совести, возможно ли такое отношение к Университету... со стороны людей, посвятивших себя изучению и провозглашению истины? Достоин ли это профессоров старейшего русского Университета, который в своих стенах видел истинных героев профессоров, самоотверженных защитников свободы ума и слова...»³⁶⁵. Причину, побудившую профессоров обратиться к студентам с таким «фальшивым» воззванием, студенты объясняют просто: «Вы запуганы и забиты, и этим пользуются...»³⁶⁶. Вот так уничижительно они высказываются о своих наставниках.

Впрочем, звания наставников и старших друзей профессора, по мнению этих студентов, уже не заслуживали: «мыслимо ли, чтобы друг, видя, как волна

³⁶³ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 91. Л. 2.

³⁶⁴ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 91. Л. 4.

³⁶⁵ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 91. Л. 4.

³⁶⁶ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 91. Л. 4.

захватывает друга, остался спокойным зрителем на берегу... Вы вместо того, чтобы присоединить к нашему протесту (против «Временных правил...» - *Е.К.*) Ваш влиятельный голос, даете совет перейти к мирным занятиям и оставить наших товарищей, очутившихся в бесконтрольных руках полиции»³⁶⁷.

Сближение студентов и рабочих происходило естественным путем, прокладываемым самим правительством. Применяя жесткие репрессивные меры ко всем, власть способствовала возникновению чувства солидарности среди «пострадавших». В дневнике за 13 марта 1901 года Короленко пишет: «Одна моя знакомая, проходя вчера вечером по улице, слышала разговор извозчиков: - "А кажут, что к студентам уже пристали и наши, рабочие"... Теперь, несомненно, есть уже почва для сочувственного отклика со стороны избиваемых рабочих по адресу избиваемых той же полицией студентов...»³⁶⁸

В рабочей газете «Искра» это сближение со студентами не остается незамеченным, а напротив, радостно приветствуется: «Тот рабочий недостойн названия социалиста, говорит, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войска против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему — рабочий должен прийти на помощь студенту»³⁶⁹.

Так рабочие и студенты начинали осознавать объединяющие их моменты. Основываясь на чисто человеческом чувстве солидарности, это объединительное начало со временем только укреплялось в их сознании.

Ощущая опасность подобного союза, правительство, тем не менее, было неспособно принять адекватные меры. Растерянность росла, хотя и тщательно скрывалась. Нужно было срочно что-то делать, чтобы перехватить стремительно уплывающую из рук инициативу.

В рескрипте на имя нового министра от 24 марта 1901 года император признавал «существенные недостатки... учебного строя» и поручал ему «безотлагательно приступить к коренному его пересмотру и исправлению», а также внести в дело воспитания юношества «умудренный опытом разум и

³⁶⁷ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 91. Л. 53.

³⁶⁸ Короленко В.Г. Дневник (1898-1901). 13 марта 1901.

³⁶⁹ Искра. 1901. № 2 (вып.1). С. 43.

сердечное о нем попечение»³⁷⁰. Ванновский приостановил действие «Временных правил» и возвратил в аудитории студентов, отданных в солдаты. Занятия в целом возобновились. Большинство студентов пошли на компромисс, заняв выжидательную позицию в начале нового министерства. Таким образом, весной 1901 года напряжение в студенческой среде пошло на спад. Однако часть студентов, называвших себя «борцами до конца», отказались приступать к занятиям до осени, с тем, чтобы собрать и организовать силы для продолжения борьбы за свои интересы.

Новый министр народного просвещения принялся за решение давно наболевшего университетского вопроса со всей серьезностью и основательностью. Он подключил к работе профессоров, поручив им провести расследование причин студенческого недовольства и предложить меры для улучшения ситуации. Советом Московского университета была избрана комиссия, председателем которой стал Д.Н. Зернов, а в составе ее числились профессор В.И. Герье, Н.А. Умов, В.О. Ключевский, К.А. Андреев, В.Ф. Снегирев, граф Л.А. Комаровский, П.Г. Виноградов, И.Т. Тарасов, В.К. Цераский, А.А. Бобров и М.В. Духовской³⁷¹. Однако уже упомянутым выше обращением к учащейся молодежи профессора многих оттолкнули от себя, ведь студенты могли легко опровергнуть представленные в тексте обращения аргументы (прежде всего это касается реальной угрозы «Временных правил» и применения нагаек). Тем не менее, комиссия начала работу.

Свои выводы комиссия подробно изложила в докладе, начав с краткой характеристики динамики развития студенческого движения от случайных сходов, вызванных какими-либо конкретными событиями (1850-60-е гг.), до демонстраций как обычного явления университетской жизни (с 1880-х гг.). В

³⁷⁰ Высочайший рескрипт, данный на имя члена государственного совета, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Ванновского. 24 марта 1901.

³⁷¹ Переписка студента первого курса Московского Императорского университета Павла Флоренского с родными и близкими в 1901 году // Наше наследие. 2005. № 73; ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Д. 587а. Л. 21.

связи с этим на первый план выводился Союзный совет, который приобрел свою «диктаторскую» власть над студентами вовсе не сразу, а постепенно, «пользуясь, между прочим, и незнакомством университетского начальства и профессоров с характером и истинными причинами возникшего среди студенчества брожения»³⁷². Отсутствием понимания истинных причин студенческих волнений и даже действительного желания их выявить комиссия объяснила тот факт, что раз за разом, год за годом университетское начальство применяло одни и те же меры противодействия студенческому движению — исключение из университета и высылка из Москвы — столь же жесткие, сколько и не эффективные, меры пресечения, а не предупреждения³⁷³. Причины же сложившейся ситуации коренились, по мнению комиссии, «прежде всего в условиях и порядках университетского быта»³⁷⁴.

Для выяснения причин недовольства студентов была составлена специальная анкета, вопросы которой освещали проблемы нужд учащейся молодежи, ее потребности, настроения, причины недовольства. Кроме того, проводились собеседования со студентами. Им было предложено в письменной форме высказать свое мнение о том, «что они считали ненормальным в университетском быту»³⁷⁵.

Получив ответы студентов на заданные вопросы, комиссия увидела, что в них содержится немало ценной информации. В то же время, нельзя сказать, чтобы эти ответы были неожиданны для преподавателей и университетского начальства. Так, комиссия узнала о материальных нуждах студенчества, которое жаловалось на «неравномерное и несправедливое распределение пособий и стипендий, когда соображения о недостаточности отходят на задний план перед соображением о "благонадежности"...», на тяжкий, раздражающий гнет инспекции³⁷⁶, произвол полиции, введение «Временных правил» как

³⁷² ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Д. 587а. Л. 2.

³⁷³ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Д. 587а. Л. 3-3 об.

³⁷⁴ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Д. 587а. Л. 3 об.

³⁷⁵ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Д. 587а. Л. 4-4 об.

³⁷⁶ Выдрин Р.И. Основные моменты студенческого движения в России. М., Изд-во «Студенческий голос». 1908. С. 48.

жесточайшей карательной меры³⁷⁷. Так сложилась в университете атмосфера взаимного недоверия между студенчеством и администрацией. Ситуацию усугубило разрушение живых взаимоотношений студентов и преподавателей (студенты чувствовали, что большая часть профессоров находится «по другую сторону баррикад»). Все вышеперечисленное привело к разъединению студентов и преподавателей на академической почве, но к объединению молодежи на почве недовольства. Единомышленники, естественно, создают тайные организации. Так они могут чувствовать за своей спиной поддержку товарищей.

Проведя специальное расследование, комиссия обнаружила, что большинство студентов испытывает материальную нужду, и их, как разночинцев, никак нельзя считать тем самым «благонамеренным большинством», на которое то и дело ссылались власти. «Студент-разночинец перед ежеминутной угрозой быть исключенным за невзнос платы, не имея возможности спокойно заниматься, подобно своему состоятельному товарищу, не может не чувствовать, как почва ускользает из-под его ног. Поэтому борьба за демократизацию высшего образования красной нитью проходит через все студенческое движение. Эта борьба заставляет студента-разночинца тяготеть к различным социалистическим программам, требующим коренного изменения существующего строя»³⁷⁸. Так кассы взаимопомощи, землячества, кружки, первоначально созданные исключительно для академических целей, таили в себе потенциальную опасность, тяготея к изучению новейших политико-экономических теорий, революционных течений, вплоть до того, что «члены таких землячеств стали пополнять собою ряды активных революционеров»³⁷⁹.

Исходя из всего вышесказанного, Комиссия сделала следующий вывод: «главной причиной университетских беспорядков последних лет нужно признать усилившуюся среди студентов потребность в товарищеском общении,

³⁷⁷ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Д. 587а. Л. 5 об.

³⁷⁸ Выдрин Р.И. Основные моменты студенческого движения в России. М., Изд-во «Студенческий голос». 1908. С. 84.

³⁷⁹ Правительственный вестник. 1896. № 265. С. 1.

выразившуюся в неразрешенных организациях»³⁸⁰. В докладе было подчеркнуто пагубное влияние репрессивных мер, принимаемых против недовольной университетской молодежи, высказано предложение о необходимости сужения компетенции инспекции, усиления влияния профессоров и университетского Совета на студенчество, организации студенческой жизни на корпоративных началах (разрешения студенческих организаций)³⁸¹.

Таким образом, видно, что важнейшая потребность студентов состояла в преодолении их разобщенности, установленной уставом 1884 года, в разрешении корпоративных организаций. По их словам, с введением нового устава «студенчество лишено возможности собираться с целями самообразования, совместных занятий научными предметами, обсуждения университетских и курсовых вопросов академической жизни»³⁸². В тон звучали и обвинения в адрес инспекции, «пользующейся почти неограниченной наблюдательной и карающей властью и препятствующей всякому более или менее свободному проявлению корпоративного духа»³⁸³. Либеральные профессора поддерживали это требование студентов, поскольку оно находилось в русле их собственных взглядов на то, каким образом должна быть организована университетская жизнь. С момента введения реакционного устава либеральная профессура не оставляла надежды на осуществление желаемых преобразований в университете: восстановление автономии, возрождение профессорской и студенческой корпораций, ослабление мелочной опеки инспекции.

Свои воззрения, в основе которых лежало понимание необходимости восстановления профессорской и студенческой корпораций, либеральные преподаватели высказывали в печати. Критика устава 1884 г. была постоянным лейтмотивом этих публицистических работ. На фоне развивающегося студенческого движения либеральная профессура стремилась добиться

³⁸⁰ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Д. 587а. Л. 20 об.

³⁸¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Д. 587а. Л. 21.

³⁸² ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Д. 587а. Л. 5.

³⁸³ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Д. 587а. Л. 5.

желаемых преобразований университетской жизни.

Среди прочих представляет интерес проект реформирования университетов В.И. Вернадского, изданный в 1901 г. в виде отдельной работы под названием «Об основаниях университетской реформы». Рассуждая о причинах студенческих волнений, профессор В.И. Вернадский обращал внимание на несоответствие форм университетской жизни современным потребностям учащейся молодежи. Он доказывал необходимость установления университетской автономии, объясняя свою точку зрения тем, что «университеты представляют особые организации, которые только частью своих интересов связаны с государством или обществом», а «основы их строя покоятся в вечных областях мысли и истины»³⁸⁴. Следовательно, университетской системе требуются реформы, которые могли бы «дать... известную опору и устойчивость для продолжения непрерывной, энергичной научной работы, для умственного развития и выработки сознательной личности в молодом подрастающем поколении»³⁸⁵. В таком случае пагубное воздействие внешних революционных тенденций сведется к минимуму, поскольку перестанет быть интересным и важным для молодых людей, занятых наукой. А для этого существует только один путь — предоставление университетам полной автономии. Вернадский полагал, что «такая реформа может быть проведена при всякого рода внешних условиях, так как университетская автономия не связана с формой государственного или общественного устройства»³⁸⁶.

Профессор отмечал безуспешность попыток установить хотя бы внешний порядок в университете при помощи мер, диктуемых уставом 1884 г. Наоборот, усиление полицейского контроля вызывало новый подъем недовольства, выраженный в демонстрациях и беспорядках, за которыми вновь следовали жесткие меры противодействия. Получилось так, что череда проявлений

³⁸⁴ Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX веков: Антология. - М., 2011. С. 387.

³⁸⁵ Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX веков: Антология. - М., 2011. С. 387.

³⁸⁶ Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX веков: Антология. - М., 2011. С. 388.

студенческого недовольства стала неотъемлемой частью университетской жизни. Разумеется, такое положение дел не могло принести государству ничего, кроме вреда. Вернадский доказывал, что корень неудач заложен в положениях устава 1884 года, результаты действия которого по прошествии 17 лет уже вполне можно оценить. «Целесообразность таких мер могла бы оправдаться единственно их быстрой удачей, их ошибочность и вред становятся ясными, когда они не достигают поставленной определенной цели или делают острую беду хронической»³⁸⁷.

В условиях назревшей необходимости преобразований Вернадский, проведя подробный анализ последствий введения устава 1884 года, предложил провести новую университетскую реформу на началах полной университетской автономии, профессорской и студенческой корпорации, предоставлении расширенного доступа в университет, уничтожении института инспекции (предоставление функций надзора за порядком университетскому суду, студенческой корпорации и выбранному из профессором проректору). Касательно экзаменов, Вернадский придерживался компромиссной точки зрения, согласно которой «характер проверки знания и выработки программ преподавания составляют дело факультетов под высшим надзором советов», а государственные экзамены «вне университетов» должны быть сохранены в качестве формы «действительного и прочного контроля министерства народного просвещения над преподаванием без нарушения и постоянных столкновений с университетской автономией»³⁸⁸. В целом, работу Вернадского можно считать ярким примером либерального подхода к решению университетского вопроса.

Весна и лето 1901 года прошли в атмосфере ожидания дальнейших шагов правительства. Однако власти не спешили с осуществлением преобразований в

³⁸⁷ Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX веков: Антология. - М., 2011. С. 392.

³⁸⁸ Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX веков: Антология. - М., 2011. С. 396.

университетской системе.

Была сделана попытка регламентировать поведение полиции во время беспорядков. В сентябре 1901 года министр внутренних дел Сипягин подписал «Временные правила, определяющие обязанности учебного начальства и чинов полиции при возникновении и подавлении беспорядков среди учащейся молодежи». Суть этих правил сводилась к тому, что полиция имеет право явиться в университетские помещения исключительно «по приглашению лица, заведывающего учебным заведением, или Попечителя учебного округа», при этом в обращении (желательно в письменной форме) должна быть указана ближайшая цель вмешательства полиции, а именно «удаление учащихся из определенных помещений, переписка участвующих в беспорядках, арест известных лиц и т.п.»³⁸⁹. Однако «самый способ и порядок действий чинов полиции по прекращению беспорядков, а равно и решение вопроса об обращении к содействию для сего военной команды» должен оставаться в ведении полиции, без всякого дальнейшего вмешательства университетской администрации³⁹⁰. Это же правило действительно при перемещении беспорядков на улицу.

В правительстве были по-прежнему очень сильны консервативные силы. К примеру, в июне 1901 г. Санкт-Петербургский градоначальник Н.В. Клейгельс констатировал начало открытого сближения студенческого движения с рабочим, а также растущее на них влияние революционеров, и выражал тревогу относительно данной ситуации. Отметил он и роль университетских наставников молодых людей, обвинив их в подстрекательстве студентов, разжигании конфликта: «Сама же молодежь революционизировалась на своих вечеринках и чаепитиях речами излюбленных вожakov из среды профессоров и литераторов, которые почти открыто внушали им необходимость борьбы»³⁹¹. Клейгельс подверг резкой критике действия правительства, направленные на успокоение студентов и удовлетворение их

³⁸⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 99. 3-е делопроизводство. 1901 г. Д. 1803. Л. 1.

³⁹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 99. 3-е делопроизводство. 1901 г. Д. 1803. Л. 1 об.

³⁹¹ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

академических потребностей, заявляя, в частности, что «убийца Боголепова Карпович в своей защитительной речи на суде оправдывал свое злодеяние ссылкой на доклад Генерал-адъютанта Ванновского»³⁹². Считая упомянутый доклад отличным средством пропаганды «в руках революционеров для поддержания среди молодежи протестующего направления», он высказался в поддержку «Временных правил...» 1899 года, успокаивающее и отрезвляющее действие которых оказалось испорчено «предпринятым Министерством народного просвещения пересмотром всех положений учебного дела»³⁹³.

Однако, хотя «пересмотр» этот был затеян, и комиссия работала, никаких реальных шагов так и не было предпринято. Ожидания студентов снова оказались обмануты.

Воспользовавшись этой ситуацией, оппозиционные организации, например, РСДРП, стали подталкивать студентов к продолжению борьбы. Для этого использовались обычные средства – прокламации, периодическая печать. В июльском номере газеты «Искра» была опубликована заметка, в которой все обещания правительства относительно грядущих реформ и ожидания обывателей перемен к лучшему изображались в ироническом свете. Отметив характерную для русского обывателя склонность надеяться на перемену настроения властей под влиянием какого-либо события, а не вступать в борьбу с произволом, тем самым «экстренным событием» называют «приращение царского семейства»: «всякий раз, как обывателю нужно искать утешения в беде, царица оказывается на высоте положения, на пути к «разрешению». Но как только дело доходит до «разрешения», обыватель оказывается разочарованным: вместо наследника он получает новую княжну, и осуществление его пламенных надежд откладывается до следующего раза»³⁹⁴. Так революционеры подстегивали своих читателей к активным действиям и заодно создавали повод для насмешек над царской семьей. Отдельным фактором установления затишья в студенческом движении и в обществе в

³⁹² ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 70. Л. 2 об.

³⁹³ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 70. Л. 2 об.

³⁹⁴ Искра. 1901. № 6. С. 9.

целом в начале министерства Ванновского революционеры снова называют ожидание наследника: «...»Царица-то, говорят, опять... видно, будет манифест...» Не знаем, уверовали ли студенты в обывательские упования, но только и они решили “годить” со своим требованием и в ожидании возвращения изгнанных товарищей возобновили свои занятия. Порядок был водворен»³⁹⁵.

Свою роль, вероятно, сыграло и развивавшееся рабочее движение (Обуховская стачка, первомайские демонстрации). Да и революционеры постоянно указывали на необходимость объединения сил рабочих и студентов. Еще в декабре 1900 г. появилась статья Ленина «Начало демонстраций», в которой содержался призыв к рабочим: «Старайтесь всеми средствами войти в соглашение с демонстрантами-студентами, устраивайте кружки для быстрой передачи сведений и распространения воззваний; разъясняйте всем и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу всего народа!»³⁹⁶ Впрочем, и сама учащаяся молодежь не имела достаточно терпения для того, чтобы дождаться перемен со стороны власти. Наученная горьким опытом предыдущих лет, она не верила в грядущие реформы — в их реальность и эффективность.

Толчком к возобновлению выступлений послужила публикация 11 октября 1901 года в газете «Гражданин» статьи князя Мещерского «Речи консерватора», в которой автор с пренебрежением и презрением отозвался о системе женского образования в России и о требовании студенчества принимать в университеты девушек наравне с юношами. В ответ на клевету о якобы желаемых студентами преимуществах совместного обучения юношей и девушек возмущенные молодые люди устроили сходки. Наиболее серьезная произошла 28 октября в Петербургском университете, где была принята резкая резолюция в отношении морального облика самого Мещерского. Студенты собирались устроить демонстрацию даже либералу В.И. Герье лишь за то, что он отреагировал на оскорбительную статью не «так, как им бы хотелось... Едва-едва профессора, наиболее уважаемые, убедили большинство отказаться от

³⁹⁵ Искра. 1901. № 6. С 9.

³⁹⁶ Ленин В.И. Полное собр. соч. т. 5, с. 372.

этой безобразной затее, указывая на громадные заслуги Герье перед обществом и университетом и его 30-летнюю безупречную деятельность»³⁹⁷. Основная претензия к профессору заключалась в том, что он не выступил в печати против Мещерского. В защиту Герье выступила и часть студенчества, не считавшая отсутствие немедленного письменного протеста с его стороны таким уж большим грехом³⁹⁸.

Той же осенью на общестуденческих сходках в Санкт-Петербурге, Киеве, Харькове к требованиям восстановления университетской автономии и отмены «Временных правил...» 1899 года было открыто добавлено требование предоставления гражданам России политических свобод. Чуть позже, в манифесте всероссийского общестуденческого съезда (опубликован в 18 номере «Искры» от 1902 г.) появится следующая формулировка: «Конечная цель движения — политическая свобода — вопрос неопределенного будущего, но мы идем к ней твердыми и верными шагами»³⁹⁹. На политический характер студенческого движения постоянно указывала «Искра». На ее же страницах неоднократно подчеркивалось, что рабочий класс ведет борьбу за свободу для всего народа. Только тогда правительство как будто спохватилось и поспешило принять меры, правда, запоздалые, чтобы приостановить вновь забурлившее студенческое движение. 22 декабря 1901 года были опубликованы утвержденные министром народного просвещения «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения». Эти правила разрешали устройство студенческих столовых, касс взаимопомощи, библиотек, научных кружков. Казалось бы, пожелания студентов услышаны и приняты во внимание. Однако правила содержали положения, согласно которым «курсовые и факультетские собрания могли быть созваны лишь с разрешения ректора (директора) при условии, если за собрание выскажутся 2\3 всех студентов, и при обязательном присутствии на нем уполномоченного ректором профессора,

³⁹⁷ Переписка студента первого курса Московского Императорского университета Павла Флоренского с родными и близкими в 1901 году \ \ Наше наследие. 2005. № 73.

³⁹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 91. Л. 88.

³⁹⁹ Искра. 1902. № 18, с. 9.

инспектора, которые были "ушами и глазами" администрации и могли закрывать собрания»⁴⁰⁰. Таким образом, едва получив намек на восстановление, принцип студенческой самостоятельности сводился на нет усилившимся административным надзором.

Студенты восприняли новые «Временные правила...» как насмешку, проявление полного неуважения к себе и своим потребностям со стороны властей. Поднялась новая волна возмущения. Либеральная профессура поддерживала студентов, отказываясь принимать на себя полицейские контролируемые функции. Масла в огонь подливала и деятельность революционных организаций: местные комитеты РСДРП вели активную пропаганду среди студентов. Их лозунги и призывы к продолжению борьбы, указания на фальшь якобы предоставленных студенчеству свобод ложились на благодатную почву.

В февральском номере «Искры» от 1902 г. читаем: «дарованное правительством «право» сходок и организаций в том нелепом виде, в каком оно создано «временными правилами», есть максимум того, что самодержавие может дать студентам, оставаясь самодержавием... Покойник Боголепов пытался спасти отечество «героическим» средством, заимствованным из арсенала допотопной, Николаевской, медицины... Теперь потерпела фиаско политика заигрывания со студентами»⁴⁰¹. С радостью и воодушевлением социал-демократы констатируют: «студенты... заявили, что отложенное в сторону (под влиянием убаюкивающих песен) оружие они снова готовы взять в руки»⁴⁰².

Сами студенты также ясно понимали пользу объединения с рабочими. В февральском номере «Искры» были опубликованы следующие строки:

«Пойдем к рабочему народу,
В союзе с ним нас ждет успех,
Пойдем за счастье и свободу,

⁴⁰⁰ Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899-1907 гг. М., Мысль. 1971. С. 68.

⁴⁰¹ Искра. 1902. № 17. С. 15-16.

⁴⁰² Искра. 1902. № 17. С. 15-16.

Пойдем за равенство для всех»⁴⁰³.

Революционеры были заинтересованы в установлении тесных связей студенчества и рабочего класса. Их расчеты не были лишены оснований. «Как доносил агент царской охраны, на нелегальных студенческих сходках высказывается мнение, что инициативу проведения всеобщей студенческой забастовки должно взять на себя столичное студенчество, "где имеются более тесные общения с рабочими... и многочислен и деятелен радикальный элемент. Если бы Петербург отказался, то инициативу движения должна взять на себя Москва"...»⁴⁰⁴. Конечно, не все студенты поддерживали идею забастовки. Были и те, кто полагал, что в университете не место политике. Однако большинство было настроено решительно на борьбу.

Многочисленные нелегальные собрания студентов проходили в различных высших учебных заведениях в январе — феврале 1902 г. На этих встречах обсуждались основные положения и детали политической программы студенческого движения и тактика проведения всеобщей забастовки. Относительно первой группы вопросов, помимо протеста против «Временных правил организации студенческих учреждений...» выдвигались требования полной свободы студенческих организаций, свободы слова и личной неприкосновенности. На уже упоминавшемся всероссийском студенческом съезде был принят манифест, текст которого был незамедлительно опубликован на страницах «Искры». Относительно организации студенческого движения были приняты следующие решения: «учреждение при всех высших учебных заведениях постоянных организационных комитетов, состоящих в сношениях с местными комитетами Российской Социал-демократической Партии... желательность учреждения общестуденческого секретариата (центрального бюро), который установил бы правильные сношения между отдельными организациями»⁴⁰⁵. Такой основательный подход к формированию структуры движения еще раз подчеркивал его политический характер. Местные

⁴⁰³ Искра. 1902. № 17. С. 8.

⁴⁰⁴ Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899-1907 гг. М., Мысль. 1971. С. 70.

⁴⁰⁵ Искра. 1902. № 18. С. 9.

революционные ячейки действительно возникали очень быстро и проникали в университеты. Так происходило внедрение революционных элементов в студенческие организации, своеобразное сращивание организации студенческого и революционного движений. Так формировались всевозможные революционные студенческие союзы и комитеты («Исполнительный комитет объединенных землячеств и организаций», «Союз молодой России» и т. д.), имевшие тесные связи с местными партийными ячейками (прежде всего, речь идет о РСДРП).

Что же касается тактики выступления, предполагалось начать с обструкции и забастовки, после чего, при поддержке других учебных заведений, перейти к полноценной демонстрации с участием рабочих. Кроме того, на съезде было высказано пожелание «заняться изысканием новых форм протеста»⁴⁰⁶.

В конце января — начале февраля забастовка развернулась во многих высших учебных заведениях. Около 30 тысяч студентов перестали посещать занятия. Показательно содержание листовки, распространявшейся слушательницами Бестужевских курсов: «Пока в России будет существовать нагайка и кулачная расправа, нет иной борьбы, кроме забастовок и демонстраций»⁴⁰⁷. Несмотря на все расширявшееся протестное движение, университетская администрация стремилась сохранить хотя бы внешний порядок, но это уже было практически невозможно. Так, например, 4 февраля в Киевском университете должна была состояться лекция ректора профессора Фортинского, на которую были приглашены министр народного просвещения Зенгер и попечитель округа Вельяминов-Зернов. Но в аудитории поднялся шум, несмотря на призывы к тишине. Попытка министра утихомирить студентов также оказалась безрезультатной. Ответные меры были вполне ожидаемы — 80 студентов были исключены из университета и высланы из города. С 5 февраля чтение лекций было прекращено ввиду отсутствия условий для продолжения занятий в прежнем режиме.

⁴⁰⁶ Искра. 1902. № 18. С. 9.

⁴⁰⁷ Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899-1907 гг. М., Мысль. 1971. С. 73.

Студенчество было твердо намерено придерживаться прежней тактики, подразумевавшей политический характер движения и тесное сотрудничество с рабочим классом. Об этом свидетельствуют прокламации соответствующей направленности, например, прокламация «Русским рабочим от студентов-пролетариев», в которой говорилось: «Мы не преувеличиваем своих сил. Мы понимаем, что настоящая сила — вы, товарищи, и что правительство так боится нас только потому, что, когда начинают бунтовать студенты, к нам присоединяетесь вы, рабочие»⁴⁰⁸. Еще 27 января в комнате студента А. Колмогорова состоялось заседание местного партийного «Исполнительного комитета» с участием представителей от Технического и Инженерного училищ, на котором было сообщено, что «рабочие согласны на совместные со студентами действия и ждут лишь указания о времени и месте демонстрации»⁴⁰⁹. О планировании демонстраций и их характере охранка была осведомлена заранее благодаря перехваченным письмам, в одном из которых говорилось: «В Киеве назначена уличная демонстрация на 3 февраля, в Санкт-Петербурге — на 5 февраля. Везде движение принимает открытый политический характер... На 9 февраля здесь предполагается общая сходка, а после нее уличная демонстрация... Представители здешних рабочих организаций вошли в сношения с комитетом и предлагают свои услуги к 9 числу в смысле общности действий... Вся Москва только и говорит о 9 февраля»⁴¹⁰. Таким образом, видно, что студенческое движение действительно претерпевало серьезные качественные изменения, превращаясь прежде всего в движение политическое. Таков характер сходок и демонстраций в 1902 г.

К сходке 9 февраля действительно тщательно готовились. В течение нескольких недель среди учащейся молодежи распространялись «Искра», листовки и прокламации студенческих организаций и Московского комитета РСДРП. Содержание прокламаций находилось в том же русле: пропагандировалась идея продолжения борьбы за политические свободы в

⁴⁰⁸ ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 29636.

⁴⁰⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 168. Д. 59, еженед. записка, 6 февраля 1902.

⁴¹⁰ Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899-1907 гг. М., Мысль. 1971. С. 80.

сотрудничестве с рабочим движением. «Исполнительный комитет объединенных землячеств и организаций» Московского университета опубликовал «Письмо рабочим», в котором содержался такой призыв к рабочим московских предприятий: «Товарищи! Соединяйтесь с нами, и тогда мы, сильные, объединенные, развернем знамя с надписью: "Да здравствует свобода!"»⁴¹¹ Активное участие в организации демонстрации в Москве приняли студенты университета В. Богородский, В. Воскобойников, А. Колмогоров, Б. Позерн, В. Руднев, А. Ховрин и др.

Сходка состоялась в назначенный день: к 12 часам в актовом зале Московского университета собралась толпа студентов⁴¹². А. Колмогоров выступил с предложением обсудить программу политических требований сходки, выработанную Исполнительным комитетом. В ответ около 100 представителей течения «академистов» демонстративно покинули помещение, что лишней раз наглядно показало отсутствие полного согласия среди учащейся молодежи.

В результате на сходке была принята резолюция, в которой перечень основных требований (о свободе печати, собраний, организаций, общедоступности образования и т. д., включая характерные уже для рабочих требования права стачек и 8-часового рабочего дня) предварялся разъяснением причин кардинальной перемены общей направленности студенческого движения: «Считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзию академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований»⁴¹³. В резолюции содержалось также обращение к широким слоям общества, декларировались причины выхода протестного движения на новый уровень, «на улицу»: «Не признавая настоящее правительство способным к преобразованию общественного строя на этих началах, мы обращаемся ко всей мыслящей России, считающей себя политически зрелой, с указанием о

⁴¹¹ Искра, № 16, 1 февраля 1902 вып. III, с. 6.

⁴¹² ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 71. Д. 78. Л. 1.

⁴¹³ Искра. 1902. № 18. Вып. III. С. 44-45.

своевременности созвания «Учредительного собрания». Общеполитическая программа заставляет нас вынести протест на улицу, где мы вместе с кадрами рабочих и общества готовы силой поддержать наши требования»⁴¹⁴. Впервые студенческое движение настолько сблизилось с рабочим, что учащая молодежь была готова вести решительную борьбу еще и за его интересы и открыто об этом заявить.

Вскоре после принятия данной резолюции, когда участники сходки перешли к обсуждению вопросов тактики, они узнали, что вокруг университета собирается полиция и солдаты. Было принято решение не вступать в открытое столкновение, а просто остаться в здании. Осведомленные о планах, касавшихся объединения студенчества и рабочих, полицейские власти Москвы приняли свои предупредительные меры: за выход на работу 9 и 10 февраля была объявлена двойная оплата. Помимо этого, на всякий случай силы полиции и армии оцепили несколько крупнейших московских предприятий.

В течение дня 9 числа обстановка, хотя и была напряженной, так и не вылилась в полномасштабный конфликт. Аресты начались ночью, а по приказу министра народного просвещения от 14 февраля участники сходки были исключены из университетов и институтов без права поступления в другие высшие учебные заведения. Еще через несколько дней было принято решение, согласно которому «668 участников политической сходки были высланы из Москвы в административном порядке, 135 участников и «подготовителей» сходки сосланы в Восточную Сибирь на срок от 2 до 5 лет, 567 студентов и курсисток заключены в тюрьму от 3 до 6 месяцев, 6 отданы под надзор полиции»⁴¹⁵.

Показательна история одного из организаторов сходки в Москве, студента-медика Московского университета Георгия Чулкова. За деятельностью революционно настроенных студентов велось наблюдение, отсюда и стало известно о собраниях в ноябре 1901 — январе 1902 г., в том числе и о встрече в квартире А. Колмогорова. Чулков, как и названные выше

⁴¹⁴ Искра. 1902. № 18. Вып. III. С. 44-45.

⁴¹⁵ Искра. 1902. № 19. Вып. III. С. 66.

Ховрин, Руднев, Позерн и др., присутствовал на всех этих собраниях⁴¹⁶. Однако на допросе он не признал себя виновным в подготовке февральской сходки, указав, тем не менее, что «по слухам, а также из бюллетеней, ходивших в Университете... был осведомлен о предстоящей демонстрации»⁴¹⁷. Любопытная деталь — при обыске у Чулкова обнаружили записку от другого студента, известного революционными взглядами (его имя также упоминалось в числе организаторов демонстрации). В записке говорилось: «Оставил тебе 2 р. 50 коп. для известной цели. В. Богородский». Наличие этой загадочной записки Чулков объяснил легко, но не слишком правдоподобно: «Вероятно, я просил займы, и В. Богородский оставил эту таинственную записку для того, чтобы не конфузить меня перед моим отцом»⁴¹⁸. Чулков был выслан в Якутскую область, где служил фельдшером, до 1 июля 1903 года, когда ему и его товарищам было разрешено вернуться в Европейскую Россию «в избранные для жительства места, помимо университетских городов, Риги, Ярославля, Екатеринослава и Новой Александрии, с оставлением... под надзором полиции до 1 марта 1904 г.»⁴¹⁹

В таких условиях тяжелее всего, пожалуй, приходилось родителям высланных студентов. Помимо естественных волнений за судьбу сына, имели место и другие факторы. Порой с высылкой студента в Сибирь его семья в буквальном смысле теряла опору. К примеру, у Георгия Чулкова остался 70-летний отец, который после смерти жены и в результате тяжелой болезни четыре года не выходил из дому, и сестра, ученица гимназии. Иван Иванович Чулков, статский советник, неоднократно обращался к императору с просьбой смягчить наказание единственному сыну: «...умоляю Вас, Государь, смягчить наказание моему единственному сыну... не касаясь вины его, я утверждаю, что сын мой, несмотря на юношеские увлечения, всегда все-таки оставался верноподданным Вашего императорского величества»⁴²⁰. Однако эта просьба,

⁴¹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 102. 3-е делопроизводство. 1904 г. Д. 292. л. 3 об.

⁴¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 102. 3-е делопроизводство. 1904 г. Д. 292. л. 1 об.-2.

⁴¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 102. 3-е делопроизводство. 1904 г. Д. 292. л. 2.

⁴¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 102. 3-е делопроизводство. 1904 г. Д. 292. л. 19.

⁴²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 102. 3-е делопроизводство. 1904 г. Д. 292. л. 9.

как и повторное прошение отца бывшего студента о разрешении Георгию поселиться в своей семье после возвращения из Сибири, осталось без удовлетворения. Только в сентябре 1903 г. Георгию Чулкову позволили на неделю приехать в Москву «для принятия завещания» после смерти отца, но просьбу бывшего студента об отмене запрета на проживание в университетских городах (ему нужна была возможность посещать Императорскую библиотеку в Санкт-Петербурге) оставили без последствий⁴²¹.

Показательна и история другого высланного студента — Ильи Вейнштока, арестованного в ночь с 6 на 7 февраля 1902 г. При обыске у него было обнаружено воззвание Исполнительного комитета, стихотворение «преступного революционного содержания» и письмо из заграницы «конспиративного содержания»⁴²². Разумеется, Илья Вейншток виновным себя не признал и сообщил, что найденные в его доме вещи получил «в стенах университета от своих товарищей студентов»⁴²³. Бывший студент был выслан в Иркутское генерал-губернаторство. Однако уже с 1 июля 1903 г. ему было позволено поселиться в Европейской России, а именно в Нижнем Новгороде, где проживал его отец. За ним был установлен гласный надзор полиции, согласно сведениям которого Вейншток «ни в чем предосудительном в поведении не замечался, но не прекратил сношения с лицами одинакового с ним направления»⁴²⁴. С 1 марта 1904 г. Вейншток освобождался от надзора полиции, но еще в течение года ему запрещалось жительство в Москве. Но юноша не дожидаясь окончания этого срока. 10 марта 1904 г. «в городе Нижнем Новгороде в Александровском саду... выстрелом из револьвера в левый бок лишил себя жизни бывший студент Московского университета Илья Матвеев Вейншток. Причина самоубийства пока не выяснена, при нем найдена записка следующего содержания: “Прошу в моей смерти никого не винить”»⁴²⁵.

Ссылка в Сибирь была привычным методом борьбы с мятежниками.

⁴²¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 102. 3-е делопроизводство. 1904 г. Д. 292. л. 38, 43, 53, 55.

⁴²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 102. 3-е делопроизводство. 1904 г. Д. 287. Л. 2.

⁴²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 102. 3-е делопроизводство. 1904. Д. 287. Л. 2.

⁴²⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 102. 3-е делопроизводство. 1904. Д. 287. Л. 21.

⁴²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 102. 3-е делопроизводство. 1904. Д. 287. Л. 25.

Однако все чаще раздавались голоса, указывающие на обратный желаемому эффект этого средства. С.Н. Трубецкой, близко к сердцу принимавший жизнь учащейся молодежи, писал Ванновскому: «Русская молодежь невоспитана, необузданна, развращена, но, слава богу, она не подла и не труслива... она способна жертвовать собою за то, во что она верит... при изменившихся условиях воспитания русское юношество даст лучшие плоды. Оно не побоялось солдатчины, оно не побоится и ссылки»⁴²⁶. Сергей Николаевич настойчиво призывает перейти от репрессивных мер к реформам с целью создать в университете условия для полноценной академической жизни. «Ссылка... в лучшем случае... вызовет лишь временное ошеломление, под которым будет разгораться непримиримая ненависть...»⁴²⁷ Справедливость этих слов власти еще предстояло почувствовать.

К середине весны забастовка в целом завершилась, тем более что большинство лидеров и вдохновителей подверглись аресту и высылке из города. Университетский Совет принял решение не приостанавливать занятия, чтобы студенты, желающие продолжить заниматься, имели такую возможность⁴²⁸. Однако локальные обструкции лекций все еще имели место, из-за чего нормальное течение занятий восстанавливалось с большим трудом.

На фоне затихания студенческих выступлений особенно громко прогремели выстрелы студента Степана Балмашева, имевшего тесные связи с организацией социалистов-революционеров. От смертельных ран погиб министр внутренних дел Д.С. Сипягин. Вот что записал о министре В.Г. Короленко в своем дневнике: «По общим отзывам - смерть Сипягина не вызвала сожаления ни в каких кругах. Говорят, умер он мужественно. В газетах приводятся его слова: "Я никому не сделал зла". В этих словах весь человек - ограниченный, неразвитой, с мирозерцанием ретроградного предводителя дворянства, по капризу российской судьбы призванный управлять огромным государством в тяжелое время, - он знал только интересы дворянства и кроме

⁴²⁶ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 8. л. 6.

⁴²⁷ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 8. л. 5.

⁴²⁸ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 71. Д. 78. Л. 15.

них - ничего и никого не видел»⁴²⁹. Балмашев, подобно Карповичу, стал героем. Он также не сообщал о своей принадлежности к партии социалистов-революционеров. Однако, в отличие от Карповича, убийца министра внутренних дел был повешен в мае того же года. «Говорили достоверные люди, что Балмашева уговаривали написать просьбу о помиловании, ручаясь за успех. Нужна была только формула: "в виду несовершеннолетия и чистосердечного раскаяния"... Балмашев наотрез отказался»⁴³⁰.

Так проявила себя быстро крепнувшая связь студенчества и революционных организаций, ведь Балмашев, помимо сотрудничества с социалистами-революционерами, был, если можно так выразиться, потомственным революционером: его отец Валериан Александрович Балмашев был народником, политическим ссыльным. Этот новый террористический акт наглядно показал, что противостояние общества и власти не только не утихает, но наоборот набирает силу. Он продемонстрировал рост политизации студенчества, укрепление его связей с революционерами, их общую способность и готовность не только выставлять политические требования в ходе стачек и демонстраций, но и совершать конкретные решительные действия, вплоть до самых радикальных мер.

27 августа 1902 г. «Временные правила об организации студенческих учреждений...» были отменены циркуляром министра народного просвещения. Это событие явилось непосредственным результатом сходимости, отчетливо показав растерянность властей, их метание из стороны в сторону — от ужесточения курса до послабления и обратно. Однако эти меры властей уже не могли сдержать нараставшую волну общественного протеста: студенческое движение раз и навсегда вышло из сферы чистого академизма. Молодежь осознала, что без коренного изменения политического строя, кардинальных реформ в этой области никакие позитивные преобразования в университете невозможны. Кроме того, студенты увидели, что они не одиноки в своих стремлениях, и наличие общности целей с рабочими и революционерами, их взаимная

⁴²⁹ Короленко В.Г. Дневник (1898-1901). 30 апреля 1902. М.: 1928.

⁴³⁰ Короленко В.Г. Дневник (1898-1901). 30 апреля 1902. М.: 1928.

поддержка, безусловно, сыграли важную роль в развитии и укреплении движения, идейная основа которого окончательно приобрела политический характер.

Немаловажным фактором растущей «пожароопасности» в университете и обществе в целом была борьба внутри студенчества, которая, обострившись еще в конце 1901 г., со временем только усиливалась. По одну сторону баррикад стояли радикально настроенные студенты, приветствующие соединение движения студенческого с рабочим, а по другую – сторонники обособления учащейся молодежи от пролетариата и движения по легальному пути. Обе группы распространяли многочисленные прокламации. К примеру, в ноябре 1901 г. появилась листовка группы «Протест» (Московский университет): «Товарищи, не тратьте сил на академическую борьбу, выставляйте требования более широкие, требования политической свободы и вы найдете себе поддержку как со стороны рабочих, так и радикальной интеллигенции. Добивайтесь свободы политической и тогда только вы будете иметь свободу академическую»⁴³¹. В прокламации «Группы сторонников академической свободы» (также Московского университета) говорилось: «Наша цель — борьба академическими средствами на академической почве за университетскую свободу, как средство и осуществления культурно-просветительской роли университета. Мы относимся отрицательно ко всякому участию университета в политической деятельности»⁴³². Сторонники академической (университетской) свободы четко определяли, что понимают под этой свободой: «1) право университета на независимость от административных воздействий, разрешение возникающих в его среде в связи с академической жизнью, вопросов; 2) свободу организаций на академической почве; 3) свободу преподавания»⁴³³. Разъяснялся и смысл понятия борьбы на

⁴³¹ История Московского университета. М.: 1955. т. 1, С. 509.

⁴³² ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 3. л. 1.; ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 91. Л. 107.

⁴³³ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 3. л. 1.; ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 91. Л. 107.

академической почве и академическими средствами. По убеждению сторонников университетской свободы, такая борьба «ведется силами только университетскими, т. е. профессорами и студентами и которая поднимается университетом и за университетские интересы»⁴³⁴.

Университеты, в том числе и Московский, оказались политизированы до предела. Учебные проблемы уходили на задний план, все чаще уступая места политическим дебатам. Под давлением сложившейся обстановки, число так называемых «академистов» неуклонно уменьшалось, что, разумеется, сопровождалось быстрым ростом числа «политиков».

В этих условиях революционные организации, и прежде всего РСДРП, развернули еще более активную пропаганду среди студенчества. Редакция газеты «Искра» изо всех сил подталкивала студенчество к новым демонстрациям, убеждая смелее и решительнее выставлять правительству именно политические требования:⁴³⁵ «...Мы поощряли студентов, начинавших понимать необходимость политической борьбы и переходивших к таковой». Так, в феврале 1903 г. московский комитет партии агитировал студентов провести очередную уличную демонстрацию совместно с рабочими. Однако предупредительные меры полиции, арестовавшей около 30 лидеров выступления, сорвали планы революционной молодежи. Лозунги «Долой самодержавие!», «Да здравствует рабочее движение!» и «Да здравствует социализм!» звучали в февральских демонстрациях в Томске и Екатеринославе.

Знаковым событием этого периода стала сходка петербургских студентов, состоявшаяся 18 марта в университетской столовой. Характерно, что причины собрания лежали вне сферы академической жизни, а имели яркую политическую окраску. По сути, сходка была ответом на репрессии со стороны властей в отношении участников демонстраций – как студентов, так и рабочих. Можно сказать, что недавно установившаяся тесная связь студенческого и рабочего движений впервые проявилась настолько выпукло и очевидно, что интересы рабочих не просто оказались в поле зрения студенчества, но и вышли

⁴³⁴ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 91. Лл. 107-107 об.

⁴³⁵ Ленин В.И., Полн. Собр. Соч., т. 6, с. 94.

на первый план. На сходке приняли решение собрать митинг для разработки плана борьбы с режимом. В ответ правительство закрыло университет на неопределенный срок. В целом же, протестное движение в Петербурге заметно оживилось. Последовали новые сходки и демонстрации в Москве и Киеве, проведенные не без участия революционных организаций. Общий лейтмотив выступления был таким: студенчество считало себя частью революционного движения и придерживалось радикальных взглядов, выказывало готовность к самым решительным методам протеста. Кроме того, учащая молодежь выразила всеобщее недовольство манифестом царя от 26 февраля, в котором Николай II сетовал на смуту и беспорядки, призывал народ к спокойствию и покорности.

Очередной (третий по счету) всероссийский студенческий съезд состоялся в ноябре 1903 г. в Одессе, на котором присутствовали представители 19 высших учебных заведений из 6 университетских городов страны⁴³⁶. Съезд констатировал растущую политизированность студенческого движения и важную роль революционных организаций в этом процессе. В резолюции говорилось, что по средствам борьбы студенческие выступления «сделались политическими, содержание — революционным, а студенческим движение осталось лишь по составу»⁴³⁷. Съезд рекомендовал студенчеству продолжать решительно выдвигать политические требования, придерживаться прежней тактики и выбирать наиболее эффективные способы борьбы с царским режимом: митинги, сходки, уличные демонстрации, в том числе и совместные с рабочими.

Знаковое решение, добавлявшее дополнительный оттенок в палитру отношений студентов с революционерами, было принято на II съезде РСДРП, который «отметил оживление революционной самодеятельности среди учащейся молодежи и предложил всем организациям партии оказывать

⁴³⁶ Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899-1907 гг. М., Мысль. 1971. С. 101.

⁴³⁷ Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899-1907 гг. М., Мысль. 1971. С. 102.

всяческое содействие молодежи в ее стремлении организоваться»⁴³⁸. Тот факт, что вопрос о студенческом движении специально разбирался на съезде, безусловно, говорит о серьезном отношении партии к этой проблеме. Партия видела силу студенческого движения в сочетании с рабочим и поэтому, как уже говорилось, всячески способствовала их объединению. А рабочее движение набирало обороты: в 1903 г. произошел целый ряд крупных выступлений политического характера: всеобщая стачка рабочих Ростова-на-Дону, первомайские стачки и демонстрации рабочих Баку, Батуми; всеобщая стачка рабочих городов юга России летом 1903 г. Последняя ознаменовала начало перехода от отдельных актов протеста к борьбе общероссийского уровня.

Студенчество остро реагировало на общественно-политическую обстановку и откликалось на революционные призывы. Несмотря на то, что в 1903-1904 учебном году занятия в университетах шли почти без перерывов, хрупкое спокойствие было лишь внешним. Социал-демократическая партия занимала лидирующие позиции в рамках студенческого движения, ставшего на революционный путь, что подтверждается характером решений, принимаемых на общестуденческих съездах. Так, на съезде в 1903 г. было принято решение о необходимости разворачивания широкой пропаганды среди студенчества с целью привлечь как можно больше молодых людей к движению. Кроме того, отдельно обсуждался вопрос о новых формах выражения своих требований. Были приняты следующие средства борьбы с режимом: 1) систематические агитационные сходки в зданиях учебных заведений, 2) агитационные митинги на публичных лекциях, 3) демонстративные забастовки в дни важнейших общественных событий (8-19 февраля, 1-3 мая и др.), 4) уличные демонстрации, как чисто студенческие, так и совместно с другими общественными группами. Обсуждалась даже вероятность вооруженных демонстраций, правда, «лишь после предварительных переговоров с местными комитетами партий»⁴³⁹.

С началом русско-японской войны спектр политических требований

⁴³⁸ Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899-1907 гг. М., Мысль. 1971. С. 109.

⁴³⁹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 93. Л. 63.

молодежи заметно обогатился. И без того раздраженная молодежь не разделяла правительственных ожиданий благотворного эффекта «маленькой победоносной войны». Показательна история, произошедшая в середине октября на Ярославском вокзале во время проводов на войну. Сами студенты говорили об «избиении» их со стороны полиции. Полицейские же указывали на вызывающее поведение студентов Московского Университета и курсисток, пришедших провожать своих товарищей. Толпа в 200 человек собралась в зале первого класса вокруг студента, державшего пламенную речь революционного характера: «многие из нас собрались, чтобы проводить близких своих знакомых, отправляющихся для борьбы с врагом внешним, но не надо забывать, что остающимся здесь следует бороться с врагом внутренним, которым является наше правительство... Надеюсь, что с окончанием войны окончится и этот полицейский административный порядок... долой самодержавие»⁴⁴⁰. Попытка жандарма задержать оратора привела к драке. На следующий день студенты устроили демонстрацию и прошли по Никитской улице с пением «марсельезы» и флагом (в роли флага выступила красная рубашка одного из демонстрантов). Помимо этого импровизированного революционного флага двое студентов несли развернутое (также в виде флага) полотенце с надписью «долой войну». Демонстрация была разогнана полицией, при этом никого не арестовали⁴⁴¹.

Студенческие организации и комитеты РСДРП издавали многочисленные листовки антивоенного содержания, в которых обличалась поддержка властей студентами-белоподкладочниками. Активно распространялись листовки РСДРП с призывами к сплоченному противостоянию режиму плечом к плечу: «горячо просим вас не забывать наш всегдашний призыв «организовуйтесь», дабы не оставаться гласом вопиющего, и в моменты грозного восстания рабочего класса вступить в его ряды...» (листовка «К учащейся молодежи», 19 октября 1904 г.)⁴⁴². Упоминания о наличии подобных листовок в университетских

⁴⁴⁰ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 94. Л. 38.

⁴⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 94. Л. 38 об.

⁴⁴² ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 94. Л. 40.

аудиториях то и дело встречались в докладных записках ректоров.

Социал-демократическая организация Петербургского университета пошла еще дальше и, сославшись на решения III общероссийского студенческого съезда, разрешившего формирование коалиционных советов для лучшей организации сил, инициировала создание такого органа. В Коалиционный совет, созданный в феврале 1904 г., вошли представители студенческих демократических организаций, во главе которых стояли социал-демократы. Целью совета стала организация и проведение антиправительственных сходок.

Оживленные дискуссии по поводу отношения к начавшейся войне проходили в аудиториях высших учебных заведений по всей стране. Использовались все возможные средства: сходки и митинги, обсуждения в студенческих кружках, печать листовок и прокламаций. За антивоенную пропаганду были исключены многие студенты Московского и других университетов.

Любое проявление поддержки правительственного курса со стороны университета вызывало резкую реакцию активного студенчества. Ярким примером послужил верноподданнический адрес Николаю II от Совета профессоров Бестужевских курсов, где отмечалось единодушие слушательниц по вопросу о войне. Единодушие действительно имело место, однако характеризовалось прямо противоположной направленностью: курсистки были возмущены и собрали сходку, на которой выразили недовольство профессорской коллегией. В результате в апреле более 200 человек были исключены.

По мере развития событий на фронте недовольство войной становилось все сильнее, а правящие круги вызывали все большее раздражение.

В августе 1904 г. на пост министра внутренних дел был назначен П.Д. Святополк-Мирский. Еще в период министерства Плеве, известного жесткой репрессивной политикой и убитого в июле 1904 г. эсером Егором Созоновым, Святополк-Мирский неоднократно заявлял, что не разделяет взглядов

министра. При Плеве Святополк-Мирский был назначен Виленским, Ковенским и Гродненским генерал-губернатором. Определенное влияние на итоговое решение Николая II о назначении именно Святополк-Мирского министром внутренних дел оказала императрица Мария Федоровна, которая благоволила скорее мягкой политике губернатора, нежели репрессиям Плеве. В контексте общего курса самодержавия этого времени данное назначение выглядело необычно, и даже сам Святополк-Мирский просил императора не назначать его министром, но Николай настоял.

Заняв новую должность, он отправил в отставку ближайших помощников Плеве⁴⁴³ и в речи по случаю вступления на этот ответственный пост пообещал действовать в соответствии с либеральными установками: «Административный опыт привел меня к глубокому убеждению, что плодотворность правительственного труда основана на искренно благожелательном и истинно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы можно получить взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного успеха в деле устройства государства»⁴⁴⁴. Так началась «эпоха доверия» министерства Святополк-Мирского.

Однако расстановка сил в правительстве была такова, что либеральные устремления одних вызывали тревогу других и потому чаще всего ни во что не воплощались. К примеру, известный своим консерватизмом, министр юстиции Н.В. Муравьев предостерегал нового министра от потворствования либералам и радикалам, считая, что «дарование самоуправления Университетам... равносильно с упразднением над ними правительственной власти и приведет к тому, что преподавание в высших учебных заведениях примет еще более противообщественный и противогосударственный характер»⁴⁴⁵. Тревожным сигналом Муравьев называет то, что в Московском университете уже зашла речь о возвращении на кафедры либеральных профессоров Муромцева,

⁴⁴³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. — М.: «Новое литературное обозрение», 2000. — 810 с.

⁴⁴⁴ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. — М.: РОССПЭН, 2007. — 680 с.

⁴⁴⁵ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1059. л. 48 — 48 об.

Ковалевского, Милюкова и пр., известных поддержкой недовольных правительством студентов. В перспективе Муравьев видел опасность для самих основ политического строя государства, предполагая, что, получив автономию университетскую, студенты затем потребуют того же «не только для Земств и Городских Дум, но и для общегосударственных установлений со сходками для выбора избирателей в правительственные учреждения»⁴⁴⁶. Нельзя сказать, что эти предположения были лишены оснований. В земствах, не говоря уже о студенчестве, реформы, которые предоставили бы им действительные возможности для участия в управлении страной, были желательны и ожидаемы уже давно.

Немалое беспокойство высказывает Муравьев и относительно налаживания тесных связей между студенчеством и рабочим классом. Лидером в распространении идей социализма он называет Московский университет. Студенты и преподаватели университета, по его мнению, всячески стараются подорвать основы порядка в стране, мирного течения жизни, используя для этого самые разные средства: «Из этой среды выходят и земские статистики, пропагандирующие у нас о малоземелье крестьян, крестьянских переселениях... и фабричные инспектора, сильно обострившие у нас вопрос об отношениях между рабочими и фабрикантами... Фабричные инспекторы, пользуясь своим авторитетом, ставят своих надзирателей за рабочими, а те допускают, под предлогом работ, в среду последних студентов...»⁴⁴⁷. Пишет Муравьев и о распространении идей социализма в рабочей среде, чему в немалой степени способствовали студенты. О многочисленных нитях, связывавших студентов и рабочих в единую силу, противостоявшую правительству, также свидетельствуют другие источники, упомянутые в данной главе.

Тем временем, как и ожидалось, либералы встретили назначение Мирского радостным воодушевлением, в надежде на грядущие реформы. Новый министр получил множество приветствий и поздравлений как от частных лиц, так и от учреждений. В этих адресах земства выражали надежду

⁴⁴⁶ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1059. л. 59.

⁴⁴⁷ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1059. л. 59 об.

на то, что «взаимное доверие» правительства и общества воплотится в жизнь в конкретных очертаниях. Петр Дмитриевич начал с того, что распорядился выделить в отдельное ведомство всю полицейскую работу и передал её под руководство товарища министра, командира Отдельного корпуса жандармов К. Н. Рыздзевского⁴⁴⁸.

В этих условиях земские деятели решили организовать съезд для обсуждения необходимых государственных реформ. Несмотря на то, что попытка министра получить Высочайшее разрешение не увенчалась успехом, собрание состоялось в ноябре 1904 г.⁴⁴⁹

Из протоколов заседаний земских деятелей в Петербурге видно, что корень кризиса в системе управления, по мнению земцев, лежит в «полной разобщенности правительства с обществом и в отсутствии необходимого в государственной жизни взаимного между ними доверия»⁴⁵⁰. Принимая во внимание сложившуюся сложную ситуацию в государстве, большинство земских деятелей высказало следующее мнение: «Необходимо правильное участие народного представительства, как особого выборного учреждения, в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации»⁴⁵¹. Святополк-Мирский полностью одобрил резолюцию съезда и в начале декабря обратился к Николаю II с просьбой собрать правительственное совещание под своим председательством. Предметом обсуждения должна была стать программа реформ. Эта программа была изложена в особой записке, составленной по поручению Мирского С.Е. Крыжановского. Основным пунктом проекта было введение в Государственный совет «выборных представителей от общественных учреждений»⁴⁵². Это положение воплощало в жизнь то самое «взаимное доверие», которого можно было достичь путем включения выборных представителей в сферу

⁴⁴⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. — М.: «Новое литературное обозрение», 2000. — 810 с.

⁴⁴⁹ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II: т. 1: В 2-х ч. - Белград, 1939. С. 254-255.

⁴⁵⁰ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 141. л. 1.

⁴⁵¹ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 141. л. 2 об.

⁴⁵² Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II: т. 1: В 2-х ч. - Белград, 1939. С. 256.

законодательной деятельности. По существу, таким образом можно было сделать первый шаг к конституционному строю.

Однако на совещании позицию Святополк-Мирского поддержали только председатель департамента государственной экономики Государственного совета Д.М. Сольский и действительный тайный советник, будущий председатель Государственного совета Э.В. Фриш.

В результате подписанный императором проект был лишен ключевого пункта о выборных представителях, потеряв таким образом свое основное значение. 12 декабря 1904 г. указ «О мерах к усовершенствованию государственного порядка» был опубликован и, что вполне закономерно, вызвал глубочайшее разочарование общества. В правительственном сообщении отдельному осуждению подверглись проходившие недавно общественные собрания⁴⁵³, которые впредь обещали разгонять с помощью полиции⁴⁵⁴. Земствам было запрещено обсуждать политические вопросы⁴⁵⁵. Крах надежд на долгожданные реформы ознаменовали в общественном сознании новый этап реакции. Раздражение было тем сильнее, чем ярче были эти надежды.

Вероятно, столь резкий перепад настроения в меньшей степени затронул студенчество, которое, будучи тесно связано с революционным движением, почти не проявило сочувствия к деятельности Святополк-Мирского. Осенью 1904 г. петербургский комитет РСДРП призвал студенчество выйти на митинг вместе с рабочими с требованиями прекращения войны и созыва Учредительного собрания. Демонстрация состоялась в конце ноября и была разогнана полицией. Вскоре в университете состоялась сходка, на которой было принято ставшее уже традиционным решение продолжать революционную борьбу.

⁴⁵³ Речь идет о многочисленных общественных собраниях, состоявшихся после Земского съезда по инициативе нелегальной организации «Союз освобождения». На этих собраниях уточнялись и расширялись положения резолюции, принятой на съезде. В частности, звучали требования созыва Учредительного собрания и принятия конституции. На некоторых собраниях появлялись представители революционных организаций. Начинались митинги, но полиция не предпринимала никаких карательных мер. Эти события способствовали укреплению надежды общества на скорые перемены.

⁴⁵⁴ Белокопский И.П. Земское движение. — М.: «Задруга», 1914. — 397 с.

⁴⁵⁵ Законодательные акты переходного времени 1904-1908 гг. \ Россия. Законы и постановления. - Спб, 1909. С. 3-6.

В декабре состоялась сходка московских студентов, откликнувшихся на события в столице. В подготовке очередной демонстрации молодежи помогали эсеры и социал-демократы, однако выступление было остановлено полицией почти в самом начале⁴⁵⁶.

Следует отметить, что, несмотря на стремление революционных организаций отрезать студенчество от малейшего влияния либералов, им не удалось достичь своей цели полностью. Конечно, рост числа революционно настроенных студентов несомненен, но сохранение противоречий между различными группами молодежи доказывают отсутствие полного единства в их рядах. Достаточно вспомнить февральскую сходку в Москве, состоявшуюся в 1902 г., когда группа студентов покинула собрание в знак протеста против принимаемых решений.

Во время беспорядков, сотрясавших университет, некоторые преподаватели, понимая причины недовольства студентов, категорически выступали против их методов. Таким был Сергей Николаевич Трубецкой. «Поймите, против кого вы боретесь, бастуя, - говорил он с какой-то тоской, прижимая руки к груди. - Против правительства? Нет! против университета. Вы бьете только нас и самих себя!»⁴⁵⁷ «Внешними репрессиями, - писал он еще в 1897 г., - нельзя добиться самого главного и необходимого - внутренней нравственной реформы студенчества: нужно изменить самую атмосферу, в которой оно живет, сделать ее лучшею в глазах самих студентов. Нужно создать такую форму студенческого общения на почве чисто университетской, которая могла бы удовлетворить всем лучшим и законным требованиям, потребностям студенчества. Нужно не разделять его, не дезорганизовать, не противиться естественному стремлению к взаимному общению, а наоборот, сплотить студенчество в организацию чисто академическую, нравственно сильную, солидарную с университетом, объединить его во имя высшей цели -

⁴⁵⁶ Завадский Н.Г. Студенчество и политические партии России в 1901-1914 гг. Спб, 1998. С. 52.

⁴⁵⁷ Вопросы философии и психологии, кв. 1, 1906 г. Воспоминания Анисимова.

наилучшего приготовления к общему служению родной земле»⁴⁵⁸. Невольно вспоминаются слова М.Н. Каткова, вдохновителя устава 1884 года, о том, что в университетах учатся будущие российские чиновники, слуги государства, правительства. Сергей Николаевич же говорил о «служении родной земле», которое по сути своей неизмеримо более многогранно и наполнено смыслом и содержанием. Это не служба чиновника, слепая и послушная начальству, а осознанная работа, посвящение себя своей стране.

Исторический кружок под руководством Трубецкого, хоть и просуществовал недолго, дал начало новому, более крупному академическому объединению студентов и преподавателей. 24 февраля 1902 г. на встрече с представителями партии «академистов» и некоторыми профессорами было принято решение о возобновлении занятий на новом уровне. В результате появилось Историко-филологическое общество, устав которого был разработан и утвержден уже в марте. В этом участвовали студенты под руководством Трубецкого, который был избран председателем общества. Секретарем общества стал А.А. Анисимов. Общество ставило перед собой цели содействия научному саморазвитию студенчества, а также достижения единения профессоров и студентов на научно-исследовательской почве, налаживания живого общения между ними⁴⁵⁹.

Торжественное открытие Историко-филологического общества состоялось 6 октября 1902 г. в Большой физической аудитории Московского университета в присутствии большого количества студентов и преподавателей. Несмотря на то, что с самого начала существования общества многие студенты активно поддерживали эту инициативу (в марте насчитывалось около 800 членов общества), немало было и недоброжелателей, находившихся под влиянием революционных течений, глядевших на «академистов» либо как на серую безвольную массу, достойную разве что презрения, либо как на врагов великого дела революции. Еще одна причина, по которой Сергей Николаевич шел на открытие общества в большом волнении, по свидетельству его сестры,

⁴⁵⁸ Трубецкой С.Н. Университет и студенчество. /Собр. Соч., т. 1.; Русская Мысль, 1897 г.

⁴⁵⁹ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 6. л. 3.

состояла в том, что любое «неосторожно сказанное слово, малейшая бестактность могла бы скомпрометировать Общество в глазах правительства и при наличии горючих материалов разрастись в новую студенческую историю»⁴⁶⁰. Находясь «меж двух огней», необходимо было проявлять осторожность, чтобы это начинание принесло ожидаемые плоды. Довод в пользу создания такого общества, высказанный Трубецким в обращении к ректору, звучал так: «Оно будет содействовать объединению лучшей части студенчества историко-филологического факультета на почве чисто академических интересов, а тем самым окажет благотворное влияние и на сторонников академического порядка в других факультетах»⁴⁶¹. Призывая студентов к участию в деятельности общества, отказу от чуждых университету политических акций в пользу учебных и научных занятий, Трубецкой говорил: «Мы нуждаемся... в реформе жизненной, изнутри идущей, нужен подъем академической жизни, увеличение производительности университетского труда. Нельзя складывать всю вину на "независящие от нас обстоятельства"... мы должны делать больше, чем мы делаем, и давать больше, чем даем, для того, чтоб университет исполнил свою настоящую миссию и сделал науку реальной и живительной общественной силой, созидающей и образующей»⁴⁶².

Вместе с тем, Сергей Николаевич требовал от студенчества высокого чувства ответственности за свои поступки, ждал от него проявления нравственной зрелости, серьезного подхода, глубокого осознания важности начинания как для университета, так и для них самих, и для страны в целом. Защищая идею свободы преподавания и самообразования студенчества, Трубецкой прекрасно понимал, что любая свобода подразумевает ответственность за ее содержание. Создавая оазис академической свободы с перспективой распространения на другие факультеты, а затем и на другие университеты, он ждал от учащейся молодежи деятельности созидательной, предоставлял им возможность показать, что они смогут совершить, обладая той

⁴⁶⁰ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). С. 50.

⁴⁶¹ Цит. по: Левандовский А.А. «Умиритель студентов» \\ Побег с вертикали. Псков, 2005. С. 381.

⁴⁶² Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 50-51.

свободой, за которую так горячо борются, как воспользуются предоставленными правами. Князь стремился пробудить в студентах чувство долга перед университетом. Стоит повторить, что разработкой положений устава Историко-филологического общества, по сути, занимались сами студенты. «Вам дана академическая организация, свободная, ничем не стесненная, широкая, соответствующая уставу, который вы сами выработали: вам дана возможность широкой академической деятельности в стенах университета; вам даны обширные средства для достижения ваших целей; вам никто не хочет мешать, напротив, все готовы вам помогать, когда вы этого пожелаете, но вместе с тем вам предстоит показать, что вы можете сделать, вам предстоит показать перед университетом, насколько вы зрелы в смысле общественном, и насколько свободная академическая организация представляет более прочные гарантии порядка, чем всякая другая. Итак, господа! Оправдайте наши лучшие надежды и не посрамите тех, кто верит в ваше дело. Отпраздновав сегодняшний праздник, обратимся к дружной совместной и плодотворной работе»⁴⁶³.

Деятельность общества была весьма разнообразна. Оно состояло из нескольких секций: философской, исторической, историко-литературной и общественных наук. Члены общества занимались изданием переводов философских трудов Аристотеля и Канта, выпускали сборники статей преподавателей и студентов, формировали собственную библиотеку. Как раз с просьбой передать в эту библиотеку какую-нибудь авторскую работу весной 1903 г. С.Н. Трубецкой обратился к Б.Н. Чичерину, которого члены общества, к слову, избрали своим почетным председателем (за согласием профессора занять эту позицию так же обращается создатель и председатель общества). В этом письме Сергей Николаевич назвал свое детище «оплотом академической свободы» для студентов, которые «приглашают, кого хотят, слушают, кого хотят, занимаются, чем хотят», и поэтому «забастовки и "обструкции" против общества не должны иметь места, оно создано самими студентами, и во время

⁴⁶³ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 52.

беспорядков его деятельность не должна прекращаться»⁴⁶⁴.

Борис Николаевич Чичерин ответил согласием на предложение стать почетным председателем общества. Сестра С.Н. Трубецкого так описывает встречу старого профессора с членами общества: «Осенью 1903 г. ...С. Н. с делегацией студентов от Историко-филологического Общества посетил приехавшего в Москву Б. Н. Чичерина, избранного почетным председателем Общества. Больной, разбитый параличом, он заплетающимся, слабым языком ответил на приветствие, сказанное ему студентом Херасковым от лица делегации, как старейшему представителю и борцу за академическую свободу. С. Н. рассказывал нам после, что он рад был, что студенты не расслышали речи Бориса Николаевича, смысл которой был весьма воинственный»⁴⁶⁵. Принимая во внимание взгляды, которые высказывал Чичерин в ходе дискуссии по поводу введения университетского устава 1884 года, можно предположить, что и в 1903 году его позиция осталась твердой.

Итак, в обращении со студентами Сергей Николаевич сочетал строгий и основательный подход с искренним участием, поддержкой и непринужденной, душевной атмосферой. Все это сразу располагало к нему молодых людей. Здесь можно вспомнить уже приводимые в предыдущей главе записи Анисимова о занятиях исторического кружка, а также обратиться к воспоминаниям сестры князя, содержащим ряд подобных эпизодов: «Несмотря на всю разницу положения, возраста и познаний, - говорил один из его учеников, Б. Фохт, - С. Н. в своем обращении с нами всегда умел оставаться для нас как бы старшим товарищем... в самом его существовании было что-то молодое, светлое, располагающее к доверию... Он хотел и умел пробудить в нас веру в наши силы и энергично призывал нас к самостоятельному труду: он требовал, чтоб в наших университетских занятиях мы старались, по возможности, держаться на собственных ногах и были всецело преданы делу науки»⁴⁶⁶. М.П. Поливанов, другой студент Трубецкого, писал о нем: «Каждый, кто к нему приходил...

⁴⁶⁴ Письмо С.Н. Трубецкого Б.Н. Чичерину \\Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 215.

⁴⁶⁵ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 54.

⁴⁶⁶ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 55-56.

видел в нем учителя, готового сделать все возможное для ученика, и проникнутого горячим стремлением не дать заглухнуть пробудившимся интересам. Это первое впечатление глубокого доверия и признательности постоянно усиливалось и росло по мере того, как продолжалось знакомство с ним, и переходило в чувство сильнейшей привязанности, так как С. Н. не только был руководителем научных занятий, но готов был горячо откликнуться на всякую нужду, на всякий запрос ищущего, хотя бы он и выходил из сферы чисто научных интересов»⁴⁶⁷. Впечатлениями о лекциях Сергея Николаевича делился историк и литературовед С.С. Розанов: «Словно не существовало истории, словно пали хронологические преграды, и мы - в древней Элладе, которую с безграничной восторженностью рисует С. Н. Мы современники Фалеса, Ксенофонта, Парменида. Их тени реют в притихшей аудитории: талантливый профессор сблизил античность и современность»⁴⁶⁸.

Задуманная Трубецким летом 1902 г. экскурсия для студентов — членов общества в Грецию находилась в русле общей программы организации. Тщательная подготовка этого мероприятия заняла всю зиму. Отъезд был назначен на 29 июля следующего года. Отправлялись 118 человек, в пути присоединились еще 21. Из профессоров поехали Н. В. Давыдов, Л. М. Лопатин и И. Ф. Огнев; в Одессе присоединились еще профессор Мальмберг из Дерпта и приват-доцент по византийской истории свящ. Н. Г. Попов. «Из Константинополя экскурсию сопровождал секретарь местного археологического института Р. Х. Лепер, а в Афинах ее встретил проф. Никитский, который с весны подготовлял в Греции почву для экскурсии. Кроме того, в состав экскурсантов вошли 4 врача и 2 служителя, из коих один педель Московского университета, взятый для заведования счетоводством, паспортной и хозяйственной частью»⁴⁶⁹. Впечатления Трубецкого от самой экскурсии ярко и подробно описаны в его письмах к жене. Несмотря на проблемы со здоровьем, настроение его было прекрасное, поскольку все прошло

⁴⁶⁷ Поливанов М. П. Памяти князя С. Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. - М. : Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1906. - Год XVII, кн. I (81). - С. 139-145.

⁴⁶⁸ Розанов С.С. Князь С.Н. Трубецкой. - М.: Б. и., 1913. С. 6.

⁴⁶⁹ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 70.

замечательно, и своими студентами он был полностью доволен.

Однако Общество по-прежнему находилось меж двух огней. Существовало определенное недоверие со стороны властей. Кроме того, члены Общества испытывали на себе агрессивное презрение со стороны «младотурецкой партии» радикально настроенных студентов (этим термином в одной из своих статей С.Н. Трубецкой обозначил революционные студенческие организации). Все-таки в начале XX века университет уже был политизирован, и чисто академические интересы студенчества уже ушли на второй и третий план. Как уже подчеркивалось выше, широко была распространена точка зрения, согласно которой при существующем политическом строе никакая университетская реформа невозможна, да и попросту бесполезна. Следовательно, необходимо было добиваться коренного изменения этого строя, для чего нужно было объединиться с пролетариатом для решительной борьбы. Объявление от Союзного Совета Московского землячества и организаций (декабрь 1903 г.), в котором открыто ставилась задача свержения самодержавия, гласило: «Стремясь объединить все революционное студенчество без различия его фракционных разномыслий и не желая вносить в студенческую среду рознь русских революционных партий, С.С. Предлагает революционную политическую программу с основным требованием — долой самодержавие!»⁴⁷⁰

Естественно, в такой ситуации, те, кто стремился серьезно учиться, не вступая в политические кружки, подвергался многочисленным нападкам.

Общество, как группа людей, имевших целью именно учебу и самообразование, испытывало на себе действия «младотурков» в полном объеме. В университете активно распространялись листовки с резкой критикой членов Общества и его председателя как приспешников правительства, стремившихся отвлечь прогрессивную молодежь от великого дела борьбы и поисков «разрешения мучительных жизненных вопросов об истине, справедливости, благе общественном и личном» обычным «политическим

⁴⁷⁰ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 514. Д. 93. Л. 61.

шарлатанством», разговорами⁴⁷¹. Текст прокламации завершался призывом: «Плюньте на эту игру в общественность и соединяйтесь в революционные организации!⁴⁷²» Тот же посыл, прямо обвиняющий членов Общества в праздности и пустой болтовне в то время, как их товарищи гибнут за великое дело, звучал в эпиграфе:

«От ликущих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви...»⁴⁷³

Вторая строка эпиграфа к обвинениям в демагогии добавляет еще более жестокое — в откровенной поддержке правящего режима, а значит, и в страданиях товарищей студентов-революционеров.

Эта прокламация появилась на собрании Историко-филологического общества 9 октября, где должен был выступать Трубецкой. Листки были в аудитории еще до прихода Сергея Николаевича, поэтому студенты успели ознакомиться с их содержанием заранее. Прочитал это обращение революционных студентов и сам председатель Общества, после чего произнес речь, в которой доказывал важное – благотворное – влияние деятельности Общества на студенческую жизнь: «Мне представляется, что наше Общество и те общества, которые за ним последуют, могут здесь делать многое... мы перестали быть "отдельными посетителями" университета. Учащие и учащиеся соединились в той мере, в какой прежде никогда не было»⁴⁷⁴. Конечно, Общество было всего лишь островом академической свободы, но результаты его работы показывали, что организовать на этих началах университетскую жизнь в целом вполне возможно. Революционным лозунгам Трубецкой противопоставлял идею о важности сближения профессуры и студенчества в научной деятельности: «нужна солидарность, нужно доверие, нужна

⁴⁷¹ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 39. л. 16 об. («Освобождение». 1903, № 10).

⁴⁷² ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 39. л. 16 об. («Освобождение». 1903, № 10).

⁴⁷³ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 39. л. 16 об. («Освобождение». 1903, №10).

⁴⁷⁴ Речь С. Н. на собрании Историко-филологического Общества 9 октября 1903 г. \\ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 248-249.

общественная дисциплина»⁴⁷⁵.

Осенью 1903 г. Трубецкому, заметно подорвавшему свое здоровье, пришлось на время уехать за границу, но в его отсутствие нападки на Общество не прекратились. Наоборот, ситуация только усложнялась: имели место провокации, которые могли бы спровоцировать скандал и закрытие Общества. Сергей Николаевич поддерживал связи с «академистами», вел переписку с Анисимовым, Новгородцевым, с которыми обсуждал дела Общества. В январе 1904 г. Трубецкой писал Анисимову о необходимости защищать Общество, «кучке радикалов противопоставить кучку преданных Обществу лиц, которые не задавались бы широкой "академической" программой, а просто без различия партий и оттенков соединились бы для того, чтобы оградить Общество от гибели... против нас ведется организованная борьба, и если этой организации вы не противопоставите другую, наше дело будет проиграно»⁴⁷⁶. Речь шла чуть ли не о тайной организации, подобно революционным кружкам, только с противоположными задачами. Иного способа уберечь свое детище, кроме как бороться с провокаторами их же методами, князь, по-видимому, не видел.

Общество, начавшее осенью 1903 года приходить в упадок, действительно было близко к закрытию. Трагическое начало русско-японской войны, ставшее катализатором нового подъема студенческого движения, неизбежно отодвинуло на задний план академические интересы учащейся молодежи. Так, 31 января 1904 г. среди студентов, собравшихся на лекцию Ключевского, возникли оживленные, даже ожесточенные споры об оценке значения русско-японской войны. Споры переросли в большой конфликт, вновь начались беспорядки.

В 1904 г. Общество фактически прекратило свое существование. О необходимости такого шага в январе 1904 г. Трубецкому написал Новгородцев, ставший в то время председателем Общества: «я не вижу никакой возможности сохранять далее наше Общество, его необходимо закрыть. Мы ждем только

⁴⁷⁵ Речь С. Н. на собрании Историко-филологического Общества 9 октября 1903 г. \ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 252.

⁴⁷⁶ Письмо С.Н. Трубецкого А.И. Анисимову \ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 263.

Вашего приезда, чтобы это сделать. Отсутствие Ваше в решительный момент больно чувствовалось всеми. Мы избегли окончательно скандала только прекращением общих собраний»⁴⁷⁷. Тем не менее, Новгородцев признавал большую пользу опыта, полученного за прошедшее время, и надеялся обсудить дальнейшие действия с самим Трубецким при личной встрече. В частности, это касалось работы секций, которые представлялось возможным сохранить даже в отсутствие единой организации.

Итак, к концу 1904 г. Историко-филологическое Общество прекратило свое существование. Опыт его работы показал, с одной стороны, плодотворный эффект сближения профессуры и студенчества на почве научной работы в условиях полной академической свободы. С другой стороны, стал очевидным высочайший уровень политизированности большей части учащейся молодежи, все сильнее вовлекавшейся в деятельность революционных организаций. Для членов Общества период его существования был окрашен самыми светлыми красками. Тем не менее, идеи Трубецкого об университете как храме науки большинству студентов уже не представлялись актуальными. Окончательно отказавшись от борьбы за академические свободы, они обратились к борьбе за политические преобразования, и князь, несмотря на все усилия не допустить краха университетской системы в России, был не в силах остановить этот коренной поворот.

Такова была обстановка, сложившаяся в 1904 году, накануне первой русской революции. Приняв участие в университетских экзаменах, Сергей Николаевич приехал на лето в семейное имение «Меньшово» (Подольский уезд Московской губернии), но тревоги о судьбе университета не оставляли его. А.И. Анисимов отмечал крайне подавленное состояние, в котором он находился. В одной из бесед Трубецкой поделился причинами своего настроения, состоявшими в осознании безвыходности кризиса университетской жизни, в обуревавшем его чувстве одиночества в устремлениях. Действительно, сложилась ситуация, при которой студенчество желает политических перемен,

⁴⁷⁷ Письмо П.И. Новгородцева С.Н. Трубецкому \ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 254.

для чего примыкает к революционерам, а подлинные университетские идеалы их уже не волнуют. В то же время, правительство не оказывает поддержку тем, кто стремится к истинному обновлению университета на прогрессивных и благотворных началах.

Однако несмотря на трудные времена, Трубецкой был не готов в самом деле оставить университет и бросить все на произвол судьбы. Не теряя надежду достучаться до общества и власти, князь искал иные пути. В письмах брату Евгению он рассказывал о поступившем предложении занять место А. Столыпина, редактора «Санкт-Петербургских Ведомостей» (был отстранен от должности по настоянию Плеве). На этом этапе Сергей Николаевич не видел реальной возможности серьезно говорить с «российскими гражданами... о чем-либо ином, как о пользе стекла, между тем как минутами самое битье стекол представляется менее предосудительным, нежели подобное празднословье»⁴⁷⁸. В этих горьких словах как будто слышен отзвук той отчаянной готовности создавать нелегальные организации для борьбы с провокациями революционных студентов, что предшествовала окончательному закрытию Историко-филологического Общества. Тем не менее, мечта князя о собственном печатном издании, на страницах которого он мог бы высказывать свои взгляды, защищать университетские идеалы, обращаясь напрямую к обществу, была все еще жива.

В новый 1905 год страна вступила в состоянии глубокого кризиса, обострившихся до предела внутренних противоречий. Студенчество прекрасно осознавало свою силу и активно вовлекалось в политическую борьбу. Моментом окончательного перехода учащейся молодежи к движению пролетариата можно считать события 9 января, в результате которых характер первой русской революции определился как движение рабочего класса. Расстрел демонстрации произвел огромное впечатление на студенчество.

⁴⁷⁸ Письмо С.Н. Трубецкого Е.Н. Трубецкому \\\ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 84.

Возвратившиеся с каникул студенты явно не были настроены всерьез учиться, и для правительства была очевидна перспектива новых беспорядков. Только в феврале стали предприниматься первые шаги к открытию университетов. Однако прежде всего необходимо было выяснить настроение и намерения студентов. Для этого разрешили собрать сходки.

7 февраля в присутствии профессоров состоялась сходка в Петербургском университете. На повестке дня стояли следующие актуальные вопросы: сложившаяся политическая обстановка в стране, созыв Учредительного собрания или Земского собора, отношение к забастовке. Сам факт созыва подобной официальной сходки свидетельствовал о признании студенчества самостоятельной политической силой. На сходке студенты высказались за немедленный созыв Учредительного собрания и объявили забастовку до 1 сентября, чтобы уже в новом учебном году принять решение о дальнейших занятиях в тех политических обстоятельствах, которые к тому времени сложатся. Однако одними лишь политическими заявлениями участники сходки не ограничились, а наглядно продемонстрировали свое отношение к правительству и самому царю, проткнув древком от знамени портрет Николая II под аккомпанемент революционных песен. Власти отреагировали в своей обычной манере: выговорами и увольнениями.

Подобные сходки прошли и в других университетах. Так, московские студенты, выставив требования созыва Учредительного собрания, свободы слова, собраний, союзов и печати, присоединились к забастовке до сентября, поскольку «нормальный ход общественной и академической жизни в данный момент немыслим»⁴⁷⁹. В результате к марту к забастовке присоединились буквально все университеты. Впервые к студенческому протесту примкнули профессора, назвавшие условием открытия университетов предоставление им автономии. В условиях явного критического обострения университетского вопроса власть осознала необходимость снизить уровень напряженности. Кроме того, невозможность открыть университеты показывало слабость

⁴⁷⁹ Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899-1907 гг. М., Мысль. 1971. С. 145-146.

правительства. Поэтому было объявлено о начале работы комиссии по университетскому вопросу. Лишь в такой безвыходной ситуации власть решилась на осуществление реформ. Другое дело, что за последние несколько лет уровень доверия к правительству упал настолько, что вернуть его хотя бы частично уже было практически невозможно. Согласившись наконец на удовлетворение академических потребностей студенчества, власти упустили из виду тот факт, что студенческое движение окончательно вышло за пределы университета, активно включившись в политическую борьбу наравне с революционерами. Большинство учащейся молодежи не раз открыто заявляло об отказе от иллюзий академической борьбы. Студенты уверились в том, что университетская жизнь не наладится до тех пор, пока кардинально не изменится политический строй. От этой идеи их было уже не отвлечь, как и не изолировать от поднимавшейся революционной волны.

Поэтому студенты вовсе не собирались идти правительству навстречу, поддерживая его возможные начинания. Они скорее прислушивались к призыву газеты «Искра»: В интересах революции в высшей степени важна концентрация студентов в крупных центрах политической жизни, какими являются университетские города и поддержание той организованности студенчества, какая дается регулярным общением между ними в стенах высших учебных заведений»⁴⁸⁰. Социал-демократы призывали студентов к участию в революции, к открытию университетских аудиторий, используя их в качестве арены политической борьбы. При этом их не должны останавливать увещевания либеральных профессоров, защищающих университет как храм науки. По убеждению революционеров, которое они стремились донести до молодежи, в данных обстоятельствах университет должен стать трибуной для митингов и собраний. Именно в этом будет проявляться подлинная свобода мысли и науки, вырвавшаяся из рамок «размеренно-аккуратной мысли гг. профессоров»⁴⁸¹.

Вероятно, под этой «размеренно-аккуратной мыслью» подразумевались, в

⁴⁸⁰ Искра. 1905. 29 июля.

⁴⁸¹ Искра. 1905. 29 июля.

частности, идеи С.Н. Трубецкого, высказанные им в статье «Быть или не быть университету»: «Восстановление правильного, автономного университетского строя есть первое условие правильного течения академической жизни. Сразу, в те смутные времена, которые мы переживаем, и эта мера, разумеется, не исцелит всех глубоких язв, не исправит все настроение, унаследованное от прошлого. Она не устранит общие университетские причины волнений среди молодежи, но, тем не менее, она совершенно необходима и именно теперь может сделать весьма многое. Управление университетами должно быть немедленно поручено Советам университетов, которые с этой целью должны избрать Правление и ректоров... Университетская инспекция должна быть безусловно подчинена правлению, если не упразднена вовсе за совершенной ненужностью»⁴⁸². Очевидна поддержка Трубецким пожеланий студентов в части организации академической жизни, но при этом он ясно видит, как далеки они от подлинного понимания предназначения университета. Их поведение, как и политика правительства, до последнего времени отвергавшего необходимые реформы, становится для князя фактором грядущей гибели университета. «Самостоятельность университета - вот что нужно нам, что должно заключаться в самом строе университета, если мы хотим, чтобы питомцы его жизненно понимали его назначение, и чтобы учащая коллегия имела на будущее время силу и право свободно осуществлять эту цель и властно требовать ее признания от общества и учащейся молодежи... Доверие к университету, - вот что нам нужно; иначе – конец университету»⁴⁸³. Однако в действительности ни малейшего взаимного доверия университета, общества и власти уже не осталось.

В июне 1905 г. С.Н. Трубецкой подал Николаю II «Записку о положении высших учебных заведений и о мерах к восстановлению академического порядка», в которой он отметил наличие тесной связи между студенческим движением и общественным волнением, безусловно, оказавшей прямое влияние на саму возможность возникновения забастовки (состоявшейся, конечно, при

⁴⁸² Трубецкой С.Н. Быть или не быть университету \ \ Русские ведомости. 1905. № 54.

⁴⁸³ Трубецкой С.Н. Быть или не быть университету \ \ Русские ведомости. 1905. № 54.

поддержке общества). Основную проблему Трубецкой видел в потере уважения к университету, его роли в жизни общества. В том, что это произошло, он винил создателей устава 1884 года, которые «поселили отчуждение между учащими и учащимися и достигли того, что учащиеся ушли от учащих», установили порядок, в основе которого «было положено явно и резко выраженное недоверие правительства к учащей России, к ученой коллегии»⁴⁸⁴. Снова, как и в резолюции земских деятелей об отношении власти и общества, звучит слово «недоверие». Очевидно, что это не частные случаи, а следствие политического курса, проявившееся в разных, но напрямую связанных сферах жизни страны.

В своей записке Сергей Николаевич подробно разъяснял ход процесса, приведшего к невиданному росту числа всевозможных нелегальных организаций. Он доказывал, что стремление объединиться в товарищеском общении естественно для студентов, однако возникавшие именно на этой почве кружки стали преследоваться как незаконные, и с течением времени все они полностью перешли на нелегальное существование. При этом основой объединения стало еще и понятное недовольство притеснениями, что впоследствии выросло в целую систему различных студенческих союзов, связанных уже политическими идеями, противопоставленными правительственному курсу. «Возможность академических организаций была устранена — появились внеакадемические союзы, противные академическим целям»⁴⁸⁵.

Трубецкой указал на благотворное влияние попыток наладить правильное течение академической жизни, имея в виду прежде всего Историко-филологическое Общество, но признал «всю их невозможность при настоящих условиях, которые благоприятствуют лишь нелегальным организациям»⁴⁸⁶.

Большинство студентов откликнулось на призыв революционеров. В начале сентября по инициативе московских студентов состоялся съезд в

⁴⁸⁴ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 29. л. 3, 4.

⁴⁸⁵ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 29. л. 5.

⁴⁸⁶ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 29. л. 5.

Выборге, по итогам которого были приняты следующие решения: открыть университет для всенародных митингов, кафедры превратить в агитационные трибуны, не предпринимать никаких самостоятельных выступлений, а быть готовыми во всякий момент поддержать выступление пролетариата»⁴⁸⁷. Кстати, рабочие отнеслись к этой идее с воодушевлением. Например, на Обуховской стачке в Петербурге 29 сентября рабочие приветствовали открытие университетов как агитационных трибун, усмотрев в этом немалую пользу делу революции⁴⁸⁸. Так решение было принято вне всякой зависимости от позиции правительства.

27 августа 1905 г. были изданы «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями», которые вернули университетам долгожданную автономию и предоставили советам профессоров избрание деканов и ректоров. Сестра С.Н. Трубецкого записала: «Вчера, 27 августа получили газеты с правительственным сообщением о даровании Университету автономии!.. Это первая реформа, полная, без полумер; дано всё, о чем просили, и дано совершенно неожиданно!»⁴⁸⁹ С разрешения совета профессоров студенты получили право устраивать сходки⁴⁹⁰. Таким образом власти рассчитывали успокоить бунтующих студентов, надеясь, что, удовлетворившись академическими реформами, они вернуться к занятиям. С радостью приняли весть о реформе либералы. Их настроение хорошо выразила О.Н. Трубецкая. Вероятно, и ее брат, несмотря на накопившуюся невероятную усталость и проблемы со здоровьем, был с ней солидарен, ведь положения новых «правил...» находились в соответствии с запиской о положении дел в университете и необходимых мерах к исправлению ситуации, поданной князем царю в июне.

Однако на деле все сложилось куда более драматично. С.Ю. Витте в своих воспоминаниях так оценивал этот этап в жизни университета и государства: указ об автономии университетов «был первой брешью, через

⁴⁸⁷ Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения. М.: 1908. С. 59.

⁴⁸⁸ Пролетарий. 1905. 15 октября.

⁴⁸⁹ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 154.

⁴⁹⁰ ПСЗ, Собр. 3, т. 23, 1905. № 2665. СПб, 1908.

которую революция, созревшая в подполье, вышла наружу»⁴⁹¹. В начале учебного года у студентов был выбор – удовлетвориться академическими свободами, дарованными ненавистной властью, либо откликнуться на революционные призывы, уже знакомые и полностью отвечавшие их собственному настроению. Ведь они сами уже были уверены, что «старый путь отжил свое время», а их первоочередная общая цель – «открытие дверей аудитории всем желающим войти в них, превращение университетов и других высших учебных заведений в места народных собраний и политических митингов»⁴⁹².

Министр народного просвещения И.И. Толстой вспоминал: «студенты, хотя и решили возобновить занятия, но организованная так называемая «сознательная» часть студенчества, иначе говоря, революционная, решила это возобновление с чисто «тактической» целью — на обеспеченной, под предлогом автономии, территории учебных заведений и под кровом их подготовить торжество пролетарского движения, вооружив его и словом и делом на борьбу с ненавистным правительством»⁴⁹³. При этом сами студенты всячески подчеркивали, что не намерены препятствовать нормальному течению учебных занятий. Так Петербургский университет фактически «был в руках небольшой группы студентов-революционеров... но эта группа не мешала беспартийным, умеренным студентам нормально учиться и готовиться к экзаменам»⁴⁹⁴. Той же позиции придерживались и московские студенты.

Тем временем, в Московском университете 2 сентября на должность ректора был избран Сергей Николаевич Трубецкой. По этому случаю на его имя поступило огромное множество различных писем и телеграмм приветственного содержания. В частности, встречались такие слова: «Поздравляем Вас с выбором в ректоры Московского университета; будем молить Бога, чтобы послал он Вам силы и крепость на славное служение...»;

⁴⁹¹ Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 2. 1960. С. 544.

⁴⁹² Искра. 1905. 29 июля.

⁴⁹³ Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. М., 1997. С. 52.

⁴⁹⁴ Войтинский В. В годы побед и поражений. Книга 1-я. 1905. Берлин, 1923. С. 75.

«Какое счастье жить в стране, где солнце блещет... Вы солнце, князь...»⁴⁹⁵

Однако наряду с восторженными имели место и озабоченные ситуацией высказывания. Например, один «глубоко огорченный отец» (так было подписано письмо) сетовал: «Но даже после Вашего избрания молодежь не перестает волноваться и на сходках принимать резолюции ничего общего не имеющие с интересами Университета...»⁴⁹⁶

Несмотря на серьезные проблемы со здоровьем, князь вступил на этот пост и в речи перед своими коллегами выразил уверенность в том, что теперь, когда университет получил автономию, налаживание в нем хода академической жизни несомненно, поскольку главные препятствия уже преодолены: «Мы отстоим университет, если сплотимся. Чего бояться нам? Университет одержал великую победу. Мы получили разом то, чего желали, мы победили силы реакции. Неужели бояться нам нашего общества, нашей молодежи?»⁴⁹⁷»

На деле же «именно ее, “нашей молодежи”, политизированной до предела, потерявшей верные жизненные ориентиры, и следовало бояться»⁴⁹⁸. Получив долгожданную свободу, студенчество с головой окунулось в революционную борьбу, тем более что университеты стали идеальной площадкой для сходок, митингов и демонстраций. Молодежь с воодушевлением воплощала в жизнь революционные призывы, уничтожая университет как «храм науки». Все старания Трубецкого навести порядок без применения радикальных средств разбивались о звучавшие в университетских аудиториях революционные лозунги.

При этом московские власти, что по-своему закономерно, считали университет главным источником беспорядков. Напрямую нарушить данную ему автономию никто не решался, но войсковые части напротив главного университетского здания все-таки расположили. Это была явная угроза открытых столкновений студентов с армией, «причем Трубецкой, со свойственной ему остротой восприятия, заранее считал виноватым себя... Его

⁴⁹⁵ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 36. л. 58, 61.

⁴⁹⁶ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 36. л. 57.

⁴⁹⁷ Вопросы философии и психологии, 1906. № 1(81). С. 5.

⁴⁹⁸ Левандовский А.А. «Умиритель студентов» \\\ Побег с вертикали. Псков, 2005. С. 385.

мечта о свободном университете воплощалась в жизнь в самой страшной фантазмагорической форме»⁴⁹⁹.

Андрей Белый писал: «Помню последнее его появление с усилием “спасти” автономию; тщетно; в стенах университета была свергнута власть, изгнаны либералы; шел турнир: эсеров с эсдеками; Трубецкому не дали договорить; уронив на кафедру руки и упираясь на них, он глазами, полными слез, оглядывал море тужурок: “Эх, господа!” И, махнув рукой, вышел он»⁵⁰⁰.

22 сентября 1905 г. Трубецкой по причине постоянного наплыва в университет посторонних и усиливавшейся угрозы кровавых столкновений закрыл университет. В связи с этим на князя посыпались обвинения и упреки в трусости, безответственности и т.д. Несмотря на болезненное состояние и переутомление, Трубецкой поехал в Петербург к министру народного просвещения В.Г. Глазьеву, чтобы представить ему постановление университетского совета от 27 сентября, смысл которого был таким: «чтобы избавить высшие учебные заведения от наплыва желающих митинговать, необходимо “узаконение свободных общественных собраний и обеспечение личной неприкосновенности” в масштабах всей России»⁵⁰¹. Министр принял князя весьма доброжелательно и предложил выступить на совещании по поводу разработки проекта нового университетского устава. Сергей Николаевич не мог отказаться от такой возможности, тем более что близкий ему вопрос о студенческих организациях также должен был обсуждаться на собрании. Однако во время выступления князю стало плохо, и министр даже прекратил заседание. «Последним движением князя была попытка вручить министру несколько прошений студентов Варшавского университета о переводе их в Москву, причем С.Н. успел сказать: “Карман мой полон такими прошениями... Да, они будут довольны, они успокоятся”. После этих слов Трубецкой впал в

⁴⁹⁹ Левандовский А.А. «Умиритель студентов» \\\ Побег с вертикали. Псков, 2005. С. 387.

⁵⁰⁰ Андрей Белый. Между двух революций. М., 1990. С. 37.

⁵⁰¹ Левандовский А.А. «Умиритель студентов» \\\ Побег с вертикали. Псков, 2005. С. 389.

бессознательное состояние...»⁵⁰²

А в это время в Меньшово, где супруга и сестра Сергея Николаевича надеялись, что результат его разговора с Глазьевым будет позитивным, а сам князь наконец-то сможет отдохнуть и восстановить силы, летела страшная весть. Ольга Николаевна вспоминала: «Я долго не могла заснуть от порывов ветра с дождем, который хлестал в окно, и только стала задремывать, как услышала страшный стук в дверь буфета. Я с испугом вскочила. Стучали так, что, словно, дверь ногой вышибали...»⁵⁰³ «Известие, что Сережу перевезли в клинику очень меня встревожило. Да и с первой минуты у меня как-то иллюзий не было, и я не надеялась. До отъезда Паши мы избегали друг на друга смотреть, но, когда наступила минута прощанья, я никогда не забуду ее взгляда - он ясно мне сказал: "Ты понимаешь, что все кончено"... Я чувствовала, что и в моих глазах она прочла то же. Не знаю, как дожила я до утра»⁵⁰⁴. Сергей Николаевич Трубецкой скончался 29 сентября 1905 г. в Еленинской клинике, не приходя в сознание.

Революционные организации использовали похороны князя для демонстрации своей силы правительству, призывая к участию в мероприятии как можно большее число студентов и рабочих. Трубецкой был представлен как жертва царизма, павшая в борьбе за свободу. «Венки были украшены лентами красного цвета, который Трубецкому никогда не был близок; хоронили князя под пение революционных песен, которых он сам никогда не пел. И многочисленные речи... как правило, были выдержаны в казенно-антиправительственном тоне»⁵⁰⁵. Один из студентов выступил с показательными словами: «Виновник смерти С.Н. один – это существующий строй, при котором не может быть свободной науки и ее бескорыстных служителей»⁵⁰⁶. В том же духе звучали строки, сочиненные Санкт-Петербургскими студентами:

⁵⁰² Кн. С.Н. Трубецкой – передовой боец за правду и свободу русской науки. Спб, 1906. С. 28.

⁵⁰³ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 164.

⁵⁰⁴ Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: 1953. С. 166.

⁵⁰⁵ Левандовский А.А. «Умиритель студентов» \\\ Побег с вертикали. Псков, 2005. С. 391.

⁵⁰⁶ Кн. С.Н. Трубецкой – передовой боец за правду и свободу русской науки. Спб, 1906. С. 51.

«Погиб ты, но смертью любовь заслужил,
Признательность массы народной
За то, что за ближнего жизнь положил
Бестрепетно и благородно!...
Да будет же вечная память тебе,
Вождю, человеку и брату»⁵⁰⁷.

При этом явно замалчивалось наличие бездонной пропасти, пролежавшей между представлениями о свободе Трубецкого и молодых бунтовщиков. Конечно, о роли молодежи, в которую Сергей Николаевич верил даже в самые трудные времена, в том, что произошло с университетом и его ректором, также сказано не было.

В иностранной прессе, которая, конечно, не могла оставить без внимания такое событие, появились заголовки, сообщающие чуть ли не о революции в России. Так, во французской газете писали: «La Revolution en Russie. On signale que des desordres ont accompagne les funerales du compte Troubedskoi»⁵⁰⁸. О демонстрации, организованной студентами с красными флагами, разогнанной казаками (говорилось даже о наличии раненых и убитых!), пишет английская газета: «Last evening a large crowd of students returning from the funeral of Prince Serge Troubetskoi hoisted red flags and sang revolutionary songs. A detachment of Cossacks charged them at a gallop, and some revolver shots were fired at the troops from the crowd. Some students and one Cossack sustained mortal wounds»⁵⁰⁹.

«Многое, во что, скрепя сердце, долго и упорно верило общество, умрет вместе с ним,» - эти слова Милюкова очень точно передали состояние, в котором оказалось это самое русское общество осенью 1905 года⁵¹⁰. Вера в идеалы, созвучные искренним представлениям С.Н. Трубецкого,

⁵⁰⁷ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 47. л. 37.

⁵⁰⁸ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 46. л. 12.

«Революция в России. Сообщается, что похороны князя Трубецкого сопровождались беспорядками» (перевод здесь и далее — Е.Р.)

⁵⁰⁹ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 46. л. 5.

«Прошлым вечером большая толпа студентов, возвращавшихся с похорон князя Сергея Трубецкого, поднимали красные флаги и пели революционные песни. Отряд казаков галопом поскакал в толпу, в ответ раздалось несколько револьверных выстрелов. Несколько студентов и один казак получили смертельные ранения».

⁵¹⁰ ГА РФ. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 45. л. 25.

действительно, давалась обществу скорее «скрепя сердце». После его смерти произошла некая подмена понятий. Используя во многом те же самые слова и формулировки, вычистив из них вкладываемый князем смысл, сдобрив громкими вычурными лозунгами, новые активные «борцы за свободу» развернули бурную деятельность в совершенно ином направлении. Идеалы князя Трубецкого в самом деле умерли вместе с ним.

Гибель С.Н. Трубецкого в самом деле можно считать неким рубежом в истории развития студенческого движения. Фактически после его смерти оно вышло на следующий уровень. Общественно-политический конфликт к этому времени был настолько остр и глубок, что мирного, постепенного пути его разрешения, пожалуй, не могло быть, и до революции 1905 г. оставалось уже совсем немного.

Заключение

В XIX веке университетский вопрос был одним из ключевых в общественно-политической дискуссии в России. Истоки полемики, как уже было сказано в основной части работы, лежали в понимании сущности университета как такового и его предназначения. Именно различия в представлении о роли университета в жизни страны и общества привели к столкновению между либералами и консерваторами. Основное противоречие заключалось в том, что либералы видели университет изначально свободным, автономным, самоуправляемым, в то время как консерваторы стремились подчинить его государственной власти, считая студентов будущими чиновниками, опорой самодержавия. Раз за разом формулируя идею о том, что государство ради собственного благополучия обязано строго контролировать процесс образования и воспитания своих будущих подданных, М.Н. Катков обосновывал реакционную направленность своего детища - университетского устава 1884 года, сводившего университетскую автономию на нет.

Подробно и последовательно проанализировав положения устава 1884 года, можно сделать вывод, что либеральным порядкам, введенным уставом 1863 года, пришел конец. Университет потерял самоуправление, исчезла выборность университетских должностей, студенты, став «отдельными посетителями университета», перестали быть корпорацией, единым целым (то же произошло и с профессорами) - так стала невозможной законная организация научного сообщества в рамках университета, где учащиеся и преподаватели могли бы свободно общаться, заниматься наукой помимо лекционного курса. Отдельным контролирующим элементом стало появление новой формы сдачи экзаменов - в специально назначаемых государственных комиссиях. Единая программа, единый учебный план, единые критерии проверки знаний - все это должно было, по мнению Каткова, способствовать заданной им цели (должной подготовки будущих государственных чиновников).

Как и следовало ожидать, реакция на введение нового устава со стороны либеральной общественности, многих преподавателей, студентов была

негативной. «Кошачий концерт» у типографии Каткова был лишь первой ласточкой грядущих беспорядков, демонстраций и прочих выражений студенческого недовольства политикой правительства.

Однако студенческое движение, только набравшее силу с 1880-х гг., к началу правления нового императора утихло в ожидании перемен. В том же ожидании находилось тогда все общество, и потому манифеста Николая II ждали с большим волнением. Все надеялись на либеральные преобразования, которые завершили бы эпоху контрреформ. Но правящие круги не почувствовали, что обстановка в 1894 г. резко отличается от 1881 г., и манифест молодого государя был выдержан в том же духе. Слова о «бессмысленных мечтаниях» разочаровали общество, надеявшееся на реформы, и недовольство самодержавием только усилилось.

В частности, это недовольство по-прежнему касалось политики в отношении университетов. Разобщенное на академической основе студенчество объединялось на почве неприятия существующих порядков. Однако власти не шли на диалог, а действовали только жесткими запретительными методами (одним из наиболее ярких примеров могут служить «Временные правила...» об отдаче провинившихся студентов в солдаты) - массовыми арестами, исключениями, ссылками в Сибирь. Все это только укрепляло молодежь в понимании необходимости продолжения борьбы за свои права, добавляя ей определенный романтический ореол.

В работе прослеживается динамика студенческого движения, постепенный переход от академических требований и методов борьбы до политических и революционных, от студенческих землячеств до Союзного Совета и Исполнительного Комитета, от стихийных сходок до хорошо организованных забастовок. Антагонизм власти и студенчества был такой силы, что к 1900-м гг. молодые люди, стремившиеся заниматься исключительно учебой, оставаясь в стороне от политики, становились не только предметом насмешек и жестокого презрения, но и изгоями.

Политизация студенчества шла быстрыми темпами, и процесс этот тем

более ускорялся, чем больше репрессий осуществляли правительство и полиция. Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли революционных организаций в развитии студенческого движения. На основании проведенной работы можно заключить, что революционная пропаганда в студенческой среде дала свои плоды, и студенты постепенно осознали, что они не одиноки в своих взглядах. Посредством налаживания контактов с революционерами студенчество автоматически выступало единым фронтом с рабочим классом. Для правительства это означало прежде всего невероятную широту общественного негодования, проявлявшегося как в сходках и демонстрациях, так и в забастовках и стачках. Всероссийская студенческая забастовка, Всеобщая рабочая стачка на юге России - выражение своей позиции студентами и рабочими стало совпадать. Советом университета была сделана попытка пристыдить студентов за чуждые университету слова и действия, однако обращение профессоров вызвало обратный желаемому эффект, и они сами получили в свой адрес обвинение в том, что сложившиеся при их попустительстве порядки, безусловно, чужды университету эпохи Грановского и других подлинных служителей науки, истинных университетских профессоров.

Реакция преподавателей на события в университете была различной. Некоторые скорее сочувствовали студентам, и подвергались за это выговорам и увольнениям. Пришлось подать в отставку ряду преподавателей, высказывавших на занятиях идеи, чуждые духу российского самодержавия. Подобные случаи (истории профессоров Ковалевского, Муромцева) рассмотрены в соответствующей части данной работы. Некоторые преподаватели все же стремились увести молодежь от политики, проникшей в аудитории. Таким был С.Н. Трубецкой, сумевший сплотить вокруг себя ряд профессоров и многих студентов, с радостью окунувшихся в оазис живых академических занятий среди пустыни громких лозунгов, стачек, арестов и ссылок. Историко-филологическое общество, основанное Трубецким, было именно таким островком свободного университета. Сергей Николаевич

стремился показать и студенчеству, и правящим кругам, что университетская автономия, свобода студенческой и профессорской корпораций благотворно влияет на дело образования и воспитания молодежи. К сожалению, Общество просуществовало совсем недолго, не выдержав натиска революционной молодежи с одной стороны, и находясь под постоянным подозрением у правительства с другой стороны, а все-таки дарованная университету автономия, о которой так давно говорил и писал Трубецкой, уже не смогла спасти положение и всего лишь облегчила революционным студентам организацию митингов и демонстраций. Эта отчаянная мера правительства, как и предыдущие (дававшие, правда, лишь слабые намеки на возможность проведения реформ), была предпринята слишком поздно.

Выполняя поставленные в начале работы исследовательские задачи, мы можем проследить ход назревания глубочайшего общественно-политического кризиса начала XX века. Течение университетской жизни отражает процессы, происходившие в государстве в целом. Так университет выступает в роли индикатора общественно-политической атмосферы в России данного периода.

Библиография

1. Архивные материалы:

Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ):

- Ф. 102 — Департамент полиции, 3 отделение
- Ф. 1093 — Сергей Николаевич Трубецкой
- Ф. 1729 — Петр Дмитриевич Святополк-Мирский
- Ф. 1741 — Коллекция нелегальных листовок и брошюр, отложившихся в материалах полицейских учреждений

Центральный Государственный Архив города Москвы (ЦГА Москвы):

- Ф. 418 — Императорский Московский Университет

2. Опубликованные источники:

Законодательные акты:

- Университетский устав 1863 года./ Россия. Законы и постановления.- СПб. 1863.
- Устав императорских российских университетов 23 августа 1884 г./ Россия. Законы и постановления. - СПб.: Б. и., 1884.
- ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 19. Ч. 1. № 17484. 29 июля. 1899. Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков.
- Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения. СПб., 1901.
- ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 25. Ч. 1. № 26692. 27 августа 1905. О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства Народного Просвещения.

Официальные делопроизводственные документы:

- Высочайший рескрипт, данный на имя члена государственного совета, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Ванновского // Право. -1905. - [№ 1 - 26]. - С. 1661.
- Доклад П. С. Ванновского о студенческих беспорядках 1899 г. СПб., 1906.
- Карпович и Балмашев перед судом. Берлин, Издание Гуго Штейница. 1902.
- Обзор деятельности Ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III. - Спб. 1901.
- Убийство трех министров. - Спб, Издание И. Балашова, 1906.

Публицистика:

- Вестник Европы. - Спб., 1873-1905.
- Вопросы философии и психологии. кн. 1. М., 1906.
- Голос. - Спб., 1882.
- Искра. - 1900-1905.
- Московские ведомости. - М., 1878-1885.
- Отечественные записки. - Спб., 1873-1884.
- Порядок. - Спб., 1881.
- Правительственный вестник. - Спб., 1881-1905.
- Русский вестник. - М., 1876-1886.
- Собрание передовых статей Московских ведомостей./ Катков Михаил Никифорович. – М.: Изд-во С. П. Катковой, 1897-1898 гг. (1874-1887)
- Анисимов А. Кн. С.Н. Трубецкой и московское студенчество // Вопросы философии и психологии. кн. 1. 1906.
- Гиляровский В.А. Москва газетная. В кн.: Сочинения в трех томах. Т. 2. – М., 1994.
- Идеология охранительства: [сборник] / Катков Михаил Никифорович. -

М.: Институт русской цивилизации, 2009.

- Избранные труды / Катков Михаил Никифорович. - М.: РОССПЭН, 2010.
- Имперское слово: [Публицистика] / Катков Михаил Никифорович. - М.: Журнал "Москва", 2002.
- Катков М.Н. Наша учебная реформа. - Б.м.: Б.и., 1890.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 7. 1902-1903. - М., 1967.
- Любимов Н.А. Мой вклад. Т. 1-2. - М.: Б. и., 1881.
- Любимов Н.А. Записка о недостатках нынешнего состояния наших университетов, представленная в комиссию по пересмотру университетского устава членом оной... Любимовым. - Спб.: Б.и., 1876.
- Любимов Н.А. Против течения. - Спб.: Б.и., 1882.
- Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник/Сост. Ю.Н. Емельянов. – М.: Современник, 1989.
- Новгородцев П.И. Памяти кн. С.Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. кн. 1. 1906.
- Поливанов М.П. Памяти князя С.Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. кн. 1. 1906.
- Речь, произнесенная в заседании Императорского общества Истории и древностей российских при Московском университете 28 октября 1894 г. Председателем Общества В. О. Ключевским. М. Университетская типография, 1894.
- Сборник речей, посвященных памяти кн. С.Н. Трубецкого - М., 1909.
- Собрание передовых статей Московских ведомостей./ Катков Михаил Никифорович. – М.: Изд-во С. П. Катковой, 1897-1898 гг. (1874-1887 гг.)
- Собрание сочинений: В 6-ти т. / Катков М.Н.. - М, 2012.
- Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. Публицистические статьи, напечатанные с 1896 по 1905 г. включительно. - М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко. 1907.
- Университетская идея в Российской империи XVIII-начала XX веков:

Антология: учеб. пособие для вузов. – М.: РОССПЭН, 2011.

- Чертков В.Г. Студенческое движение 1899. Издание "Свободного слова", N 29. A.Tchertkoff, Purleigh, Maldon, Essex, England, 1900.

Воспоминания, мемуары, письма:

- Андрей Белый. На рубеже двух столетий. - М., 1989.
- Белоконский И. П. Земское движение. – М.: Задруга, 1914.
- Боголепов Н.П. Страница из жизни Московского университета. – Москва: Б. и., 1911.
- Вернадский Г.В. Из воспоминаний. Вопросы истории. 1995 № 1.
- Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1: Царствование Николая II. – Б. м.: Б. и., 1923.
- Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. - М.: Б. и., 1912.
- Воспоминания Е.М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. – Л.: Прибой, 1929.
- Высотский Н.Г. Из далекого прошлого (Воспоминания о студенческих годах в Московском университете)/ Вестник воспитания. 1910 г. № 7.
- Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. - М., 2000.
- История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Часть 3 (1857-1894 гг.) — М.: 1976-1989.
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990.
- Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881-1914. – М.: Искусство, 1996.
- Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. - Нью-Йорк.: Издательство им. Чехова. 1953.
- Ковалевский М.М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х гг. прошлого века (Личные воспоминания)/ Вестник Европы. 1910 г. кн. 5.
- Короленко В.Г. Дневник (1898-1903). //

http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1893_dnevnik.shtml

- Кузнецов Л.А. Из далекого прошлого / Народовольцы после 1-го марта 1881.
- Милюков П.Н. Воспоминания. т. 1. - М., 1990.
- Московский университет в воспоминаниях современников. Под ред П.А.Зайончковского, А.Н. Соколова. М., 1956.
- Некрасов П.А. Николай Павлович Боголепов. - Москва: Б. и., 1901.
- Памяти русского студенчества конца XIX — начала XX вв. Сборник воспоминаний. - Париж. 1934.
- Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925.
- Переписка студента первого курса Московского Императорского университета Павла Флоренского с родными и близкими в 1901 году // <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7313.php>
- Савинков Б.В. Воспоминания. - М., 1990.
- Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886-1916. 1918.
- Стасюлевич М.М. и его современники в их переписке. - СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1911-1913 гг.
- Суворин А.С. Дневник. // http://az.lib.ru/s/suworin_a_s/text_1907_dnevnik.shtml
- Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого, 31 октября 1905-24 апреля 1906. М., 1997.
- Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений в семи томах. т. 4. - М., 1932.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания. - М., 1990.
- Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918.

3. Литература:

Общие работы:

- Андреев А.Ю. «Национальные модели» университетского образования в России и Западной Европе 18 – начала 20 вв.» // Высшее образование в России. 2005. № 1–2.
- Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. 2009.
- «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX вв. Отв. Сост. А.Ю. Андреев. М., 2009.
- Посохов С.И. Образы университетов Российской империи второй половины XIX – начала XX столетия в публицистике и историографии. – Харьков, 2006.
- Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX вв. - М.: Академия Наук СССР, Институт истории СССР, 1991.
- Иванов А.Е. Университетская политика царского правительства накануне революции 1905-1907 гг. // Отечественная история. 1995. № 6. С. 93-105.
- Маркин В.Л. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно - политической жизни России начала XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02) - Москва: Б/и, 2009. - 29 с.
- Петров Ф.А. «Формирование системы университетского образования в России» (в 4 т.). - М.: Изд-во МГУ, 2002.

Работы, посвященные университетским уставам:

- Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). - М.: Наука, 1978.

- Щетинина Г.И. Университетский вопрос 1870-1880-х гг. и устав 1884 г. – М.: Б. и., 1965.
- Щетинина. Университеты в России и устав 1884 г. - М., Наука. 1976.

Работы, посвященные студенчеству:

- Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX вв.: опыт культурной и политической самоорганизации. - М.: Новый хронограф, 2004.
- Андреев Д.А. Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой — весной 1899 года. // Российская история. 2012. № 1. С. 59-68.
- Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения в России. - М., Изд-во «Студенческий голос». 1908.
- Гессен С. Студенческое движение в начале шестидесятых годов [Текст] / Гессен С. ; — Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. — 144 с.
- Гусятников. Революционное студенческое движения в России 1899-1907. - М., Мысль. 1971.
- Завадский. Студенчество и политические партии России в 1901-1914 гг. - Спб., Нестор. 1998.
- Зарубин. П.В. Карпович. Историческое исследование. - М.: Спутник, 2003.
- Мельгунов С. Студенческие организации 80-90-х гг. в Московском университете. - М.: Свободная Россия, 1908.
- Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. - М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934.
- Ткаченко П.С. Московское студенчество в общественно-политической

жизни России второй половины XIX в. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958.

- Фромметт Б.Р. Очерки по истории студенчества в России. - СПб.: Т-во М. О. Вольф, 1912.
- Щетинина. Студенчество и революционное движение в России (последняя четверть XIX в.). – М.: Б. и., 1988.
- Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения 1899-1906. - Спб, 1906.

Работы, посвященные профессуре:

- Сватиков С.Г. Опальная профессура 80 гг. – М.: Б. и., 1917.
- Российские либералы. Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. - М.: РОССПЭН, 2001.
- Никс Н.Н. Московская профессура во 2 половине XIX — начале XX в. Социокультурный аспект. - М.: Новый хронограф, 2008.
- Левандовский А.А. «Умиритель студентов» // Побег с вертикали. - Псков: "Псковская областная типография", 2005.
- Наместникова И.А. Историко-филологическое общество в Московском университете // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 1999. № 5. С. 75-89.
- Наместникова И.А. Сергей Николаевич Трубецкой и Московский университет: Автореф. дис. на соис. учен. степ. канд. ист. наук (07. 00. 02) Москва: Б/и, 2000. - 24 с.
- Семерикова Е.Э. Князь С.Н. Трубецкой в общественно-политической жизни России конца XIX - начала XX веков: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02) - Саратов: Б/и, 2004. - 23 с.
- Семерикова Е.Э. С.Н. Трубецкой и университетский вопрос. - Саратов: Научная книга, 2004.
- Томсинов В.А. Николай Павлович Боголепов. Биографический очерк. // Боголепов Н.П. Учебник истории Римского права. – М.: Зерцало, 2004.

- Цыганков Д.А. «Профессор В.И. Герье и его ученики». - М.: РОССПЭН, 2010.
- Цыганков Д.А. В. И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX - начало XX вв.). – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), 2008.

Работы, посвященные исследуемой эпохе:

- Андреев Д.А. Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: к истории речи императора Николая II 17 января 1895 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. 2011. № 2(20).
- Боханов А.Н. Александр III. - М.: Вече, 2007.
- Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг. - М.: Б. и., 1964.
- Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. - М.: Мысль, 1970.
- Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т.1 : В 2-х ч. - Белград, 1939.